

Счастье

русская история

Нина Микишич

Здание Смольного института, 1917 год

Медный всадник в Санкт-Петербурге

Нина Микшич
МОЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Нина Микшич
МОЯ РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Авторское издание

Редактор
Катарина Тодорцева Хлача

Корректор
Евгения Чуто

Печать и верстка
«Графика Осиек»

Загреб, 2020

ISBN 978-953-58556-1-3

*CIP запись доступна в электронном каталоге Городской и
университетской библиотеки Осиек под номером 150212078*

Нина Микшич

Авторское издание
1-е издание
Загреб, 2020

*Эту книгу я посвящаю своему
дорогому сыну Борису*

Остыли реки и земля остыла
И чуть нахохлились дома.
Это в городе тепло и сыро,
Это в городе тепло и сыро,
А за городом зима, зима, зима.

И уносят меня, и уносят меня
В звенящую снежную даль
Три белых коня, эх, три белых коня...

*Композитор Евгений Крылатов, поэт Леонид
Дербенев, фильм «Чародеи»*

Моя русская сага, моя русская история... Мне очень хочется написать о том, как три белоснежных летящих коня уносят меня в звенящую светлую даль. Мне очень хочется написать о дали моей жизни, порой светлой, а порой покрытой набежавшими облаками, но, несмотря на все, наполненной яркими, запоминающимися событиями. Написать о моих корнях и моем происхождении на том языке, который я впервые услышала, едва появившись на свет. Написать на русском языке.

Написать о том, как ощутила теплоту и нежность, исходящую от окружающего меня мира. Ощутила, как здесь хорошо и уютно, как меня убаюкивает мелодичность русского языка в плавной и размеренной речи моих мамы и папы. Я очень рано почувствовала их любовь и заботу, они согрели мое тело и душу. Мне кажется, что я, едва родившись, уже догадалась, как прекрасен и беззаботен мой мир, как хорошо подготовились родители к моему рождению.

Родилась я в местечке Гедеровцы в Словении, далеко от России. Заботливые и надежные мамины руки уложили меня в мягкую колыбельку, сделанную специально для меня. Родители окружили меня, своего первого ребенка, свою малышку, бесконечной

любовью и заботой. Папа дал мне имя Нина, которое в переводе с грузинского языка означает «юность», наверное, потому, что именно я вошла в этот мир для них, таких юных, но внезапно повзрослевших вдалеке от родины.

Удивительно, но уже в колыбели я почувствовала, как мне хорошо в этой небольшой, но светлой и уютной комнатке. Я знала, что это мой дом, чувствовала любовь и заботу родителей, а со временем стала прислушиваться и к другим окружающим меня звукам.

Наша русская семья - одна из многих таких же семей, которые Октябрьская революция вынудила эмигрировать. Волей немилосердной судьбы они стали участниками фатальных, ужасающих событий, которые заставили их покинуть родную страну.

Они были отчаянно молоды! Мама только что закончила Смольный институт. Это был последний выпуск самого престижного учебного заведения для благородных девиц высокого происхождения в России. Очаровательных, безупречно воспитанных смолляночек разбросала по свету революция.

Папа был немного старше мамы. Едва отпраздновав совершеннолетие, он вступил в Добровольческую армию, которая встала на защиту отечества во время Октябрьского большевистского переворота. К сожалению, Белое движение потерпело поражение. Белая гвардия вынуждена была отступить и эвакуировать людей практически в неизвестность.

Мои родители, как и многие другие русские эмигранты, были насильно вырваны из своей среды, оторваны от родителей, семей и своего дома. Кровавая революция лишила их молодости.

Вынужденная эмиграция русских из России – эпохальное явление, аналога которому нет в мировой истории – очень многое изменило и в истории моей семьи. Оставила далеко идущие последствия и глубокие травмы в душах людей, которые были вынуждены искать прибежище в чужой стране, чтобы остаться в живых.

В это ужасное для моей семьи время и начинается мое повествование.

На долю эмигрантов, которые были изгнаны из своих домов, из своей страны, выпали невероятные испытания: физические

страдания в положении бесправных беженцев и бесконечная печаль о родине, которую они покинули не по своей воле. Все они были прогнаны из своего уютного дома и буквально в одночасье вырваны из благоустроенного быта и беспечной жизни. Естественно, удобная размеренная жизнь молодой российской интеллигенции никак не могла подготовить их к тем ужасам, которые им предстояло пережить в эмиграции.

Тогда, покидая Родину, они еще не знали, что больше никогда ее не увидят. В их сердцах тлела надежда, что все утрясется и они еще вернутся в свою любимую Россию, родину своего детства, юности и едва начавшейся молодости.

Травмы, о которых я пишу, вспоминая прошлое моей семьи, заставили приспособиться к новым условиям, но не изменили отношения русских эмигрантов к жизненным ценностям, которые были заложены в детстве и сформированы в российской среде. Нравственный фундамент для принятия жизненно важных решений строился на русской культуре, русском языке и русских традициях.

Русские эмигранты оказались в чужой для них стране, без знания языка, без поддержки семьи. Жертвы капитуляции российского имперского уклада получили политическое убежище, но это ни в коей мере не облегчило их участь. Тяжелые испытания выпали на их долю, свалились на хрупкие плечи вчерашних гимназисток и гимназистов. Еще более горькие испытания выпали на долю оставшихся в большевистской России. Эти ужасные события привели к тяжелым последствиям и в нашей семье Генрихсен. Вместе с родителями, которые пережили отступление Белой гвардии, утомительную эвакуацию в неизвестность, отсутствие средств к существованию в чужой стране, эти испытания пережили и дети, родившиеся уже за рубежом.

Так, с первых минут моего появления на свет, вместе с родителями, моими дорогими папой и мамой, многие тяготы довелось пережить и мне, их первенцу, дочке Нине.

Среди русских эмигрантов было много людей всех возрастов. Много было представителей русской интеллигенции, в чьем багаже не было фамильных драгоценностей, но были их образование, навыки и умения, приобретенные в России. В тот момент было

важно выжить, сохранить остатки своей семьи и дорогие сердцу воспоминания. Они еще не знали и не предчувствовали надвигающейся на них грозы, тяжестей эмигрантской жизни, боли от невозможности вернуться в родной дом, которая со временем не притупляется, а становится все сильнее и больнее.

Мои родители, как и многие другие российские эмигранты, оказались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Это и будет темой моего долгого рассказа о жизни. Рассказа, который продолжается до сих пор, рассказа, который и стал причиной того, что у меня родилось желание записать все это на бумаге.

Слова, написанные моей рукой, вырваны из забвения. События, воскрешенные из прошлого, согревают мою душу и радуют сердце. Я давно пишу свою сагу. Пишу ее годами и надеюсь, что людям захочется прочитать о моей жизни, узнать мою историю. Пишу для членов семьи, для друзей и знакомых. Сам факт рождения этой книги, всплывающие в памяти события, картины из прошлого для меня очень важны и, надеюсь, будут интересны читателям.

Может быть, события моей долгой жизни и рассказ о родине моих родителей, рассказ о менее далеком прошлом страны, в которой я родилась и живу, о том, что произошло после эмиграции из России, будет занимателен. Мне хочется рассказать о моей семье, о близких мне людях, об огромном и важном событии – Октябрьской революции, событии, которое изменило не только Россию, но и весь мир. Я пишу о том, что узнала из документов моих родителей и других родственников. Я записывала их рассказы и рассказы других русских эмигрантов для того, чтобы их судьбы не были преданы забвению. Я писала и пишу о событиях, которые считаю весьма важными, о моих чувствах, радости и печали, которые довелось испытать не раз. Пишу о боли, которая поселилась в моем сердце, ибо она неизбежный спутник каждого человека. Никто не приглашает ее в попутчики, но она не считается с нашими желаниями, а приходит неожиданно. Кажется, сейчас вы счастливы, у вас все в порядке и ничто не предвещает беды, горе и несчастья обходят вас стороной. Но нет, беда притаилась где-то рядом, она скрывается до поры до времени под маской ложного благополучия и приходит неожиданно, принося с собой боль, неудачи

и проблемы. Со временем я научилась ценить, когда такого нежеланного попутчика нет поблизости. Я счастлива, когда здорова, когда моим дорогим и близким хорошо, когда могу кому-нибудь помочь словами утешения, делом или сочувствием. Если кого-то из моих близких «посетил» такой нежеланный гость, как болезнь или жизненные неприятности, я постараюсь прийти на помощь. Однако даже если у меня есть в запасе хороший совет, который может помочь решить ситуацию, я всегда осторожна. Что хорошо для одного человека, для другого может обернуться бедой, поэтому я предпочитаю помогать конкретными делами, сделать что-то такое, что может человека обрадовать или поможет справиться с проблемой. Помочь словом и делом. Это для меня радость и удовольствие.

Я очень люблю встречаться с друзьями и знакомыми. Рассказывать о себе, слушать их рассказы, делиться мыслями, радостными и грустными новостями, узнавать что-то новое. От них я узнаю много интересного, но не только. Общение помогает мне собраться с мыслями, дает возможность посоветоваться, найти выход из сложной ситуации. Например, мне очень важно иметь возможность посоветоваться с сыном. На душе сразу становится легче, и боль отступает. Вместе легче веселиться и грустить.

Я часто встречалась с проблемами русских эмигрантов и всегда старалась помочь в меру своих сил и возможностей. Считаю, что очень важно, когда тебя кто-то понимает и в горе, и в радости.

Но жизненный путь ведет все дальше и дальше. Все больше встречается новых людей, возникает неожиданных ситуаций.

Со временем в Хорватии у меня появилось много новых друзей, с которыми меня свела судьба, и я ей от всей души за это благодарна. Я люблю с ними разговаривать обо всем хорошем, но и плохом, что происходит вокруг нас. Я старалась запоминать события, чтобы потом рассказать о том, что меня тронуло, что осталось в памяти, чтобы потом превратить эти события в слова и предложения на бумаге.

Я расскажу и напишу о том, что считаю важным сохранить для моей семьи, для окружающих меня людей.

Писать я начала поздно, а главную роль в этом сыграло мое желание не просто написать историю жизни, но поработать над

моим повествованием, научиться чему-то новому, создать действительно нечто стоящее. Думается, мне это удалось. После многих бессонных ночей, после многих лет работы из глубины моего сердца родилась книга, которую я дословно вырвала у забвения. Первую книгу я написала на хорватском языке и вот теперь пишу на русском и начинаю с самого начала, с истоков.

Я уверена, что моему дорогому сыну Борису будет приятно получить на память обо мне повествование о истории нашей семьи. Эту книгу я пишу также для моих внуков, для моей племянницы и для всех дорогих мне людей, которые пожелают ее прочитать. Мне очень хочется, чтобы ветры забвения и зуб времени не унесли историю моей жизни в небытие. Именно поэтому мне хотелось написать о моей жизни и этой земле, на которой мы все живем, на русском языке, чтобы мои близкие не забывали о своих корнях, о своем происхождении. Это даст им крылья и опору в жизни. А людям, которые пожелают познакомиться со мной посредством моего повествования, я могу пожелать занимательного времяпрепровождения, поскольку события, о которых я пишу, действительно оставили глубокий след в истории большой семьи, одной из многочисленных семей, унесенных ветром революции.

Все, о чем я пишу, все мои мысли, впечатления и переживания долгое время рождались и теснились в моей голове, и вот, наконец, подошел момент перенести их на бумагу. Чувства, связанные с описываемыми событиями, глубоко запечатлены в моем сердце. Я старалась как можно полнее и интереснее рассказать читателям о том, что меня волновало и волнует, о событиях, свидетелем и действующим лицом которых мне пришлось побывать, и о том, что меня в жизни окружало и окружает.

Я буду безгранично рада, если мой рассказ доставит кому-нибудь приятные минуты. Для меня будет большой наградой, если люди возьмут в руки мою книгу и не просто прочитают ее, а найдут ее интересной и поучительной. Если это произойдет, я буду абсолютно счастлива.

МОЯ СЕМЬЯ. ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЕМЬИ ГЕНРИХСЕН

Прежде чем продолжить мое повествование, я хочу подробно описать свою родословную, или историю своей семьи, в форме генеалогического древа или поколенной росписи. Желание знать родословную есть в каждом человеке. Знание истории семьи дает осознание ценности жизни каждого из предков и благодарности, ведь не будь хотя бы одного из них, не родились бы мои мама и папа, а у них не родилась бы я. Историю семьи я хочу передать своим детям и внукам. Они не будут «Иванами, родства не помнящими», они будут знать и помнить каждого своего предка, в том числе и автора родословной.

Для читателей книги родословная моей семьи позволит понять, какое положение семья занимала в царской России и как не просто было все это потерять и приспособиться к новым условиям, построить жизнь с нуля.

Мой прадед **Густав Хенриксен**, камердинер комнат Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, родился в Швеции, в Стокгольме. Несмотря на сложные взаимоотношения Российской империи и Королевства Швеция в истории, русские императоры охотно принимали шведов на государственную и военную службу. Эту традицию начал Петр I, а продолжили его наследники. Среди выходцев из шведской среды, сделавших карьеру на царской службе, было немало генералов, адмиралов, губернаторов. Подданные шведского происхождения демонстрировали исключительно высокую преданность царскому престолу.

По прибытии Густава Хенриксена в Россию на русский язык его фамилию перевели как Генрихсен, поэтому наш род носит русифицированную фамилию Генрихсен.

У Густава Генрихсена было четверо сыновей и дочь.

Владимир Густавович, (папин отец, мой дед) – управитель графского имения Кавалиха. Учился в Харьковском технологическом институте. Впоследствии проживал с семьей в Киеве.

Петр Густавович работал директором сахарного завода «Петр Барский» в Киеве. Занимался благотворительной деятельностью.

Считал образование главным жизненным капиталом и по мере сил и возможностей помогал бедным студентам и ученикам ремесленных училищ.

Борис Густавович окончил институт, во время Гражданской войны был арестован и убит. Семейное предание гласит, что его жена от горя поседела за одну ночь, а между убитыми его смогли опознать по высокому росту.

Алексей Густавович закончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения в 1893 году, в классе и чине действительного штатского советника с 1914 года работал инженером российской Либаво-Роменской железной дороги. Поскольку его позиция соответствовала рангу министра, в его распоряжении был служебный железнодорожный вагон. В ходе Гражданской войны 1919–1920 Алексей Густавович включился в оперативно-стратегическое объединение белых войск Юга России, которые были образованы в результате объединения Добровольческой армии и армии Всевеликого Войска Донского для борьбы против большевиков. Эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев в 1923 году.

Надежда Густавовна – единственная дочь Густава Генрихсена. К сожалению, о ее судьбе мне ничего не известно.

Папин отец **Владимир Генрихсен** женился на моей бабушке **Евгении Золотницкой**. У них родились три сына и дочь.

Сын **Николай** родился в 1887. Женился на финской девушке, и у них родился сын. Участвовал в Гражданской войне, был ранен и скончался в госпитале в 1919 году.

Дочь **Нина** родилась в Киеве в 1893 году. Вышла замуж за доктора Владимира Попова. У них родились две дочери: Ирина (родилась в Крыму в 1920 году, умерла в Карловаце в 1997 году) и Татьяна (родилась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в городе Делнице в 1923 году, умерла в Карловаце в 2014 году). Владимир Попов умер в Делнице практически сразу же после рождения дочери, в 1923 году.

Сергей, мой отец, родился в Киеве в 1899 году. Уже в эмиграции женился на моей маме Александре, урожденной фон Радецкой (родилась 1901 году в Санкт-Петербурге, умерла в 1989 году в Сан-Паулу, в Бразилии). У них родились две дочери.

Я, **Нина**, родилась в КСХС, в словенском городке Гедеровцы, в 1923 году, и моя сестра Ольга (родилась в 1924 году в Делнице, погибла в автокатастрофе в Бразилии в 1973 году).

Я вышла замуж за Степана Микшича, и у нас в 1948 году в Загребе, тогда уже в Социалистической Республике Югославии, родился сын **Борис**. У Бориса двое детей:

дочь Ивоне и сын Пол, которые родились в Америке, в столице штата Миннесота Сент-Пол.

У моей сестры **Ольги**, которая вместе с мамой в 1950 году эмигрировала в Бразилию и в перевалочном лагере в Италии вышла замуж за русского эмигранта, инженера Виктора Имбришу, родились двое детей: сын Миша и дочка Нина. У Нины родилась дочка Наташа.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЕМЬИ ФОН РАДЕЦКИ

Радецкие — дворянский род, происходящий из Силезии и восходящий к половине XVI века.

Мой прапрадед **Эмиль Эдуард фон Радецкий** (1846, Рига – 1880, Петербург), отец прадеда Николая, закончил Политехнический институт в Риге и в 1873 году поступил на службу на Кронштадтский завод по производству гальванического оборудования. Участвовал в русско-турецкой войне. Женился в Риге на Анне Цветковой.

Мой прадед **Николай фон Радецкий** был генералом в Кронштадте, городе-порте, одном из семи пригородов Санкт-Петербурга.

Мой дед **Оттокар фон Радецкий** воспитывался в Павловском кадетском корпусе, закончил Павловское военное училище, с 1910 года служил штабс-капитаном артиллерийского полка, охранявшего крепость.

Женился на моей бабушке **Ольге Вилковой**. У них родилось четверо детей: три сына и дочь, моя мама **Александра Оттокаровна фон Радецкая**, 1901 года рождения.

Борис 1903 года рождения,
Ростислав 1905 года рождения,
Николай 1906 года рождения.

Вся семья Оттокара и Ольги Радецких, кроме моей мамы, которая со Смольным институтом эмигрировала в КСХС, осталась в России, и мне ничего не известно об их дальнейшей судьбе.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О МОЕЙ ЖИЗНИ И МОИХ КОРНЯХ

Как я уже говорила, я хочу рассказать историю своей жизни, начиная с самого начала, от первых детских воспоминаний, до сегодняшнего дня. Я благодарна Богу, что хорошо себя чувствую и могу писать с удовольствием. Воспоминания и работа по написанию этой книги, после того как вышла моя книга на хорватском языке, для меня были большим вызовом. Писать по-русски доставляет мне безграничное удовольствие и новые впечатления. Я готова к новой работе и воспринимаю ее как новый жизненный опыт. Для меня дни, когда я пишу эти строки, – самые драгоценные в моей жизни, это стремление достичь желаемого результата ведет меня вперед и вызывает в моей памяти все, что мне рассказывала моя любимая мама. Я все старалась запоминать, как будто тогда уже знала, что придет время, когда я буду должна историю моей семьи перенести на бумагу, «оживить» моих близких в памяти и оставить своим потомкам.

Все, о чем я пишу, я узнала не только из рассказов моих родственников и других русских эмигрантов, с которыми тесно общалась. Многие из того, что находится в книге, я нашла в других свидетельствах и сохранившихся в семье документах.

Я хочу написать обо всем, что произошло в моей жизни и обо всем, что накопилось в моем сердце во время пребывания на нашей прекрасной планете. Я хочу написать о своей русской семье Генрихсен-Радецки, но пусть это будет и рассказ не только о моем происхождении, не только о маме и папе, но и о многих событиях, которые произошли со мной, обо всем, случившемся в моей жизни. О том, что мне довелось пережить, и как я это запомнила.

Моя мама Александра Оттокаровна фон Радецкая родилась в Санкт-Петербурге (тогда Петрограде) в семье штабс-капитана Кронштадтского гарнизона Николая фон Радецкого. Здесь нужно пояснить, город-крепость Кронштадт— самый удаленный и необычный из семи пригородов Санкт-Петербурга. Расположенный на острове Котлин в Финском заливе, город на протяжении всей своей истории служил морским щитом Санкт-Петербурга и столицей Балтийского флота России. Само название «Кронштадт» означает в переводе с немецкого «город-венец». Кронштадт надежно защищал Санкт-Петербург и вместе с ним северные рубежи России на протяжении трех столетий, с момента строительства здесь крепости в 1703-1704 годах основателем Северной столицы Петром Первым.

Мою маму родители отдали на обучение в Смольный институт благородных девиц, закрытое заведение для обучения девушек, которое имело безупречную репутацию.

В детстве мама мне много рассказывала о своей школе, особенно если надо было меня приструнить. Тогда мама вспоминала, как воспитывали их в Смольном, и у меня возникало горячее желание походить на нее и ее подруг. Чтобы было понятнее, о чем идет речь, надо немного рассказать об истории возникновения этого учебного заведения и его деятельности.

Первое в России закрытое женское учебное заведение для дворянского сословия, положившее начало женскому образованию, основано именным указом императрицы Екатерины II от 5 мая 1764 года при Воскресенском Новодевичьем монастыре. Устав Воспитательного общества благородных девиц устанавливал полный регламент своей деятельности. В основе системы воспитания и учебной программы лежали педагогические воззрения генерал-поручика Ивана Ивановича Бецкого, сформированные им под влиянием западноевропейской просветительной философии, которые разделяла и сама императрица.

Воспитательное общество было рассчитано на содержание 200 девиц «благородного звания». Обучение продолжалось 12 лет и делилось на 4 «возраста» по 3 года каждый.

Первых девочек набрали в мае 1764 года, причем основными условиями приема были здоровье и возраст - не старше шести

лет. В первом приеме были воспитанницы и младше: нескольким девочкам было по четыре года.

Девочек учили Закону Божьему, русскому и иностранным языкам, арифметике, рисованию, танцам, музыке и рукоделию. Во 2-м «возрасте» прибавлялись история и география, в 3-м – словесные науки, скульптура, архитектура, геральдика, физика, токарное дело. Воспитанницы последнего «возраста» по очереди назначались в младший класс для практического ознакомления с приемами воспитания и обучения. Занятия чередовались с физическими упражнениями, ежедневными прогулками, играми на свежем воздухе или в залах. Воспитанницы учились круглый год, каникулы не предусматривались. Раз в три года проводились экзамены.

Классные дамы обязаны были поступать с воспитанницами с благоразумием и кротостью. Наказаний предписывалось избегать, допускались только «увещания» провинившихся.

При Екатерине II Воспитательное общество пользовалось особым положением: оно не подчинялось Сенату, а находилось в ведении самой императрицы. Основательница Смольного уделяла очень много времени и внимания созданному ею учреждению: не только давала указания, руководила его деятельностью, но входила во все подробности жизни Воспитательного общества, часто посещая Смольный. Екатерина II говорила, что минуты, здесь ею проведенные, нельзя считать потерянными для царства.

На торжественные собрания и любительские театральные представления приглашали представителей императорского двора, дипломатов, высших военных и гражданских чинов; число приглашенных иногда доходило до тысячи.

Зимой воспитанницы посещали Эрмитаж, Публичную библиотеку, выставки в Академии художеств, Ботанический сад, Таврический дворец, промышленные выставки. Десять лучших выпускниц ездили с начальницей и классными дамами на специальную церемонию в Зимний дворец, где их представляли императору.

«Смолянки» первых выпусков вспоминали о годах пребывания в заведении, как о счастливейшем времени в своей жизни.

За 155 лет существования Смольный воспитал девушек, ставших воплощением, лицом культурной, образованной России. Выпускницы Воспитательного общества благородных девиц

представляли императорский двор и воспитывали европейски мыслящих потомков. Некоторые «смолянки» по окончании курса занимались педагогической деятельностью в первых женских учебных заведениях и в частных домах, но большинство из них, рассеянные по всей России, несли свою скромную долю жен и матерей, значительно отличаясь от прочего русского общества, в которое они внесли новые яркие и живые стремления и идеалы.

Помню, маму и ее подруг я представляла как девочек в белых передниках, образованных русских аристократок, воплощение ушедшей в прошлое дореволюционной культуры. «Смолянки» для меня стали синонимом молодых дам высшего света. Потом я читала, что в начале XX века выпускницы Смольного стали оказывать большое влияние на русскую культуру, литературу и историю. «Смолянки» участвовали в боевых действиях Первой мировой и Гражданской войн и, конечно, оказались в эмиграции. Биографии многих из них были настолько удивительны и необычны, что уже при жизни эти женщины стали легендами, им посвящали книги.

В октябре 1917 Смольный институт под руководством княгини Веры Голицыной выехал в Новочеркасск, где в феврале 1919 состоялся последний, 86-й российский выпуск. Летом того же года преподаватели и оставшиеся воспитанницы покинули Россию вместе с Белой армией, и институт, объединенный с другими подобными заведениями, был эвакуирован в Сербию.

По мнению основательницы института, императрицы Екатерины Великой, воспитанницы Смольного должны были смягчать, облагораживать нравы тогдашнего, еще не блещущего хорошими манерами общества, вносить в отношения между людьми начала гуманности. Вся система образования была направлена на то, чтобы сформировать в девочках почтение к старшим, чувство благодарности, доброжелательности, опрятность, бережливость, учтивость, терпение, трудолюбие и прочие добродетели. В программу входило обучение словесности, истории, географии, иностранным языкам, музыке, танцам, рисованию, светским манерам. Время показало, что большинство выпускниц Смольного института выполнили свое предназначение. Многие «смолянки» стали достойными спутницами замечательных

людей, вдохновительницами знаменитых ученых, художников, поэтов, музыкантов.

То, что моя мама принадлежала к этому благородному обществу, очень повлияло на мое детство и мое воспитание. Мы жили в небольшой комнате, мама очень много занималась со мной, много мне рассказывала о своем детстве. Я чувствовала, что она очень тосковала по своей родине, по тем местам, где прошло ее детство. Очень грустила, что не может снова встретиться со своими мамой и папой, со своими подругами. С тоской вспоминала беззаботную жизнь в родительском доме. Она очень хорошо помнила свое детство в родном доме несмотря на то, что рано его покинула и поступила на обучение в Смольный институт благородных девиц. По уставу учебного заведения, девочки не разъезжались на каникулы по домам, а родители посещали дочерей только в назначенные дни и с позволения начальницы. Учебное заведение должно было полностью заменить семью.

В наступившем хаосе революции и Гражданской войны Смольный сначала был эвакуирован в Новочеркасск, а затем по приглашению воспитанника Российского двора сербского царя Александра Карагеоргиевича институт переехал в Сербию.

Вся мамина семья осталась в России. Наверняка все думали, что это временно и ненадолго, поэтому решили переждать революцию в Сербии, но увы, мама больше никогда не увидела своих маму и папу, трех братьев, которых очень любила и была к ним привязана. Она была их старшей сестрой и много о них рассказывала. Помнила каждого брата по имени, помнила их дни рождения, подробно описывала их внешность и характер и всегда в конце рассказа плакала. Маме было очень тяжело, когда после выпуска из Смольного все выпускницы и преподаватели во главе с начальницей княгиней Голицкой были эвакуированы на юг России, который тогда был в руках Белой армии. Дабы чем-то занять выпускниц, для них организовали дополнительное обучение. Так моя мама еще один год училась в Новочеркасске, а когда Красная армия начала теснить защитников юга, путь назад в Петербург был отрезан и было принято решение, что все выпускницы и учителя, а значит и моя бедная мама, должны покинуть Россию вместе с оставшимися частями Белой армии. Это

был ужасный удар для моей бедной мамы. Она вспоминала, как она и ее подруги, испуганные и удрученные, сгруппировались на палубе отчаливающего парохода, плакали и молились Богу, чтобы он услышал их искренние молитвы и как можно скорее позволил вернуться в Петербург, к родителям, в теплое и уютное родное гнездышко. Им, только что окончившим образование, хотелось побыстрее вернуться в родной город и, конечно же, выполнить свое предназначение: выйти замуж и стать прекрасными женами, хорошими хозяйками, заботливыми матерями и учителями своих детей.

К сожалению, их надежды на окончание Гражданской войны и возвращение не оправдались.

В их прекрасный дом, в их великолепный Смольный дворец, 25 октября 1917 года вселился сам вождь кровавой революции Ленин. Отсюда он руководил восстанием в Петербурге, и возврата сюда прежним обитателям школы уже никогда не будет.

Огромная тоска поселилась в сердце моей мамы. Ведь она была такой молодой, по окончании обучения должна была вернуться в родной дом, под крыло своей мамы, моей бабушки, которая бы помогла ей освоиться в жизни вне стен Смольного. Оставшись совсем одна, она ощущала себя совсем беспомощной, такой одинокой без дорогих ей людей. Никого из родных не было рядом с ней в самый тяжелый момент ее жизни. Никто не мог поддержать, успокоить, приголубить. Волей судьбы маме пришлось научиться надеяться на свои силы и самой становиться на ноги после крушения всех надежд.

К счастью, благодаря воспитанию в Смольном, мама выросла в прекрасно образованную, хорошо воспитанную молодую девушку. В дальнейшем это был ее капитал и ее путевка в другую жизнь.

А счастье было так близко! Дом маминых родителей находился неподалеку от Смольного института, и мама рассказывала, как она, когда уже училась в старших классах, с позволения начальницы гуляла с гувернанткой по Невскому проспекту. Это был последний год обучения, и мама должна была вернуться в свой дом, к обожаемым маме и папе.

Октябрьская революция вырвала «смолянок» из их привычной жизни в семье. Как и многих других беженцев из России,

разбросала по всему миру, заставила бежать без оглядки в чужую страну, к чужим людям, которым не было никакого дела до их беспечной прошлой жизни. Другая страна дала им приют, но не могла дать тепло родного дома, любимых родителей, братьев и сестер.

Октябрьская революция и последующие за ней события вмешались в мамину судьбу. Она, как и многие ее соотечественники, оказалась далеко от России, уехала в неизвестность навсегда.

Похожая история произошла и с моим папой.

Мой папа Сергей Владимирович Генрихсен родился и рос в большой семье. Жили они в Киеве. Как мне рассказывали папа и его сестра, а моя тетя Нина, их дом находился недалеко от Киевского городского театра.

Как я уже упоминала, корни семьи Генрихсен тянутся из Швеции. Мой прадед Густав Генрихсен приехал в Россию во второй половине девятнадцатого столетия в числе миллиона жителей, которые покинули страну в поисках лучшей жизни. Многие уехали в Америку, а другие нашли новую родину в Российской империи. Это была одна из волн переселения специалистов в Россию, часть процесса, который начался еще при Петре Первом (1672 – 1725). По его приглашению и на хороших условиях в Россию приезжали ученые, судостроители, инженеры, архитекторы, мастера и военные, служившие России.

Построив в 1703 году Санкт-Петербург, царь Петр, образно говоря, прорубил окно в Европу. Ему принадлежат огромные заслуги по превращению патриархальной России в мощное государство. С юных лет проявляя интерес к наукам и заграничному образу жизни, Петр первым из русских царей совершил длительное путешествие в страны Западной Европы. По возвращении из него, в 1698 году, Пётр развернул масштабные реформы российского государства и общественного уклада.

Познакомившись в Англии, Голландии, Саксонии и Австрии с новейшими достижениями в области кораблестроения и других отраслей промышленности и торговли, Петр, используя их опыт, внедрял это в России.

Опыту работы иностранных академий наук он посвятил несколько зарубежных поездок. Во время поездки во Францию он посетил Сорбонну, обсерваторию, Академию письменности и

словесности и даже принял участие в заседании Королевской академии наук в Париже. Он также посетил Лондонское королевское общество, Оксфорд, ряд музеев и научных лабораторий, верфи Голландии.

В 1724 году по распоряжению Петра Первого была открыта Императорская академия наук и художеств в Санкт-Петербурге.

Царь-реформатор отчетливо понимал необходимость преодоления технической отсталости России и всячески способствовал развитию русской промышленности и торговли. Хотел, чтобы Россия общалась с Европой не только через открытое им «окно», но стала полноправным европейским государством.

Царь Петр придавал особую роль созданию флота, что, естественно, не могло обойтись без математики. Одной из первых в Москве была основана школа математических и навигационных наук – первое артиллерийское, инженерное и морское училище, историческая предтеча и предшественник всей современной системы инженерно-технического образования России.

6 мая 1703 года на Заячьем острове была заложена Петропавловская крепость, с которой и начался Санкт-Петербург. Именно этот день считается днем основания Северной столицы.

Новый город начал расти рядом с крепостью на соседнем Бerezовом острове, этот остров даже стали называть Городским (теперь это Петроградская сторона). Уже в ноябре 1703 года здесь открылся первый храм города, в память о том, что крепость была заложена в день Святой Троицы, его тоже называли Троицким. Перестроенный через несколько лет в камне, Троицкий собор некоторое время был главным храмом столицы. Именно здесь в 1721 году Петр I принял титул императора.

Петербург, который был столицей Российской империи больше двухсот лет, по замыслу царя должен был стать образцовым городом-«парадизом».

Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837) спустя сто лет в своей поэме «Медный всадник» создал заверченный и целостный образ города. Он придал Петербургу силу самостоятельного бытия, описал духовное начало города, живущего собственной жизнью, то спокойной и тихой, то полной бедствий и страданий. Прекрасно и грозно раскинувшееся на костях и болоте

величественное творение Петра Первого существует по своим законам, и никто не в силах бороться с его могучей стихией.

Описание Петербурга тесно переплетается с фигурой правителя. Вот он, отлитый из бронзы, во время наводнения наблюдает за вытворяемыми Невой бесчинствами, даже словно одобряя их: «Стоит с простертою рукою Кумир на бронзовом коне». Даже в названии памятника Пушкин нарочно опускает имя царя и называет его то «медным всадником», «то мощным властелином судьбы»:

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.*

И думал он:

*Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.
Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,*

*Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва.*

Поэт продолжает с любовью описывать Петербург, город, который стал символом поэтичности и творчества, величия и вдохновения:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...*

Идут года, а город стоит, «парадиз», как назвал его основатель царь Петр Первый. Город Санкт-Петербург, который является уникальным произведением русской и мировой культуры, называют Северной Венецией, сравнивая его каналы, мосты и дворцы с самым известным и уникальным по своей архитектуре городом Европы.

Самый известный памятник Петру Первому «Медный всадник» находится в просторном сквере на Сенатской площади. По замыслу скульптора Этьена Фальконе, царь Петр изображен верхом на вздыбленном коне, который стремительно поднялся на гребень скалы и повернут к реке Неве, символизируя заслуги Петра и основание им города, который открыл водный путь из России в Западную Европу.

По стопам первых переселенцев из Европы в Россию пошел и мой прадед Густав Генрихсен. В отличие от соотечественников он поселился в Киеве.

Тут и начинается мой рассказ о родителях, о молодых изгнанниках, чья жизнь свела далеко от родины.

Подобно тому, как в калейдоскопе при повороте меняется изображение, так жизнь сделала крутой поворот и свела мою маму, которая родилась и выросла в Санкт-Петербурге, с моим папой, который родился и вырос в Киеве.

Они родились и выросли очень далеко друг от друга и, если бы остались в России, маловероятно, что бы когда-нибудь познакомились, полюбили друг друга и обвенчались. В России у них не родились бы мы с сестрой. Однако судьба рассудила иначе. Открыла для них совсем другие страницы жизни, послала по-другому жизненному пути.

Так начался и мой жизненный путь, судьбе было угодно, чтобы я, их первая дочка Нина, которую мама и папа называли «принцесса», родилась у них после изгнания из России за рубежом. После того как их вихрь Октябрьской революции забросил в Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Если мама попала в КСХС в результате эвакуации Смольного института, все-таки вместе со своими школьными подругами и учителями и ей было на кого опереться, то папа прошел гораздо более тяжелый путь, прежде чем оказался в Королевстве СХС.

Ему не исполнилось и восемнадцати лет, когда он, тогда еще юнкер военного училища, вступил в Добровольческую белую армию и участвовал в обороне своей дорогой родины – России. Это было тяжелое и мученическое время для России, когда люди гибли на всех фронтах. Истекая кровью, Белая гвардия героически боролась за восстановление самодержавия, но враг оказался сильнее, и фатальный конец был неминуем.

Период после Октябрьской революции был временем решительных переломных событий, которые ознаменовали полное поражение и окончательный слом Российской империи.

1917 год ознаменовал перелом в русской истории, отречение от престола последнего императора и уничтожение царской династии Романовых, которые на протяжении трехсот лет правили

Российской империей. В результате поражения в Гражданской войне в 1920 году начался исторический исход Белого движения из России в эмиграцию. Поэтому можно смело утверждать, что Октябрьская революция изменила не только устрой Российского государства, но и картину всего мира.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВАКУАЦИЯ БЕЛОЙ АРМИИ

Для того, чтобы было понятно, какие препятствия и тяготы пришлось пережить эмигрантам, прежде чем они попали в относительно спокойные условия и могли на новом месте начать новую жизнь, нужно сказать несколько слов о Белом движении.

К концу 1920 года стало понятно, что Белое движение в России терпит поражение, стало очевидно, что так называемая большевистская революция в России в 1917 году победила.

Сражавшаяся против большевиков русская Белая армия отступала по всем фронтам. Последним оплотом сторонников Российской империи оставался Крым. Кроме военнослужащих, здесь находились члены их семей, дворяне, купцы, представители творческой интеллигенции – в общем, те, кто еще не успел уехать и кому было не по пути с Красной Россией.

7 ноября 1920 года, точно в третью годовщину кровавой революции, Красная армия начала наступление с целью прорыва укреплений врангелевской армии в районе Перекопского перешейка. Комиссары пытались любой ценой уничтожить Белую армию, а также помешать эвакуации и развязать бойню.

Благодаря тактике и стратегическому таланту генерала Врангеля, подступившие к Севастополю передовые части большевиков были героически отброшены от города отрядами Белой армии.

Это позволило, оторвавшись от противника, начать отступление, обеспечить организованный отход к берегу и начать погрузку на суда в портах Евпатории, Севастополя, Ялты, Феодосии и Керчи.

Врангель удостоверился, что все войска погружены, что сейчас грузятся последние заставы, и тогда повернулся к северу, в

направлении Москвы, и, сняв фуражку, перекрестился и низко поклонился Родине в последний раз.

120 судов составляли армаду, в которую, кроме военных кораблей Черноморского флота, входили транспортные суда, пассажирские и торговые корабли, яхты, баржи и даже плавучий маяк на буксире. Последний корабль с беженцами вышел из порта 15 ноября. На следующий день эвакуация была закончена.

В состав Белой армии входил и Павлоградский полк, в котором мой папа, Сергей Владимирович Генрихсен служил штабротмистром. Нужно сказать, что самоотверженностью, неустрашимостью и отвагой легендарного Павлоградского полка с давних времен восхищались не только соотечественники, но и противники. Например, во время Отечественной войны 1812 года в России сам Наполеон и его генералы отдавали дань отваге и героизму полка во время сражений.

История папиного Павлоградского полка заслуживает того, чтобы о нем сказать несколько слов.

Павлоградский полк был создан в 1783 году, а уже в октябре он принял боевое крещение в одном из сражений с турками. В битве за крепость Кинбурн в составе армии Суворова он загнал в море турецкий десант.

В войне 1805 года полк принимал участие в составе арьергарда князя Багратиона. Особенно отличился Павлоградский гусарский полк в боях под Шёнграбенем и Амштеттенем. Кстати, бой под Шёнграбенем 4 ноября 1805 года описан Львом Толстым в романе «Война и мир». Классик неоднократно упоминает Павлоградский гусарский полк, поскольку, по замыслу писателя, именно в нем служил Николай Ростов.

Полк входил в состав 5-тысячного отряда князя Багратиона, прикрывавшего движение главных сил армии Кутузова. Целый день русские войска отбивали атаки французского авангарда, и почти половина гусар осталась на поле брани. В ходе военных кампаний 1805—1807 годов павлоградские гусары принимали активное участие в боях под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и других военных операциях.

В 1812 году Павлоградский гусарский полк прикрывал Киев, воюя с союзниками Наполеона: австрийцами, саксонцами и

поляками. Полк отличился в боях под Кобрином, Городечно, Слонимом, а также на Березине. В ходе долгой войны павлоградские гусары участвовали в действиях партизанских отрядов в тылу французов. Французов выгнали за пределы России, но на этом боевой путь Павлоградского гусарского полка не закончился. С боями он прошел всю Германию, отличился под Магдебургом, Виттенбергом, Гросбереном, а затем продолжил поход в Голландии.

Об этих событиях писал Александр Грибоедов, отмечая мужество и мастерство гусар. Неслучайно, наверное, за участие в войне 1812—1814 годов головные уборы павлоградских гусар украсила надпись «За отличие».

Еще одна яркая страница в истории Павлоградского гусарского полка – русско-турецкая война 1828—1829 года. Гусары всегда были в первых рядах русских войск и неизменно проявляли героизм и отвагу.

Военная биография полка была продолжена во время Крымской войны 1853—1856 годов. Примерно в это время в Павлограде был заложен Покровский храм – в память о погибших гусарах и в благодарность Господу от тех, кто остался в живых.

Полк воевал на фронтах Первой мировой войны, а впоследствии активно включился в Белое движение в составе врангелевских войск в Крыму, вплоть до эвакуации. В 1945 году в хранилищах Дрезденского банка было найдено 140 знамен старых российских полков – они были вывезены туда белогвардейцами. Среди них и знамя Павлоградского лейб-гусарского полка.

Уже в изгнании для павлоградцев и других русских эмигрантов имя ученика Суворова генерала Багратиона стало символом беззаветного служения родине и беспримерного героизма. Не раз в детстве и юности я слышала рассказ о том, как один из известнейших полководцев Петр Иванович Багратион в 1812 году для победы русских войск принес в жертву собственную жизнь. Будучи смертельно раненым, он произнес слова, ставшие девизом солдат и офицеров Белого движения: «Я нисколько не сожалею о [смерти], был всегда готов пожертвовать и последнюю каплю моей крови на защиту отечества».

В кругах русских эмигрантов было две иконы, два генерала: Багратион и Врангель.

Вот так и получилось, что мамин Смольный институт эвакуировали из Новочеркасска еще в относительно спокойном 1919 году, когда Крым был еще в руках Белого движения.

Папа со своим 4-м Кавалерийским полком Павлоградского гусарского эскадрона погрузился на судно «Аю-Даг» в Севастополе, а его сестра Нина с мужем, военным доктором Дмитрием Поповым, новорожденной дочкой Ириной и своей мамой, а моей бабушкой Евгенией, попали на судно, уходящее из Феодосии.

Всего Крым покинуло приблизительно 146 тысяч армейских офицеров с семьями, служащих тыловых военных и гражданских учреждений, раненых и больных. Некоторые корабли были перегружены в несколько раз, не хватало еды и воды. Пароходы вышли в море, переполненные беженцами до крайности. Все трюмы, палубы, проходы и мостики были буквально забиты людьми. Эту огромную массу беженцев ждали тяжелые лишения и испытания.

Вот как описывал это трагическое событие русский поэт, донской казак, офицер Белой армии Николай Туроверов (родился в 1899 году в станице Старочеркасская в России – умер в 1972 году в Париже, во Франции):

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

И дальше:

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, –
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук.
Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.

Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

и еще:

И запомнил и помню доныне
Наш последний российский ночлег,
Эти звёзды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.

Как уже было сказано, большую часть Белой армии и беженцев удалось спасти благодаря мужеству и организаторским способностям генерала Петра Николаевича Врангеля, главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России.

Генерал Врангель — выдающаяся личность в истории России.

Барон Пётр Николаевич Врангель (1878—1928) родился в семье, принадлежащей к старинному немецкому роду. Одним из первых получил в период I Мировой войны орден Св. Георгия за проявленное мужество.

В годы Октябрьского переворота Врангель отправился на Крымский полуостров, а потом на Дон. В конце 1918-го принял командование над Добровольческой армией.

Врангель удерживал Крым в течение полугода, несмотря на тяжёлую обстановку и отсутствие провизии. Но отступить уже было некуда, это был последний оплот царской России.

Врангель вместе со своими офицерами и солдатами был вынужден эмигрировать в Стамбул, а в 1924 году за рубежом основал объединение «Русский общевоинский союз», задачей которого было поддержание боевого состава для дальнейшей борьбы против большевизма. После эмиграции большевистские спецслужбы развернули на Врангеля настоящую охоту, и его смерть случилась при невыясненных обстоятельствах.

Петр Иванович Врангель ушел из жизни 25 апреля 1928 года в городе Брюссель, не дожив до своего пятидесятилетия всего несколько месяцев. Осенью 1929 года останки великого полководца были перемещены в русский храм Св. Троицы, находящийся в Белграде.

Таким образом для одних начался тяжелый путь в изгнание и расставание навсегда с любимой родиной, а других ждала Голгофа в большевистской России.

Не всем противникам советской власти удалось покинуть Крымский полуостров. Часть бойцов Белой армии, сдерживая врага и обеспечивая процесс эвакуации, попали в плен.

Многим гражданским лицам попросту не хватило места на кораблях.

Большевики обещали простить всех белых солдат и офицеров, которые не эвакуируются из Крыма, а сдадутся на их милость. Но этого не случилось, и 55 тысяч человек, поверивших и оставшихся, было убито по приказу Ленина. Тех, кто остался, ждала мученическая смерть от рук комиссаров. Почти все жители Крыма были подвергнуты проверкам на благонадежность и сотрудничество с режимом Врангеля, многие впоследствии были репрессированы и замучены в лагерях.

Тем временем переполненные людьми суда двинулись в свой тяжелый путь в неизвестность. Судно, на котором находились Врангель и офицеры, среди которых был и мой папа, направилось в Константинополь. Несмотря на то, что многие страны не соглашались принять русских беженцев, генералу Врангелю все же удалось уладить вопрос с размещением беженцев.

Через две недели стоянки на рейде Константинополя после долгих препирательств с французским оккупационным командованием, было разрешено армии сойти на берег и разместиться в трех военных лагерях.

Первый лагерь – для донских казачьих частей – предполагалось устроить в Чаталдже, неподалеку от Константинополя. Второй, в котором был и мой папа Сергей Генрихсен, — на Галлипольском полуострове, в Дарданеллах, где должны были расположиться регулярные части бывшей Русской армии, сведенные в 1-й армейский корпус под командованием генерала Кутепова. Третий пункт – остров Лемнос в Эгейском море, куда попали кубанские и терские казаки. Французы согласились снабжать эти лагеря продуктами и предоставить оборудование для их обустройства.

На рейде портового городка Галлиполи встали первые русские пароходы «Херсон» и «Саратов». В Галлиполи армия разместилась

в старых бараках, которые стали слабым убежищем в зимний период. В этих условиях начались болезни, за первые месяцы умерло около 250 человек. Это было одним из самых тяжелых испытаний Белой армии.

Генерал Врангель был изолирован французами от русских частей, однако, благодаря волевой и энергичной деятельности генерала Александра Павловича Кутепова, разгромленная и фактически интернированная армия ожила.

С 21 января 1921 года в полках начались регулярные занятия, а выправка и внешний вид частей постепенно принимали традиционный облик. С января—февраля в Галлиполи функционировали шесть военных училищ, гимнастическо-фехтовальная школа, художественные и театральные студии, библиотека, разнообразные мастерские, гимназия, семь храмов и даже детский сад. Устраивались концерты, работали два театра: городской и лагерный. Выпускалась «устная газета», зачитывавшаяся по репродуктору. Проводились спортивные состязания, футбольные матчи.

Постепенно армия создала вокруг себя атмосферу русской государственности. Для поднятия боевого духа и для увековечивания памяти тех, кто умер в Галлиполи, было решено установить памятник в центре Большого русского военного кладбища. Памятник построен как древний курган из принесенных русскими галлиполийцами 20 тысяч камней. Открытие памятника состоялось 16 июля 1921 года.

Такая организованная военная сила помогала барону Врангелю отстаивать в Константинополе интересы армии. Позже историки назовут это «Галлиполийское сидение».

Массовый отъезд из Галлиполи был спровоцирован французами, через голову русского командования. Желаям было предложено выехать на работу в славянские страны, но и в эмиграции, разбросанные по разным странам, галлиполийцы отличались особой спайкой и непримиримостью к большевизму.

С горечью в сердце и невыносимой тоской мой папа покидал родину, за которую он, офицер Белой добровольческой армии, боролся всеми силами и с огромным энтузиазмом. Вместе со своими боевыми друзьями он ступил на путь лишений, но проявленные

галлиполийцами любовь к Родине и глубокое сознание правоты дела укрепили веру в спасение русской нации.

Тысячи галлиполийцев, впоследствии прошедших горшие испытания в странах Европы, которые их не сломили и не распылили, тому порукой.

Галлиполи стал красивой, трагической, славной страницей русской истории, а «галлиполийское сидение» называли чудом потому, что оно опрокинуло все человеческие предвидения. Победенная, эвакуированная, интернированная армия не только не разложилась, но и возродилась, не только не распалась под напором лишений и угроз, но и окрепла, спаялась и закалилась. Явленная Галлиполи сила русского духа укрепила надежду на окончательную победу над злом, покорившим Россию, и воскресила веру в свои собственные силы.

В то время как военные подразделения ожидали очередного приказа генерала Врангеля и, несмотря на грусть расставания с родной землей, устраивались в Галлиполийском поле, гражданское население, спасавшееся бегством на этих же судах, вышедших из Крыма, также должно было неукоснительно следовать плану генерала. Об этом мне рассказывала папина сестра, а моя тетка тетя Нина. Как и другие суда, их пароход взял курс на Константинополь. На пароходе, на который погрузилась семья папиной сестры, тетя Нина и ее муж Попов с новорожденной дочкой Ириной, условия были очень тяжелые. Не хватало воды и провизанта, даже с туалетами были проблемы. Маленькие дети, заболевшие в этих невыносимых условиях, умирали. К счастью, моя двоюродная сестра перенесла воспаление легких и выздоровела. Так семья прибыла в турецкий порт Константинополь.

Здесь пароход встал на рейд в ожидании разрешения турецких властей войти в порт. Ожидание затянулось на несколько месяцев.

Первые двое суток суда, скопившиеся у старых пристаней в районе Каракёя, недвижимо стояли на рейде. Пользуясь безвыходным положением беженцев, местные торговцы-греки подплывали к огромным пароходам на своих фелюгах и выменивали обручальные кольца, меха, обмундирование и белье на хлеб и жареную рыбу. Только на третьи сутки власти смогли установить порядок и организовать подвоз еды и воды.

Тетя Нина рассказывала, что торговцы выменивали золотые украшения на маленький кусочек хлеба и что капитан корабля отогнал их лодки, чтобы они не обманывали несчастных беженцев.

Когда беженцам наконец было разрешено сойти на берег, оправившись от мучительного переезда, люди начали обустраиваться на новом месте. Тетя Нина рассказывала, что в Константинополе их поместили в бараки. Причем, женщин отдельно, а мужчин отдельно. Вчерашние аристократки, привыкшие к слугам и кухаркам, должны были учиться сами готовить пищу, стирать и убирать помещения. Остро встал вопрос о питании. Деньги были у немногих, большинство же осталось без средств.

Вскоре после прибытия русская диаспора начала растекаться из Константинополя по миру в поисках лучшей доли. Но и это было непросто. Очутившись в новой, неизвестной и чуждой среде, многие русские беженцы не встретили ни сострадания, ни понимания.

Генералу Врангелю ценой огромных усилий и длительных переговоров удалось договориться с некоторыми государствами принять беженцев из России. Этот процесс получил название «русское рассеяние». В результате революции и гражданской войны по миру было рассеяно больше двух миллионов человек. Наиболее многочисленными стали русские колонии в Европе, которые неофициально называли «Россия за рубежом». Большинство эмигрантов поселилось во Франции, Германии, Чехословакии, Болгарии и странах Балкан. Особо выделялось Королевство сербов, хорватов и словенцев (под этим названием существовало с 1918 по 1928 год, а 6 января 1929 года переименовано в «Королевство Югославия»).

Король Александр Карагеоргиевич в юности довольно долго жил в Санкт-Петербурге, а любовь к России сохранил до конца жизни.

Жизнь в России, очарованность Александра русской культурой и хорошее знание русского языка в результате обернулись удачей для русских беженцев. Александр поддерживал русское Белое движение, проявил заботу о русских эмигрантах и предоставил политическое убежище от большевистского гонения.

Когда Россия была взорвана двумя революциями, это событие потрясло Александра I, и он желал оказать последнюю помощь той стране, которую он любил, как свою вторую Родину. В Белой эмиграции молодой монарх видел последний оплот исторической России.

К середине 1920-х годов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев нашли пристанище около 40 тысяч беженцев из России, что сделало страну одним из крупнейших центров русской эмиграции. Под защитой и личным покровительством Александра I и членов его семьи находились организации, ведающие делом помощи русским (Державная комиссия и Комитет русской культуры), профессиональные, научные и творческие объединения (Русское археологическое общество, Русский научный институт в Белграде, Русское инженерное общество, Русская Матица и многие другие).

В Сремских Карловцах, на территории, находившейся под юрисдикцией Сербской православной церкви, была развернута деятельность Высшего церковного управления, а позднее и Архиерейского синода Русской православной церкви за границей во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). Александр I лично способствовал устройению главного для русской эмиграции в Сербии православного храма Св. Троицы в Белграде, ставшего местом хранения воинских святынь – знамен и штандартов полков Императорской, Добровольческой и Русской армий. Именно в Сербии генерал Врангель создал Русский общевойсковой союз. И здесь, по велению короля, исполнившего волю покойного, были захоронены останки последнего Главнокомандующего Русской армией барона Петра Николаевича Врангеля.

К счастью, моим родителям и другим родственникам, можно сказать, повезло, что они оказались в числе этих самых 40 тысяч, которые оказались в Королевстве СХС, где обстановка была очень благоприятная.

Большинство русских эмигрантов было из гражданского сословия, элита русского общества: инженеры, учителя, врачи, писатели, артисты, художники – одним словом, интеллигенция, хорошо образованные самодостаточные личности. Неудивительно, что интеллектуальный потенциал зарубежной России был хорошо

знаком как королю Александру, так и его соратникам. Эмигранты из России получили всестороннюю поддержку и конкретную помощь. Никто не сомневался, что их вклад в культурную, научную и экономическую жизнь государства будет весьма значительным.

Вот так и получилось, что в самый трудный момент своей жизни мои родители и члены семьи получили приют в Королевстве СХС, так же как и генерал Врангель.

Я пишу об этих событиях с большой ревностью и жаром. И хотя родилась я уже после этих трагических событий, знаю все из рассказов мамы, папы, тети, бабушки и их друзей. У меня такое чувство, что я сама пережила все, что довелось пережить им, моим дорогим родственникам, и я должна сохранить на бумаге все страхи, переживания и тяготы, которые им довелось испытать. Должна написать все, что мне известно о жизни моей семьи и других русских эмигрантов.

Первую волну эмигрантов еще называют патриотической эмиграцией, эмиграцией белых патриотов, и я очень горжусь, что одним из них был и мой папа.

Моя мама, которая, как я уже писала, закончила Смольный институт, вместе со школой по приезду из Новочеркасска оказалась в городе Белая Церковь, который находится в автономном округе Воеводина, на границе с сегодняшней Хорватией. Поскольку смолянок готовили для воспитательной работы с детьми, многие получили работу в богатых семьях. Так моя мама оказалась в Хорватии, в Загребе. Ее, русскую сироту, приняла богатая семья, проживающая в одном из самых респектабельных районов хорватской столицы Тушканац. Мама мне рассказывала, что ее приняли очень тепло и что ей было очень хорошо жить в роскошной вилле, расположенной в зеленом парке Загреба. Семья была наслышана о том, какое хорошее образование в Смольном получали девушки из русских аристократических семей, и доверила моей маме воспитание своих дочерей. Мама учила девочек играть на рояле и давала им уроки французского языка. Поскольку у мамы оставалось свободное время, а люди, принявшие ее практически в семью, не возражали, мама решила получить дополнительное образование, теперь уже в Хорватии. Ее интересовала экономика, и она поступила на экономический факультет Загребского университета.

Русские эмигранты, которых судьба забросила в Загреб, встречались в православной церкви на службе Божией и обеднях. Сюда приходили для того, чтобы познакомиться, узнать что-то о родных и знакомых, попросить о помощи или помочь кому-то, и просто поговорить на родном русском языке, ведь хорватский многие еще не знали или знали очень плохо.

Русские эмигранты очень ценили прекрасную страну Хорватию, которая их приютила. Со своей стороны, хорваты очень ценили русское сообщество высоко образованных изгнанников из России. Благодаря этому многие из специалистов и творческой интеллигенции нашли работу в Королевстве СХС.

Это было начало новой жизни. Жизни в чужой, пусть и гостеприимной и доброжелательной стране. В церкви русские прихожане собирались не только ради молитвы. Здесь, среди соотечественников, можно было расспросить о своих родственниках и знакомых, передать через кого-то весточку, узнать новости и услышать о происшествии в русской среде.

Здесь можно было увидеть соотечественников, которые с волнением расспрашивают о своих близких, в отчаянной надежде хоть что-то узнать об их судьбе, о том, что с ними случилось во время революции. О том, где они находятся, куда попали после эвакуации. Неизвестность в чужой стране, чаяние и ожидание, надежда найти разбросанную по миру семью, которая то вспыхивает, то угасает, все это было очень тяжело и грустно. Но они не сдавались. Настойчиво продолжали поиски и молились Богу, чтобы найти своих близких живыми и здоровыми.

Лучше всего об этом сказано в стихотворении Галины Воленберг:

*Я Бога в молитвах ночами прошу...
Храни... ты храни... всех, кого я люблю...
Торопится время... минуты считает...
Как-будто сквозь пальцы песок убегает...
Живите, любите... умеете прощать...
Как долго всё будет, не можем мы знать...*

Не все было так безнадежно. В церкви и на собраниях обществ русских эмигрантов случались встречи тех, кто уже потерял

надежду когда-либо вновь встретить друг друга, образовывались новые знакомства и семьи.

Для моей мамы жизнь обернулась светлой стороной, когда офицеры из Белого движения генерала Врангеля, прибывшие из Галлиполя, пришли в церковь на службу Божию. Среди них был и мой папа, Сергей Владимирович Генрихсен. Здесь, после одной обедни, мои родители познакомились, понравились друг другу и влюбились.

Фатальное знакомство в церкви папа и мама восприняли как ожидающее их увлекательное приключение. Оба были очень молоды, оба были изгнанниками из родной страны и, встретив друг друга, ощутили, что вновь обрели кусочек горячо любимой родины, которую оба оставили не по своей воле, которую очень любили и за которой очень грустили на чужбине. Вдвоем они чувствовали себя лучше, сильнее, бодрее. Чувствовали, что вдвоем, опираясь друг на друга, смогут пройти тот тернистый путь, который им был уготован на чужбине.

Жить с надеждой, искать с надеждой, стремиться и надеяться — по таким принципам жили и выживали наши первые эмигранты из России. Для многих из них надежда и терпение стали заслуженной наградой. Надежда подарила моему папе и его близким большое семейное счастье.

Однажды, прогуливаясь по многолюдным улицам Загреба, мой папа совершенно неожиданно натолкнулся на свою сестру Нину, которую считал потерявшейся в вихре революции и гражданской войны навсегда. В тот день Загреб и прогуливающиеся неспешно люди стали свидетелями неимоверного счастья: «Нина, дорогая Нина, неужели это ты?» — воскликнул папа и уже в следующее мгновение принял в объятия свою любимую и единственную сестру Нину. Так брат и сестра совершенно случайно и неожиданно встретили друг друга на улице и чрезвычайно обрадовались. Оба горячо благодарили Бога за то, что оба остались живы и вновь нашли друг друга. Счастьем и радостью не было конца.

С обеих сторон посыпались вопросы: живы ли папа и мама, как у них дела в России, как братья, кто где находится, какие у кого семьи, как сложилась их жизнь на чужбине?

Папа рассказал о своем пути в эмиграции, о своем героическом командире генерале Врангеле и своей героической Добровольческой белой дивизии. О том, как в ноябре 1920 года Русская армия генерала Врангеля — последний оплот Вооруженных сил Юга России — вынуждена была отступить и погрузиться на корабли в Крыму. Об отступлении царских русских войск, о том, как они воевали за каждый клочок российской земли, но вынуждены были отступить, так как враг был сильнее, жестче и кровавее. Рассказывал о исторической стоянке белых войск в Галлиполи, где русские войска, побежденные, но не сломленные духом, ждали дальнейших распоряжений своего главнокомандующего. О тяжелых и удручающих днях на стоянке в лагерях на северной оконечности турецких Дарданелл и о том, как наконец вместе с генералом Врангелем они вновь погружались на корабли, чтобы добраться до европейских стран, которые были готовы принять русских беженцев. Судно, на котором был папа, по счастливой случайности или по воле судьбы пристало в Дубровнике, и русских военных отправили в разные города Королевства СХС. Папу и еще некоторых его сослуживцев послали в Загреб, в Хорватию.

Похожим путем оказалась в Загребе и тетя Нина. Встретила на улице Загреба своего горячо любимого брата. И тоже рассказала ему о своих приключениях в эмиграции. Так семья Генрихсен воссоединилась в Хорватии.

Тетя Нина эвакуировалась из Крыма вместе с супругом, военным доктором Поповым, их новорожденной дочкой Ириной и своей мамой, а моей бабушкой Евгенией. Слава Богу, они все остались живы в хаосе революции, пережили тяготы эвакуации на корабле и получили убежище в Королевстве СХС.

К сожалению, мой дедушка Владимир Генрихсен, как и вся семья Радецких, остался в России. Дедушка Владимир пытался присоединиться к семье, но ему это не удалось.

Наши поиски и попытки узнать хоть что-нибудь об оставшихся в России членах семей остались без результатов. Папа и тетя Нина пытались узнать, жив ли дедушка, где он в России находится. Их очень мучила неизвестность, удалось ли кому-то спастись, но ни о дедушке, ни о других родственниках не удалось получить

никаких сведений. Граница СССР была в то время на замке, и они ни тогда, ни позже не получили никакой весточки.

Все военные и гражданские лица, которые благодаря генералу Врангелю оказались в Королевстве СХС, искали своих родственников, но не всем судьба приготовила такой подарок, как папе и тете Нине. Из всех городов и стран, куда судьба забросила беженцев из России, им посчастливилось оказаться обоим в одной стране, в одном городе и случайно встретиться на улице. Сознание, что им удалось, несмотря на все тяготы, пережить революцию и воссоединиться за рубежом, придало им сил бороться и устраивать вместе жизнь своей маленькой семьи на чужбине, которая уже для их детей станет родиной.

Семья воссоединилась, но папа как офицер получил назначение в другое место и не мог остаться с молодой женой в Загребе.

ГЕДЕРОВЦЫ

Загреб стал для моей семьи судьбоносным городом. Здесь, несмотря на довольно короткий срок пребывания, папа встретил маму, они успели пожениться, и здесь же он вновь обрел свою семью или, вернее, ее часть, сестру Нину и маму Евгению.

Королевство СХС приняло русских беженцев доброжелательно и на взаимовыгодных условиях. Согласно договоренности генерала Врангеля и властей Королевства, российских офицеров и солдат определили для несения пограничной службы вдоль беспокойной границы СХС. Контракт подписывали на один год. Так и мой папа под командованием генерал-майора генерального штаба Бориса Владимировича Гернгросса вместе с другими офицерами был откомандирован в городок Гедеровцы, расположенный на границе со Словенией. Поскольку к тому времени они с мамой уже поженились, то и в Словению поехали вместе, как семья.

Там, на границе с Австрией, мой папа, как и другие его соратники по Белой гвардии, поступил на службу в таможенные органы. Мама и папа получили маленькую двухкомнатную квартиру, где я и появилась на свет, их первая дочка, которую папа в честь своей вновь обретенной любимой сестры назвал Ниной. Он называл

меня «принципи» (перворожденная) или принцессой на итальянский манер – «принчипесса».

С чувством, охватывающим меня при упоминании моего рождения в маленькой, но счастливой, только что созданной двумя любящими сердцами семье, я и начинала писать эту книгу.

Гедеровцы – это небольшой поселок в муниципалитете Тишина в области Прекмурье, в Словении. Так что я родилась в чудесном зеленом и тихом окружении на берегу прекрасной реки Муры. Звуки и запахи моей родной речки, впитанные в детстве, остались со мной навсегда. Даже впоследствии, гуляя далеко от моей Муры на берегах реки Дравы, в которую она впадает, я ощущаю, что ее воды приносят мне пьянящие запахи раннего детства в прекрасной тишине уютных Гедеровцев и в теплом доме мамы и папы. Порой мне даже кажется, что я помню свое крещение.

Крестили меня по православному обычаю в Русской походной церкви, а обряд крещения совершил протоиерей Наваров. Моим крестным отцом стал выдающийся член Белого движения, один из предводителей эмиграции с центром в Загребе генерал майор Борис Владимирович Гернгросс. Я всегда гордилась и горжусь тем, что он оказал нашей семье большую честь, когда стал моим крестным отцом.

Моей крестной матерью стала Клавдия Георгиевна Генрихсен, жена папиного родного дяди, а моего двоюродного дедушки Алексея Густавовича. Брат моего деда Алексей Генрихсен и его жена Клавдия вместе с Белой армией в 1920 году тоже эмигрировали из России и оказались в городе Биелина, в Боснии. Как и другие беженцы, Алексей Генрихсен разыскивал членов своей семьи через Красный крест и другие гуманитарные организации, и к большой радости ему удалось разыскать свою племянницу, мою тетю Нину и всю нашу семью. Дедушка Алексей, или как мы его называли Алеша, тетя Нина, бабушка Евгения, мои мама и папа очень радовались воссоединению хотя бы одной части некогда большой и дружной семьи. И хотя дедушка Алеша жил в Боснии, он регулярно переписывался со всеми вновь обретенными родственниками. Все старались поддерживать связи. Интересовались новостями, с нетерпением ожидали писем от членов семьи, которым удалось ценой невероятных усилий найти друг друга

на чужбине. Они всегда старались держаться вместе, дружили и помогали друг другу. Вот так и получилось, что бабушка Клавдия приехала из Биелины и стала моей крестной мамой. Там, в Гедеровцах, родились мои первые воспоминания о мирном городке на берегу Муры, запомнились на всю жизнь упоительные запахи и цветущий ковер травы, создающие ощущение весны, тепла и солнца, превращающие окружающий мир в оазис спокойствия. Так может пахнуть только райское место, где человек родился, место нашего исхода, которое на протяжении всей последующей жизни порождает страстное желание вновь увидеть его, ощутить его теплоту. И как часто у нас нет возможности это повторить... Наверное, то же ощущали Адам и Ева, когда согрешили и были изгнаны из рая и так же тосковали за ним. Так же я тоскую по Гедеровцам. Мечтаю опять прогуляться по тихим улочкам городка, в котором я появилась на свет. Мечтаю посидеть на берегу Муры, моего маленького рая. Я ощущаю, что место моего рождения стало мне родным и дорогим моему сердцу, потому что именно там я родилась у мамы и папы, которые впервые после страшных испытаний эмиграции и первых лет на чужбине, наконец-то обрели относительный покой и счастье.

Конечно, это не означает, что в их жизни все было безоблачно и не было проблем. Папа работал на таможне, а мама была дома со мной, новорожденной. Они были в неравных условиях с местными жителями. Еще плохо знали язык страны, в которой им предстояло обустроить жизнь своей семьи. В Гедеровцах они жили одни. Члены семьи, хоть и проживали в Королевстве СХС, но в других городах, и не могли им помочь.

Кроме того, мама, которая училась в Смольном, не знала много о семейном хозяйстве и приготовлении еды. Даже сварить обед представляло для нее большие трудности. В Смольном кухня находилась в отдельном здании, чтобы даже запахи не доходили до помещений, где проходили занятия, поэтому институтки вообще не умели готовить. Случались даже смешные истории. Например, когда у картошки была красная или фиолетовая кожура, мама думала, что она ядовитая. Местные женщины – словенки ей помогали по хозяйству и всегда были готовы дать совет или показать, как нужно готовить, как и что сделать.

Со временем папа и мама выучили словенский язык, и им стало проще общаться с местными жителями. Я же, родившись в Словении, слышала его с раннего детства и очень рано стала билингом, то есть разговаривала как на русском, так и на словенском языках.

Тем не менее, наша жизнь в Гедеровцах подошла к концу. Русские офицеры по окончании годового контракта покидали Словению. Вслед за другими офицерами наша маленькая семья, папа, мама и я, тоже уехала. Мы никогда не вернулись в город моего рождения, но и журчание реки Муры, звуки города и язык тамошних жителей, все эти шумы, звуки и мелодии остались со мной навсегда, живут в моем сердце, моих воспоминаниях и греют своей теплотой.

В ДЕЛНИЦЕ, ХОРВАТИЯ

Мама и папа уехали в Словению, а тетя Нина с мужем и дочкой осталась в Загребе. Папа и тетя Нина весь год, который папа служил по контракту, переписывались. Они очень боялись опять потерять друг друга и регулярно поддерживали связь.

После окончания контракта в таможенной службе надо было определяться, оставаться в Словении или куда-то уезжать. В это время пришло письмо от тети Нины, в котором она сообщала, что все семья Поповых переехала из Загреба в Делнице – городок в Горском Котаре в долине реки Купы, так называемое хорватское Покупье. Самый большой город в горном районе Горский Котар, расположенном между долиной реки Купы и Адриатическим побережьем, считается самым высокогорным поселением в Хорватии и горным климатическим курортом. Река Купа берет здесь свое начало из маленького озера фиолетово-зеленого цвета в национальном парке Рисняк и течет по чудесной долине, в которой и расположился городок Делнице. Купа, красивая, быстроводная, яркая и самая большая река, которая в своем течении проходит по территории Хорватии и впадает в реку Саву возле города Сисак.

Тут, в горной местности, в городке Делнице, на берегу реки Купы, и поселилась семья Поповых. Тетя написала папе, что ее

муж, Дмитрий Попов, военный врач по профессии, получил работу в Делнице, и предложила, чтобы папа со своей семьей к ним присоединился.

К тому времени в Делнице образовалась маленькая русская колония из беженцев, которые, как и мои родственники, приехали в Хорватию после 1920 года. Когда тетя Нина, дядя Дима, моя двоюродная сестра Ирина и бабушка Евгения приехали в Делнице, здесь уже обосновались другие русские эмигранты. Среди них выделялась семья Книвальд, с которой тетя и наша семья впоследствии были очень дружны. Книвальды открыли магазин бытовой техники, и, как мне потом рассказывали родители, многие эмигранты часто заходили к ним в магазин не только за покупками, а пообщаться, узнать новости, познакомиться с вновь прибывшими.

Тетя Нина надеялась, что в Делнице найдется работа и для папы, поэтому мы собрались и поехали в Горский Котар, вернулись в Хорватию. Я была очень маленькая, но, на удивление, звуки и запахи городка, в котором я родилась, оставались во мне и со мной навсегда, а вот переезд в Делнице и воссоединение с семьей я помню, как в тумане. В основном, я пишу о об этих событиях со слов моих родителей.

По приезде мы пришли поздороваться и застали очень грустную картину. Все было очень тихо, а тетя Нина, которая ждала второго ребенка, все время плакала, из ее прекрасных глаз непрерывно текли слезы, она их утирала платком. И даже маленькая Ирочка притихла. В семье Поповых и Генрихсен случилось большое горе. На вчера еще счастливую семью неожиданно-негаданно свалилась беда. Дядя Дима получил работу в сельской больнице в Делнице, но очень часто выезжал по вызову к больным в отдаленные поселения. Крестьяне приходили к нему за помощью, и он никому не отказывал. Случалось, что вечером и даже ночью ехал в дальние деревни к больному. Всем старался помочь и лечил всех без исключения. Однажды, во время одного из таких визитов, у него внезапно случился сердечный приступ. Помочь было некому, и несчастный дядя Дима скончался. Его сердце не вынесло боль и горечь войны, революции и вынужденной эмиграции. Слишком тяжелым оказалось это бремя. Неимоверная

боль унесла его от семьи, унесла с этого света, но не унесла воспоминание о нем из наших сердец. Там он остался навсегда.

Семья доктора Попова была погружена в траур, так как осталась без главы и кормильца. Тетя Нина осталась без своего горячо любимого супруга, а дети, старшая Ирина, которая родилась в Крыму, и младшая Танечка, которая родилась спустя месяц после смерти своего папы, остались сиротами без отца. Дядя Дима даже не успел увидеть свою младшую девочку. Горе и печаль семьи Поповых невозможно описать словами. Тетя Нина осталась со своей бедой и двумя маленькими детьми без опоры и кормильца и не знала, как ей жить дальше.

Спасение пришло опять же из среды русских эмигрантов. Вскоре тетя Нина познакомилась с Михаилом Орефьевичем Марацкевичем, торговцем сыром, который ей начал помогать. Вскоре они обвенчались, а Ирочке и Тане отчим заменил отца. После смерти дяди Димы, который тогда единственный имел работу, было решено, что вся семья попытает счастья в Карловаце, который гораздо больше Делнице и расположен недалеко от Загреба. Итак, вся наша большая семья переехала в Карловац, где родители поселились и нашли работу. В Карловаце родилась и моя младшая сестра Оля.

Подобно тому как Карловац, город моего детства, остался навсегда в моем сердце, так и для моих мамы и папы картины никогда не забытой далекой родины, которую они были вынуждены оставить, были бесконечно дороги.

КАРЛОВАЦ — МОЙ ЗЕЛЕННЫЙ ГОРОД НА ЧЕТЫРЕХ ПРЕКРАСНЫХ РЕКАХ

Карловац – мой любимый город. Я провела чудесное детство в этом прекрасном городе с мамой, папой, окруженная их теплом, заботой и лаской. Было замечательно жить со всеми дорогими моему сердцу людьми, играть с моей младшей сестренкой Олей, друзьями из соседства. Все было прекрасно, но... моей бабушки больше не было. Я, четырехлетняя, хорошо запомнила грустное событие, когда в эмиграции скончалась моя единственная бабушка,

которую мне посчастливилось узнать. Бабушки, любимой, дорогой бабушки, единственной, которую я имела, больше не было, ведь другие дедушки и бабушки, дяди и тети, двоюродные братья и сестры остались в России, и я никогда их не увидела. Никогда они не приласкали меня, не погладили по головке, я даже не чувствовала, что другие бабушки и дедушки реально существуют, и не представляла себе, как они выглядят, ведь я их знала только по рассказам папы и мамы. Я знала и любила только мою милую и добрую бабушку Женю и очень грустила, когда она умерла. Ей было всего 64 года, но ее бедное больное сердце не выдержало после всех тяжелых испытаний, которые выпали на ее долю. Я молилась за покой ее души и ходила вместе с папой и мамой на ее могилу. Мы украшали ее розами и другими цветами, и потом я всегда приходила на ее могилу помолиться и очень горевала и тосковала по ней.

В Карловаце вся наша семья поселилась в районе, который называется Шварча. Мы сняли жилье у семьи Воркапич. Все мы: папа, мама, бабушка, я, моя сестра Оля, тетя Нина, ее муж и две дочки – жили в небольшом домике с земляным полом. Было это время нехватки всего. У нас не было никакого имущества. Русские эмигранты, даже те, у которых было хорошее образование, не могли найти постоянную работу по специальности.

Стало немного легче, когда мама устроилась на работу в общество французской культуры, а папа стал разъездным торговым агентом по продаже книг. Мама, кроме того, что преподавала французский язык, давала частные уроки русского и немецкого языков, уроки игры на рояле и как пианистка выступала со студенческим ансамблем.

Михаил Марацкевич, второй муж моей тети Нины, торговал вразнос сыром. Многие карловчане запомнили его, как в рюкзаке он приносил товар покупателям. Он был способный предприниматель и со временем открыл свой молочный магазин, который просуществовал до начала Второй мировой войны.

Итак, я росла в Карловаце. Играла с моей сестрой Олей, двоюродными сестрами, подругами и соседками по двору. Ах, как хорошо, уютно и весело прошло мое детство в Карловаце!

Вскоре пришло время идти в школу. Из ребенка я превратилась в серьезного подростка. Мы с друзьями любили петь русские

народные песни, песни, сочиненные русскими эмигрантами, и хорватские песни. Мы хорошо говорили на хорватском языке, языке уже нашей родины.

Вскоре наша семья Генрихсен-Марацкевич которая до этого жила в одном доме, разделилась, но мы жили сравнительно близко друг от друга и всегда поддерживали связь.

Карловац — это город моего детства и юности. Этот город остался в моих воспоминаниях на всю жизнь. Там, в Карловаце, в объятиях зеленого массива парков и скверов, водных просторов четырех рек и его прекрасных жителей, навсегда осталась частичка моей русской души.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В КАРЛОВАЦЕ

Первые русские поселенцы появились в Карловаце еще во время Первой мировой войны. Это были русские военнопленные, которые строили дорогу вдоль реки Кораны. Сейчас на этом месте прекрасная прогулочная дорожка, которая сохранила первоначальное название «Русская дорога».

Вторая волна эмиграции – это беженцы из революционной России, которые эмигрировали из России с армией генерала Врангеля в 1920 году.

Жители Карловаца приняли русских эмигрантов, в том числе и моих родителей, очень доброжелательно, старались помочь и приютить. Хотя я была очень маленькая, но запомнила дружественное расположение и теплоту, с которой нас встретили в Карловаце. Беженцы были очень бедны. Они не смогли взять с собой свое имущество, и им приходилось начинать на новом месте с нуля. Они были очень благодарны этим людям за искреннее гостеприимство и помощь при поисках жилья и работы. Я не могу объяснить, почему все эти события из моего детства так глубоко врезались в мою память. Пока я пишу эти строки, все эти люди как будто рядом со мной. Я все чувствую и вижу, как наяву. Вижу город моего детства, утопающий в зелени, слышу его звуки, воспринимаю все три языка, которые мне знакомы с самого раннего детства: русский, словенский и хорватский. Моим родителям

и другим русским эмигрантам было тяжело выучить хорватский, а мне и другим детям, родившимся в Королевстве СХС, этот язык стал уже родным. Мы, дети, – второе поколение русских эмигрантов. Хорватский язык стал нашим родным языком, а Хорватия нашей родиной, хотя, конечно, родители сделали все возможное, чтобы мы не забыли русский язык и свою историческую родину.

Королевство СХС стало одним из самых больших прибежищ для русских беженцев. Здесь они имели хорошие условия для устройства в чужой среде и помощь государства. В разных районах СХС образовались русские колонии. Одна из них оформилась в Карловаце, там, где мы жили и стали активными членами этой колонии.

Председателем нашей колонии был Федор Фадеев, который держал лавку, в которой торговал плетеными изделиями и зонтиками, неподалеку от реки Купы и купского моста. Туда часто приходили наши родители и брали с собой нас, детей. Здесь русские эмигранты между собой знакомились, узнавали, откуда кто приехал, есть ли сведения, что в России произошло с остатком семьи и знакомыми. Старались раздобыть через газеты и Красный крест сведения, касающиеся близких, какую участь им уготовила судьба. Живы ли, остались ли в России или тоже оказались за границей. В этом случае у многих теплилась надежда, что со временем им удастся их разыскать. Для тех, кто остался в Советском Союзе, который был образован в 1922 году, не было никакой надежды, так как СССР порвал всяческие связи с эмигрантами и лишил их гражданства.

Среди эмигрантов, кроме царских офицеров из Белого движения, было много инженеров, учителей, докторов, людей искусства. Во дворе нашего дома поселились и другие эмигранты. Это были очень симпатичные пожилые люди Дынга и Иванов. Дынга – вдова русского генерала, в России была оперной певицей, а в Карловаце вначале жила в гостинице на берегу Кораны. Она часто репетировала в своем номере и чудесно исполняла арии из русских опер. Я была маленькой, но хорошо запомнила, что, когда мы гуляли в парке на берегу Кораны или купались в реке, из ее комнаты раздавалось пение. Я с восторгом и замиранием сердца слушала эти звуки. Особенно мне нравилась ария из Евгения Онегина. К

сожалению, в эмиграции она не смогла найти работу в оперном театре, а поскольку умела хорошо шить, то стала портнихой. Мне она шила очень красивые платья.

В то время она уже из гостиницы съехала и жила в том же доме, в котором проживал председатель русской колонии. В одной квартире с ней жил еще один русский эмигрант Иван Иванов. Он устроился на работу на деревообрабатывающий завод. И Дынга, и Иванов были очень славные и милые люди.

Мой папа сначала устроился на работу на завод по производству ликеров «Black and white», а потом стал торговым представителем, или коммивояжером, большого издательства «Минерва», занимался продажей книг.

Не многие русские эмигранты устроились на работу по специальности, но некоторым все же повезло. Так, художник Илья Ахматов, который окончил Академию живописи в Санкт-Петербурге, в Карловаце написал очень много картин. Один из его шедевров — «Коронация короля Томислава», картина на своде церкви Св. Троиства, которую он написал в 1925 году.

Мои родители дружили с семьей Борделиус, Евгением Евгеньевичем и Ольгой Михайловной. Мы играли с их сыном Юрой и остались друзьями на всю жизнь.

Мы были старожилами русской колонии в Карловаце. Со временем начали приезжать и другие русские эмигранты. Их знания и хорошее образование высоко ценились, поэтому их охотно принимали на работу.

После нас в Карловац приехали инженер Корнеев и всесторонне образованный профессор Городецкий, жена которого была доктором. Они снимали скромную квартиру в том же доме, что и мы, у Воркапичей в районе Шварча. В нашей колонии жили ветеринар Озеров с дочкой Инной.

Когда Озеров получил назначение на работу в другом городе, он оставил дочку у нас, под присмотром моей мамы. Инна целый год жила в нашей семье, и мы с сестрой Олей с ней очень подружились, и все разговаривали между собой на русском языке.

В Карловац переехал и Роман Дмитриевич Корниенко. Очень хороший человек, который всем помогал. Он ремонтировал зонтики в лавке Фадеева и любил возиться с нами, детьми. Помню,

как он один раз в окошко нашего сарая подбросил какую-то птицу, чтобы мама приготовила еду. Папы дома не было, а мама всю ночь не спала из-за непонятных звуков, которые доносились из сарая.

В колонии также проживали семьи Андреевых, Верещагиных, Зоя Розова, доктор Виктор Харлампиевич Бабенко, который заканчивал образование уже в Хорватии и женился на хорватке, тете Ане, работал в местном бюро здравоохранения. Его дочка Саня и сын Петя были наши ровесники, и мы тоже с ними дружили.

Тетя Аня была родом из Петровины, и Виктор Харлампиевич возил нас в гости к ее хорватским родственникам. Там нас очень вкусно кормили. Особенно мне запомнился домашний творог и сметана. Это было так вкусно, что я, которая всегда была худышкой, даже немного поправилась.

Саня и Петя уже были детьми из смешанного брака, и в семье разговаривали на хорватском языке. Моя мама, я и сестра Оля учили их разговаривать на русском.

В колонии разговаривали на русском языке, но детей из смешанных браков со временем становилось все больше и больше, поэтому многие наши ровесники учили русский язык на курсах, на русских мероприятиях или в русских лагерях скаутов.

Один из таких лагерей был организован в селе Шуметлица у подножия горы Псунь. Кроме других скаутских навыков и умений ребята учили русский язык и слушали лекции о русской культуре и истории. В тридцатых годах я, моя сестра Оля и Саня Бабенко отдыхали в этом лагере. Помню песню, которой нас научила вожатая, а которая нас вдохновляла и наполняла гордостью за нашу историческую родину:

*От царства наживы и злобы
Уйдем мы в поля и леса.
Там больше любви и свободы,
Там чище, ясней небеса.
Дальше, дальше
Направим шаг свой бодрый и свободный,
Ближе, ближе
Приникнем к лону матери-земли.*

Вообще, общественная жизнь в русской колонии была направлена на то, чтобы ее члены не забыли русский язык, культуру и историю. Все надеялись, что пребывание на чужбине — это временное явление и вскоре можно будет вернуться на родину. Бережно сохранялись православная вера и русские обычаи, а детей посылали на обучение в русские учебные заведения, которые были организованы на территории СХС.

Все члены колонии жили как одна семья, и когда с кем-то случалась беда, то другие приходили на помощь. Председатель колонии Фадеев был женат на словенке. Она пекла вкусные торты и пирожные и угощала всех членов колонии. Когда Фадеева после войны расстреляли, а его жена умерла, Роман Дмитриевич Корниенко взял на себя заботу о их детях. И Игорь, и Верочка закончили факультеты и выросли замечательными, трудолюбивыми людьми.

Многие из тех, которые тогда жили в Карловаце, после Второй мировой войны уехали из Югославии.

Как я уже упоминала, моя мама была смолянкой. Воспитанниц этого института для девушек считали добропорядочными женами и большими умницами. В Смольном одним из главных предметов был закон Божий. Папа был царский белогвардейский офицер, искренне и глубоко верующий в Бога. Оба были искренне верующими православными христианами. По-настоящему глубокая религиозность моей семьи Генрихсен и глубокая вера русского народа в Бога, начиная с 988 года, когда Владимир Красное Солнышко принял православие на Руси, во многом влияли на уклад жизни в нашей семье. Эту религиозность мама и папа передали и нам, своим детям.

Перед Рождеством мы с папой украшали елку. Родители вместе с нами пели духовные песни, а время перед христианскими праздниками мы все проводили в посте и молитвах. С детства я запомнила дни молитвы, поста и исповеди на Страстной неделе перед наступлением светлого праздника Пасхи и его согревающий мою душу и сердце смысл. У меня до сих пор сохранилась маленькая икона Казанской Божией Матери, защитницы России, которую мне дала мама, и я каждое утро начинаю с молитвы, как когда-то в родительском доме.

После пасхального богослужения мы все поздравляли друг друга с праздником. К нам приходили с поздравлениями родственники и знакомые, а мама пекла пироги и готовила разные угощения. Кстати, мама, которая в первый год замужества не умела готовить и училась чистить картошку, стала настоящей мастерицей. Она часто готовила на обед борщ и гречневую кашу, которые мы очень любили.

Нельзя сказать, что русская колония была закрыта для других людей. Члены колонии выучили хорватский язык, общались и дружили с местными жителями, дружили семьями и женились.

Тем не менее, они никогда не смогли забыть свою родину. Мой папа, русский царский офицер, до конца жизни лелеял надежду, что коммунизму в России придет конец и они смогут вернуться. К сожалению, как шло время, надежды на возвращение было все меньше и меньше.

Мы, русские дети, рожденные на чужбине, учились в здешних школах, дружили со сверстниками, и нам было хорошо и уютно в той стране, в которой мы родились, но родина наших родителей проросла корнями в наших душах и тоже осталась с нами навсегда.

Говоря словами русского писателя Сергея Городецкого: «Народы не погибают. И никогда не погибают народы, умеющие в минуты тягчайших бед и унижений сохранять свое национальное достоинство». Я бы добавила, что никогда не гибнут народы, чьи люди, как наши родители, беззаветно любили свою родину и знали, кто они и откуда, никогда не предали свой русский род, гордились своим русским происхождением и оставили это в наследство нам, свои детям. Именно поэтому я хочу сохранить это благо, эту ценность и, в свою очередь, оставить ее следующим поколениям. Это важно не только для меня, но и для моих детей и внуков — сохранить любовь к родине, которую мои родители нам привили. Любовь к России, к своей отчизне, из которой были изгнаны, они принесли в своих сердцах на чужбину и подарили нам, чтобы мы, их потомки, не забывали, кто мы и откуда, не забывали, откуда идут наши корни.

Эти крепкие разветвленные корни, корни наших предков, ведут из России и являются нашей надежной опорой. Благодаря им нам не страшны любые испытания. Благодаря им мы твердо стоим

на ногах и не боимся оказывать сопротивление суровым ветрам судьбы. Мы, второе поколение русских эмигрантов, родившееся на чужбине, спокойно живем на земле, ставшей домом для наших родителей и родиной для нас, зная, откуда мы пришли и куда идем.

Очень важно знать о своем происхождении, а чтобы все эти события не стерлись в памяти, я и пишу эту книгу. Воскрешаю в памяти все события и документы, чтобы это осталось на бумаге, надежно и верно сохранилось от беспощадных ветров бытия и забвения.

Мы, второе поколение русских эмигрантов в Хорватии, по мере своих сил и способностей старались сохранить все, чему нас научили наши родители. Спасибо им огромное за ту любовь, которой они нас окружили, за бесконечное терпение и защиту, которую нам дали, за все, что нам помогало и помогает выжить в этой суровой жизни.

Родители нас воспитывали в любви к Богу, отечеству и ближним. Учили нас своему родному русскому языку, но не забывали о том, что мы родились в Хорватии и хорватский язык должен стать нашим вторым родным языком, а Хорватия — нашей родиной. Несмотря на тоску по России, мои родители приняли и полюбили Хорватию и Карловац как свой дом. Уважали и страну, и людей, которые им, беженцам без гроша в кармане и знания языка, помогали в самое тяжелое время.

Мама и папа полюбили Хорватию всей душой. Здесь они нашли теплый дом и наконец обрели покой и стабильность после тяжелых долгих скитаний. Это уважение и благодарность они передали мне и моей сестре Оле.

Все русские эмигранты глубоко почитали Хорватию и ее людей, которые их приняли и приютили, дали им работу. Они очень ценили вторую родину, куда бежали от коммунистического режима.

Нас воспитывали в любви и уважении к обоим отчизнам, России и Хорватии. Всесторонне образованные, наши родители прививали нам самые лучшие качества и учили знаниям, которые нам пригодились в жизни, за что мы им очень и очень благодарны.

Я благодарна родителям за те качества, которые они во мне воспитали. За уважение к родине, за честность и скромность, за

умение трудиться и добиваться своей цели. В особенности я им благодарна за порядочность, которую считаю одним из самых близких мне и одним из самых необходимых человеческих качеств, главной чертой характера достойного человека.

Честные и порядочные люди очень важны для меня. Такими были мои родители и большинство людей, которые меня окружали в детстве и молодости. Мои родители, а потом и я, старались уважать всех людей, поступать с ними порядочно и по возможности сохранять хорошие отношения. Я до сих пор стараюсь поступать так, как меня учили мои дорогие родители. Когда мне это удастся, мне это очень помогает в жизни, умиротворяет и заряжает позитивной энергией. Я всегда всеми силами стремилась проявлять долготерпение и благосклонность по отношению к близким и людям в своем окружении, стараясь никого не обидеть и никому не навредить. Честь, любовь и порядочность – это то, чему нас учили наши родители.

МОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В русской колонии в Карловаце мы с сестрой росли беззаботно и счастливо. С членами колонии мы говорили по-русски, а вне ее — на хорватском языке. Так пролетели годы моего раннего детства, мне исполнилось шесть лет, и пришло время идти в школу. Вернее, в то время детей принимали в школу с семи лет, но мама посчитала, что я уже достаточно подготовлена, и отвела меня на разговор к учительнице. В школе тоже решили, что я могу пойти в первый класс начальной школы, и меня записали.

Так я в шесть лет впервые переступила порог учебного заведения. Сразу же у меня появились первые лучшие подруги. Обеих звали Нада, в русском варианте Надя, Надежда. Мы очень подружились, вместе учили уроки, играли в свободное время и ходили друг к другу в гости. В школе мне очень нравилось. Я хорошо училась, старалась быть внимательной и прилежной. У нас был очень хороший учитель. Он меня много раз похвалил перед всем классом, что я очень хорошо овладела грамматикой хорватского языка, несмотря на то, что я русская. По окончании четвертого класса

для нас, выпускников начальной школы, была организована экскурсия на море. Поездка на Адриатическое побережье была короткой, всего несколько дней, но она произвела на меня незабываемое впечатление. Наш замечательный учитель отвез весь наш класс в Риек, самый большой порт и третий по величине город в Хорватии. Мне уже исполнилось 10 лет, я была подростком, очень любила учиться и страшно радовалась, что вместе с одноклассниками еду на море. Мама дала мне в дорогу кулечек черешни. Было начало лета, и на базаре появилась первая черешня. Я ее очень любила, и мама хотела меня порадовать.

Наше путешествие у всего класса вызвало неописуемый восторг. В поезде все мы, девочки и мальчики, пели песни о море: *Urbniče nad morem. Visoka planino!* («Врбник над морем! Высокая гора!»).

В 10 лет я впервые увидела море! Учитель водил нас купаться, и я с удовольствием плавала в нашем Адриатическом море. Плавала я очень хорошо, ведь я выросла в водном царстве, в городе на четырех жемчужных реках. В Карловаце я купалась в Коране вместе с мамой, ее подругой Ольгой Михайловной и тетей Ниной. Они и научили меня хорошо плавать.

Однако все когда-нибудь кончается. Окончилась и мое обучение в начальной школе. Наступили каникулы. Помню, тем чудесным летом мы с подругами и сестрой много гуляли в зеленых лесах вблизи Карловаца, особенно мы любили Козячу. Мы купались в чудесной речке Коране, в ее чистых водах и на ее водопадах, под которые подставляли спину. И шумела, и текла наша речка, не широкая, но быстрая, и ее кристально чистая вода и капельки водопада освежали, очищали и бодрили тело и душу, и чувствовали мы себя спокойно и уверенно в окружающем нас мире. На Коране проводили мы, подростки, большую часть времени в замечательном веселом настроении. Загорали на солнце, купались в речке и пели наши любимые песни.

В нашу веселую компанию входили моя сестра Оля, двоюродные сестры Ирина, которую мы называли Инночкой, Таня и еще несколько наших подруг. Наш веселый смех и песни допоздна раздавались во время каникул на берегу Кораны. На речной пляж нас приводили родители. Мама и тетя брали с собой для нас

фрукты и пирожки, которые очень вкусно пекла моя мама. А мамина подруга Ольга Михайловна Борделиус каждый день пекла пирог с яблоками и приглашала нас на чай. Она была очень веселая и добрая, и церемония чаепития всегда превращалась в приятное совместное времяпрепровождение взрослых и детей. В гости у Борделиусов собирались все члены русской колонии, дети, пожилые и молодежь. Мы очень любили все семьей приходить к Борделиусам. Каждый раз на столе нас ждал пирог, который Ольга Михайловна пекла по своему особому рецепту. Я обожала его. Ее муж, инженер Евгений Евгеньевич Борделиус, работал проектировщиком на строительстве и хорошо зарабатывал. А наша семья в то время жила очень скромно, вот они нас и приглашали на угощение. Наши семьи тесно дружили. Моя мама и папина сестра тетя Нина были лучшими подругами, а Ольга Михайловна присоединилась к ним позже и тоже стала их душевной подругой. Таких искренних подруг очень мало на свете.

Собирались, как правило, под вечер. Мы, дети, очень любили петь песни вместе со взрослыми. Евгений Евгеньевич бы заиграл на украинском струнном музыкальном инструменте – бандуре. Бандуру ему удалось взять с собой в эвакуацию из России. Он брал в руки инструмент и пел: «Взял бы я бандуру и сыграл что знал, из-за той бандуры бандуристом стал», а мы подпевали. Ах, как весело было с песней и бандуристом Женей, как называла мужа Ольга Михайловна, петь народные песни и пить чай с пирогами! У Ольги Михайловны и Евгения Евгеньевича был сын Юра, наш сверстник, и мы любили играть все вместе.

Поездка на море со школой забылась, но мою первую встречу с нашим морем я не забыла никогда. Каникулы тоже подошли к концу. Вода в Коране становилась все холоднее, встречи и пение тоже стали реже. Пришла осень, пора было опять идти в школу.

Сестра Оля, кузины Инночка и Таня остались в Карловаце. Их родители записали в здешние школы или гимназию. Мне же, по воле родителей, предстояло продолжить образование в Мариинском Донском институте, который находился в Воеводине, в городе Белая Церковь, далеко-далеко от родного дома.

Я полагаю, что выбор был сделан не случайно. Дело в том, что Смольный институт, как я уже писала, был эвакуирован из

Новочеркаска в Королевство СХС, где обосновался и продолжил работу. Почти одновременно сюда прибыл и Мариинский Донской институт благородных девиц. Местом их пребывания был определен городок на севере Воеводины – Белая Церковь. Объединенное учебное заведение для девочек получило название Мариинский Донской институт.

История этого института для благородных девиц не менее интересна, чем Смольного. Императрица Мария Федоровна (жена императора Павла I, внука Екатерины Великой, основательницы Смольного), по вступлении на престол Павла, заинтересовалась вопросом женского образования в России, организовывая институты Общества благородных девиц. В царствование Александра I и Николая I были основаны институты в Санкт-Петербурге, Москве, Симбирске, Новочеркасске, Харькове, Полтаве и других городах.

Новочеркасский Мариинский Донской институт был открыт в 1853 году. При нем была устроена домовая церковь во имя св. Марии Магдалины.

Институт в Новочеркасске занимал целый квартал, за зданием был большой парк, окруженный высокими стенами. В здании была своя домовая церковь на третьем этаже в центре здания. На втором этаже в центре здания находился большой зал, где давались уроки гимнастики и танцев. Там же устраивались балы. По воскресеньям в этом же зале бывал прием родных.

В институте было семь классов и подготовительный. В каждом классе было две классных дамы, постоянно живущих в институте. К начальнице нужно было обращаться, называя ее «*татап*», и при встрече с ней делать глубокий реверанс. Академическая сторона была организована прекрасно, все преподаватели были с университетским образованием. Воспитанницы, окончившие курс с золотой медалью, имели право на аудиенцию у императрицы. Как правило, все институтки изучали два иностранных языка. Большое внимание обращалось на музыкальные способности воспитанниц, и талантливым девочкам давалась возможность учиться музыке.

По приезду в Королевство сербов, хорватов и словенцев институт получил высочайшее разрешение короля Александра

обосноваться в маленьком городке Белая Церковь. Здесь институт занял большое красивое здание в центре города, удобное тем, что в нем были помещения и для дортуаров, и для классов, а также большой зал, в котором весь институт выстраивался на утреннюю и вечернюю молитвы. В этом же зале давались уроки гимнастики и танцев, балы по праздникам, устраивались лекции и концерты. По праздникам зал превращался в церковь. Пел хор, составленный из воспитанниц. Службы в церкви были регулярно каждую субботу и воскресенье. При институте имелся прекрасно оборудованный лазарет, свой доктор и две сестры милосердия. В большом дворе, окруженном высоким забором, были «гигантские шаги», качели, кольца, турник, крокет. Кроме того во дворе находились «служебные помещения»: своя прачечная, сапожная мастерская, пекарня и даже было свое домашнее хозяйство: куры, индейки и свиньи.

Интересное зрелище представляла собой прогулка. Чинно, в парах под руку, девочки ходили гулять по городу или, в лучшем случае, на аллею, ведущую от города к парку.

Внутренняя жизнь институток была основана на правилах дружбы: пожаловаться друг на друга или выдать подругу было просто невысказано.

Учебная программа в Югославии была одинакова для всех учебных заведений. Нужно было окончить восемь классов и получить аттестат зрелости («*veliku maturu*»), дававшую право на поступление в высшие учебные заведения. Но фактически в институте наряду с этой программой существовала другая — приобщение воспитанниц к русской культуре. Обращалось особое внимание на изучение русской истории и русской литературы.

В институт приезжали писатели и поэты, издавался своими силами журнал «Голубой цветок», в котором печатались стихи воспитанниц и отмеченные преподавателем сочинения. Очень поощрялось искусство: ставились – тоже своими силами – спектакли в институтском зале. Устраивались концерты с музыкально-вокальной программой и литературные вечера, посвященные русским писателям. Один или два раза в год давался балетный спектакль в городском театре, всегда получавший прекрасные отзывы в местных газетах.

Начальницей Мариинского Донского института много лет была Наталия Владимировна Духонина, жена генерала Духонина, а в 1925 году институт посетил генерал Врангель. В 1930 году королева Югославии Мария взяла институт под свое высочайшее покровительство, а в 1941 году институт был закрыт в связи с оккупацией Югославии немецкими войсками. Больше никогда это учебное заведение не открыло свои двери для новых воспитанниц.

Мое поступление в это учебное заведение стало большим событием для нашей семьи, а в особенности для меня. После подачи документов и посланного запроса с моим аттестатом мои родители получили сообщение, что я принята на обучение со стипендией при условии, что хорошо сдам вступительный экзамен по русскому языку. Мои родители имели много хлопот, чтобы должным образом подготовить меня к поездке и поступлению в институт. Они очень беспокоились, все ли пройдет гладко.

Были и сложности. Мариинский Донской институт находился далеко от Хорватии, в Сербии, в городе Белая Церковь, а мои бедные родители не имели средств на дорогу. Но, как я уже писала, папин дядя, а мой двоюродный дедушка Алексей Генрихсен, бывший статский советник в царской России, который с бабушкой Клавдией тоже эмигрировал в СХС, жил в Боснии, в городе Биелина, и занимал очень высокий пост начальника железнодорожного участка. У него было хорошее жалование, детей у него не было, а бабушка Клавдия приходилась мне крестной мамой. Наши семьи нашли друг друга через Красный крест. Тетя Нина, которая с момента приезда в СХС писала во все гуманитарные организации, разыскивая родственников, получила известие о местонахождении своего дяди и его адрес в Биелине. Через Красный крест дедушка Алексей посылал тете Нине посылки с продуктами, которые мы, дети, в то голодное время ели с большим удовольствием.

Родители и тетя Нина договорились попросить о помощи наших родственников Генрихсенов, и бабушка Клавдия Георгиевна сразу же приехала за мной в Карловац и отвезла в Белую Церковь.

Экзамен по русскому языку я успешно сдала и поступила в знаменитый русский Мариинский Донской институт. До начала учебного года оставалось десять дней. Родители и сестра Оля были

далеко, и бабушка отвезла меня в свой дом в Биелину. В доме с прекрасным садом нас ждал дедушка, высокий и стройный, как все Генрихсены. В свободное от обязанностей начальника железнодорожной станции время он был страстным охотником. Со своими породистыми собаками Лордом и Леди он охотился на фазанов, перепелок и куропаток. Бабушка была настоящей мастерицей по приготовлению блюд из дичи, которую дедушка приносил с охоты. Десять дней в Биелине я провела прекрасно, но без мамы, папы и сестры мне было грустно и как-то странно. Везде тишина, не было подруг, не было сестры Оли, с которой мы очень любили играть и делиться своими детскими секретами.

Однако подошло время отправляться в институт. Бабушка отвезла меня в Белую Церковь и там меня оставила. Я, еще маленькая, осталась там совсем одна. Так, далеко от дома, началась моя новая жизнь и мое обучение в Мариинском институте.

Меня познакомили с классом и классной дамой, которая проводила с ученицами целый день, за исключением того времени, когда мы, институтки, были на уроках. Каждый класс имел две классные дамы. Они работали попеременно. Один день класс вела одна классная дама и говорила с нами на французском языке, на следующий день класс вела вторая классная дама, которая говорила с нами исключительно на немецком языке. Так мы должны были слушать, запоминать и упражняться в разговорной речи. Обучению иностранным языкам в институте придавалось большое значение.

Сразу же по прибытии я получила форменную институтскую одежду: платье темного цвета с пристегивающимися белыми манжетами. С платьем я сама не могла справиться, так как застежка была сзади, и классная дама помогала мне его застегнуть на спине. Еще я получила белую пелерину, которая надевалась поверх платья. Пелерина имела ленты, которые завязывались в бант. В этой форме мы ходили в течение всего процесса обучения в Мариинском институте. Все институтки носили одинаковую прическу в форме заплетенной сзади косы.

Наша спальня находилась в дортуаре. В одном дортуаре располагался целый класс. Нас было много, и жили мы по-спартански, без родителей, сестер и друзей. По приезде мне было очень

одинок и было непонятно, почему меня родители не спросили, хочу ли я учиться вдалеке от дома в таком институте. Наверное, мои родители знали, каким бы был мой ответ. Я бы наверняка хотела остаться дома, с ними. Но мои мама и папа и сами учились в таких учебных заведениях, и они решили, что для меня будет лучше уехать из родного дома и обучаться в таком же институте, какой окончила моя мама. Это, по их мнению, было мое предназначение, и так должно было случиться, что я, еще совсем маленькая, уехала далеко от мамы и папы, далеко от любимого Карловаца. Конечно, в первое время мне было очень страшно и одиноко, я впервые осталась без мамы, которая раньше всегда была рядом.

Однако время лечит все болезни и преодолевает неприятности. Вдалеке от дома, в десять лет, в моей жизни открылась новая страница. Мне надо было приспособиться к новой среде и научиться здесь жить. В конце концов, мне, подростку, не так уж было и тяжело приспособиться к необычной обстановке. Наверное, взрослые знали это по собственному опыту, оценили мои способности и были уверены, что я смогу без проблем учиться в такой школе. Думаю, что если бы это было не так, они бы меня никогда туда не отдали, ведь они меня очень любили, свою «принципи», своего первенца.

Так началась моя жизнь и обучение в Мариинском Донском институте в Белой Церкви. На утренней молитве в большом зале, в общей спальне, на уроках, на прогулках везде я была вместе с моим классом, с девочками-ровесницами. Постепенно я начала поближе знакомиться с одноклассницами, и у меня появились подруги. У детей это происходит очень быстро. Так было и со мной.

Большинство девочек поступало в институт после окончания обучения в монастыре Хопово, который после революции стал для русской эмиграции одним из духовных центров. В 1920 году игуменья Екатерина вместе с 62 монахинями и послушницами из Леснинского монастыря в России прибыли на барже по Дунаю в Белград. Епископ Досифей предоставил им для жительства монастырь Хопово на Фрушской горе. Наиболее важным делом монахинь на новом месте стал приют, в котором жили главным образом осиротевшие дети русских эмигрантов. В монастыре две монахини организовали начальную русскую школу, в которой

девочки обучались на русском языке. Знание русского языка у них было очень хорошее, поэтому они имели большое преимущество передо мной, так как я русскому языку обучалась в семье, а в школе училась на сербохорватском. В начале обучения я ощущала, что мне не все так легко дается, как это было в школе в Карловаце. Начальную школу я окончила с отличным успехом, а теперь мне, круглой отличнице, на уроках было тяжело. Мои родители не подумали о том, что мне будет трудно перейти из обычной хорватской школы в русскую. Особенно это ощущалось на уроках русского языка, так как мне не хватало базовых знаний. Особенно запомнилось, как в начале мне было тяжело понимать на уроке нашего учителя русского языка, который тоже эмигрировал с целым преподавательским составом института из Новочеркасска и стал нашим учителем в Белой Церкви. Но я очень много занималась, выполняла грамматические упражнения, стараясь побыстрее преодолеть трудности в недостаточном знании русского языка. Мама занималась со мной дома, и я от рождения разговаривала на русском языке, а мое сильное желание и прирожденные способности помогли мне быстро восполнить пробелы. Мне это удалось, и вскоре я уже могла учиться наравне с другими ученицами первого класса и даже получала четверки. Конечно, недостаток знаний все еще давал о себе знать, особенно во время приготовления к урокам, но этого было все меньше и меньше.

С девочками, новыми одноклассницами, мне было очень хорошо, но с ними не так легко было сойтись. Многие из них знали друг друга еще из монастырской русской школы, а я приехала издалека. Постепенно у меня появились новые подруги. В сущности, подруг не надо искать, они появляются сами по себе, когда придет время. Мне было десять лет, а дружеские отношения в этом возрасте между маленькими детьми возникают легко. С ними, моими новыми подругами, мне было веселее и беззаботнее. В общении с ними и во время учебы я забывала тоску по маме, папе и сестре. Наверно поэтому уже тогда, в юности, мои глаза стали грустными.

В классе у меня было много подруг. Подруга – это особое слово, оно и означает нечто особое и самое дорогое сердцу. Лучшая подруга – это как сестра. У вас могут быть схожие интересы, и в то же время они могут различаться. Вы любите друг друга по-человечески,

вы можете даже обидеться друг на друга, но уже через пять минут вы снова будете смеяться и грустить вместе. Лучшая подруга не даст тебя в обиду, всегда придет на помощь, даст дельный совет и никогда не расскажет твои секреты другим. Такой подругой в классе стала для меня Наташа Нагорная. Помню, как она часто плакала и приходила ко мне поговорить. Ей было, пожалуй, еще тяжелее, чем мне. Она поступила в институт из Хопово. Осталась сиротой, без родителей, и с шести лет жила и училась в монастыре. Она помнила своих маму и папу, и ей было очень тяжело.

Были у меня и другие подруги. Хорошо помню Марусю Дудникову, отличную ученицу. Она приехала в институт из города Парачин, в центральной Сербии. Ее семья считалась зажиточной, так как папа работал инженером на крупном предприятии. Маруся часто получала из дома посылки с шоколадом и конфетами и всегда угощала нас с Наташей. Втроем мы уплетали сладкое за обе щеки. Мы три подруги всегда были вместе, в дортуаре наши кровати стояли рядом, вместе мы пробуждались по утрам, причесывались и одевались. Вместе стояли на молитве перед иконой в большом зале. Молитвы для учениц и персонала читались по утрам и вечерам и длились по 20 минут. В глубине зала находился алтарь, который был закрыт занавесом. По праздникам занавес снимали, и священник отправлял Службу Божью.

Помню, как по утрам мы стояли в шеренге перед классной дамой и терпеливо ждали, когда придет наша очередь. Наша классная дама помогала нам заплетать косички, застегивать форменное платье и завязывать бантик на пелерине. У нас была очень хорошая классная дама, и мы ее очень любили. Для того чтобы научиться по утрам одеваться, приводить себя в порядок и готовиться к молитве, требовалось время и терпение, но вскоре я привыкла вставать ранним утром и все обязанности до молитвы выполнять самостоятельно. По вечерам, перед сном, мы сами раздевались, обязательно расплетали косы и расчесывались.

Обучение в институте было резкой переменой в моей привычной жизни, мне пришлось нелегко одной, в новой чужой среде, без своих близких, к которым я была очень привязана. Постепенно я привыкла обходиться без них и смирилась с жизнью и укладом учебного заведения.

Вначале я частенько украдкой вытирала слезы, которые текли из моих печальных глаз, очень скучала по маме и Оле. Понемножку мне все реже был надобен платок для вытирания слез, и мои печальные, затуманенные грустью глаза постепенно приобрели чистоту и прозрачность, радость наполнила мою детскую душу. Боязнь и страх от расставания с домом и родными проходили, и я привыкла к школе и новой среде.

По мере того как я привыкала к школе, одноклассницам, воспитательницам и учителям, мне все больше и больше нравилось в Мариинском институте. У меня были прекрасные отношения с учителями, моими чудесными подругами и классной дамой, которые дарили мне теплоту и радость в отсутствие моих близких. Я стала храбрее, увереннее и самостоятельнее вдалеке от моего любимого города на четырех реках.

В интернате, без родителей, дети должны были с ранних лет привыкнуть к самостоятельности и подготовиться к будущим трудностям, которые ожидают их в жизни. Это я хорошо помню, так как сама прошла эту школу.

Я училась в первом классе, приближалось Рождество Христово, и родители решили устроить мне праздник, чтобы я приехала на рождественские каникулы домой. Ох, каким счастьем, какой радостью это было для меня! Зима 1933 года была очень холодной. Дунай был сплошь покрыт льдом, что случалось очень редко. Долгое путешествие домой было рискованным предприятием для такой маленькой девочки, какой я тогда была. К счастью, несколько институток из старших классов ехали на зимние каникулы в Загреб и была образована группа во главе с Таней Фермихиной, дочкой председателя русской колонии в Загребе, восемнадцатилетней ученицей выпускного класса. Все вместе мы доехали до Загреба. В Загребе все разошлись по домам, а я одна осталась на вокзале, нашла свой поезд и продолжила путь до Карловаца. Я благополучно прибыла домой и прыгнула со ступенек поезда прямо в родительские объятия.

Рождество мы праздновали с семьей и с нашими дорогими друзьями и знакомыми из русской колонии. Дни проходили в молитвах и веселии. Мама и тетя Нина по русскому обычаю напекли пирогов, а я обожала есть их, румяные и такие вкусные.

Рождественские каникулы пролетели очень быстро, и я поехала в Загреб, чтобы присоединиться к группе учениц, которые возвращались в Белую Церковь. В группе я была самой младшей.

В институт мы приехали к началу второго полугодия. Во втором полугодии учиться мне было уже намного легче, и первый класс я окончила на четверки.

Помню, как после обеда классная дама водила нас на прогулку на аллею перед зданием института. Там гуляли и кадеты Первого русского Великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, который тоже находился в Белой Церкви. Этот кадетский корпус был сформирован из нескольких кадетских корпусов, эмигрировавших из России, и в 1929 году получил имя Великого князя. Мы часто встречали кадетов, а однажды во время прогулки возле здания нашего института в центре города я встретила Юру Борделиуса, моего знакомого из Карловаца. Он был на год старше меня и уже учился во втором классе. Он меня узнал и поздоровался, а я была очень застенчивой и робкой, так что сконфузилась и едва промолвила несколько слов в ответ. Юра и его семья тоже жили в Карловаце, а моя мама и его мама Ольга Михайловна были подругами. Юру тоже отдали на обучение далеко от семьи в кадетский корпус в Белой Церкви. Впоследствии я встречала его несколько раз, когда с классом выходила на прогулку, но очень стеснялась с ним разговаривать. Наверное, это происходит со всеми девочками-подростками, которые в душе еще дети, а встречи и разговоры с мальчиками у них вызывают смущение и робость. Это мое мнение. Возможно, у кого-то происходит по-другому.

В институте иногда устраивались балы для учениц старших классов, на которые приглашали кадетов. Такие же балы устраивались и в кадетском корпусе, и туда приглашали девочек из старших классов. Эти балы являлись не просто продолжением на чужбине русской традиции, они служили для того, чтобы институтки и кадеты могли познакомиться друг с другом, а возможно впоследствии создать русскую семью, как мои мама и папа.

Для нас, учениц младших классов (а я проучилась в институте два года), был организован танцевальный класс. Мы ходили в

большой зал и учились танцевать старинные танцы. Кадетов для нас не приглашали, и мы учились танцевать друг с другом, как мы в шутку говорили «шерочка с машерочкой» (от французского выражения «мон шер»).

Мы получали награды и похвалы. Одну награду я запомнила на всю жизнь. В конце каждой недели мы сдавали манжеты форменного платья в стирку в прачечную. И однажды я получила похвалу за самые чистые манжеты после недели ношения. Классная дама похвалила меня перед всем классом, сказала, что мои манжеты самые чистые, и наградила меня букетиком розовых нарциссов. Их чудесный запах мне очень понравился, я запомнила приятное благоухание и до сих пор люблю эти душистые цветы.

Первый и второй классы я окончила очень хорошо. И хотя я провела в Мариинском институте всего два года, со мной навсегда остались самые теплые воспоминания о моей русской школе.

Я никогда не забуду начальницу института Наталию Владимировну Духонину. Мы иногда встречались с ней на собраниях учениц и всегда с большим почтением приветствовали ее реверансом и глубоким поклоном. Никогда не забуду прекрасный преподавательский состав, людей, эмигрировавших из Новочеркасска и передавших свое глубокое знание предмета нам здесь, в Белой Церкви. Они учили нас не только русскому языку, истории и культуре, но и любви к отчизне, к родине наших предков. Наши преподаватели учили девочек, рожденных за рубежом, и были к ним очень терпеливыми и понимающими. Им было нелегко с ученицами, поступавшими сюда из местных школ и не имевшими достаточное предварительное знание русского языка. Отличные педагоги, они понимали наши трудности и прилагали большие усилия, чтобы дать нам глубокие знания. Особую теплоту навсегда оставила в моем сердце дружба с Наташей и Марусей. Помню я и других девочек, с которыми дружила в институте, как мы весело проводили время. Это я не забыла никогда.

Прошли года. За это время мы не раз теряли все: любимые книги, фотографии, теряли жилье, близких людей. И голод, и холод, и полная неизвестность «завтрашнего» дня шли вместе с нами по разбитым путям. Что же помогло нам не сломаться? Не

возроптать? Не потерять веру в Бога, в жизнь и людей? Я уверена, что ответ надо искать в тех годах институтской жизни. Мы не могли поддаться духовному упадку и разлюбить жизнь, так как нас учили, что жизнь – величайший дар Божий и вечный источник радости. И мы умели в страшные годы войны, сквозь дым пожаров видеть красоту заката и радоваться цветам у дороги... Мы не могли ожесточиться, так как нас учили искренней вере и терпению. Мы не могли раствориться в чужих странах, так как нам много раз говорили, что наша родина – Россия, что необычайно велико русское влияние на весь мир. Благодаря этому нам удалось сохранить наши русские души и, может быть, хоть крупицы этих качеств передать нашим детям.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

По окончании второго класса в Мариинском институте я поехала на каникулы домой в Карловац.

Я всегда очень любила приезжать на каникулы домой, к маме и папе, в мой зеленый город. Не могла дожидаться увидеть сестру Олю. Вместе мы чувствовали себя совершенно счастливыми. Мы подолгу разговаривали, рассказывая друг другу секреты, накопившиеся за долгие месяцы разлуки. Всегда, с раннего детства, мы могли поделиться друг с другом любой бедой и радостью. Мы могли друг с другом говорить обо всем, зная, что это останется между нами, что мы можем доверить друг другу самые сокровенные тайны. Свои секреты и все, что у нас на сердце, мы могли еще рассказать только маме. Это и есть суть искренней дружбы между членами одной семьи.

На каникулах мы снова весело проводили время с нашими двоюродными сестрами и подругами. Наша большая компания купалась в речке Коране, плескалась в ее водопадах и гуляла в прекрасных зеленых парках нашего города.

В один из солнечных летних дней мы с мамой гуляли по бульвару, который мы называли по-хорватски «променада». Эта прекрасная аллея в обрамлении диких каштанов располагалась вдоль впадины. С другой стороны впадины, на возвышении,

находились дома богатых жителей Карловаца: семей Враницан, Банявич, Лукиница и других. В самом начале этого ряда домов находилась так называемая «Большая кофейня», самое популярное кафе в городе.

Прогулочный бульвар, который я описываю, в действительности состоял из нескольких рядов столетних каштанов, а рядом с каштанами были поставлены скамейки для отдыха. Неподалеку, на самом берегу Кораны, находится самый красивый парк Карловаца «Врбаничев перивой», где растет 51 вид деревьев и четыре вида кустарников.

Мы гуляли с мамой по одной из аллей, и я запомнила тот момент, когда она сообщила мне новость. Оказалось, что родители получили известие из Мариинского института, что со следующего года нужно будет вносить оплату за обучение в размере 50 динаров в месяц. Это была очень маленькая сумма, учитывая, что самая низкая зарплата чиновника в 1935 году составляла 475 динаров, но моим родителям было не под силу платить за мое обучение даже такую маленькую сумму.

Мама с папой решили, что я останусь в Карловаце и здесь пойду в третий класс гимназии.

С одной стороны, это было для меня радостное известие. Я очень обрадовалась, что останусь дома с родителями, сестрами и друзьями и буду со всеми вместе учиться в гимназии в Карловаце. Для двенадцатилетней девочки это было лучше, чем быть вдалеке от семьи и родного города. Но, с другой стороны, мне стало грустно, что я больше не увижу Мариинский институт, это прекрасное здание в центре города, моих друзей, преподавателей и классную даму. Я никогда не забуду жизнь в институте, где мы были окружены заботой учителей и всего персонала, приехавшего из России, которые воспитывали нас с преданностью и жаром, стараясь создать за рубежом такую же атмосферу, которая царила в институте в России до революции, и дать нам такое же широкое образование, какое получали наши бабушки и мамы. Большое спасибо им за то, что нам, русским девочкам, родившимся на чужбине, помогли принять Родину в свою душу и нести всю жизнь как святыню! Светлая им память и моя глубокая благодарность!

ГИМНАЗИЯ ГОРОДА КАРЛОВАЦА В РАКОВАЦЕ

В третий класс я пошла в Карловаце. Меня записали в гимназию в районе Раковац. Это учебное заведение, как и Мариинский Донской институт, имело свою интересную историю.

Гимназическое образование в Карловаце начинается во времена Марии Терезии. По ее распоряжению в 1766 году монахи-пиаристы основывают два класса с латинским языком в качестве основного предмета. Такие школы в Европе называли гимназиями, поэтому 1766 год можно считать началом гимназического образования в Карловаце. В 1800 году в городе уже есть гимназия с шестью классами.

В 1820 году гимназия становится муниципальным учебным заведением. С тех пор учителя получали зарплату из городской казны и избирались по конкурсу.

В 1878 году Карловацкая гимназия становится восьмилеткой, а в 1882–1883 годах после объединения королевской гимназии Карловац и Большой реальной школы в Раковаце образовалась Королевская большая реальная гимназия, уникальная по своей структуре школа во всей Австро-Венгерской монархии.

На рубеже веков Королевская реальная средняя школа имела классическое направление обучения (с акцентом на латинском и греческом языках) и реальное (с акцентом на естествознании). Девочки могли сдавать заключительные экзамены за год только в частном порядке. Только в 1918–1919 годах гимназию начали посещать вместе юноши и девушки. До 1938 года число школьников настолько возросло, что в Карловаце образовались две гимназии: Государственная мужская реальная гимназия и Государственная женская реальная гимназия. В этом же году, когда я была уже в шестом классе, женская гимназия переехала в новое здание на Домобранской улице.

Гимназия считалась самой лучшей в Карловаце. Одна из самых строгих гимназий, где был отлично налажен процесс обучения и был очень профессиональный и опытный преподавательский состав.

Во время моего обучения хорватскому языку нас обучал Драго Иванишевич, знаменитый хорватский поэт, драматург и переводчик. Он был одним из самых известных хорватских поэтов второй половины двадцатого столетия и одним из первых поэтов-модернистов в период между двумя мировыми войнами.

Он преподавал мне хорватский в пятом и шестом классах, и мне очень повезло, что я попала именно в тот класс. Его лекции всегда были очень интересные и поучительные. Один эпизод, произошедший на его уроке, я не забуду никогда. Одна из учениц в классе на уроке сказала: «Нина Генрихсен говорит по-русски». Учитель Иванишевич вызвал меня, я встала, а он подошел к моей парте. Он быстро выговорил несколько фраз на хорватском и сказал, чтобы я перевела это на русский. Я покраснела и запинаясь начала переводить слова учителя на русский. Но я так смутилась и сконфузилась, что учитель сжалился и сказал: «Садись, Генрихсен». Я успокоилась и с облегчением села на свое место. В 1938 году он перешел на работу из женской гимназии в мужскую, а затем работал драматургом в Хорватском народном театре в Загребе.

Вообще в нашей гимназии в Карловаце был прекрасный состав преподавателей. Сергей Городецкий, тоже русский эмигрант, все-сторонне образованный человек, преподавал нам французский язык и философию, а жил он со своей женой-доктором в том же доме, что и мы. Он был очень строгим учителем, и я не рассчитывала на поблажки как соседка и русская, всегда тщательно готовилась к его урокам.

Наша гимназия славилась своими преподавателями, нас учили не только профессиональные педагоги, но и поэты, художники, философы.

Одним из них был художник Людевит Шестич (Джаково, 1900 – Загреб, 1962). Образование он получил в Загребе, где окончил Королевскую академию изобразительных искусств в классе знаменитого хорватского живописца Владимира Беича. Мой учитель писал пейзажи, натюрморты и портреты. Его шедевр – 12 исторических ведут карловацких рек и многие другие картины хранятся в музее города Карловаца и в других музеях Хорватии. Нам он преподавал рисование, и мне очень повезло, что именно он учил нас рисовать. Он был очень симпатичный и

благожелательный, и мы, ученицы, очень любили его уроки. Он замечательно рассказывал о изобразительном искусстве и научил нас неплохо рисовать на бумаге.

Все мы очень уважали и даже побаивались строгого учителя математики по фамилии Клариш. Хорошо я запомнила и преподавателя латыни и греческого языка Ивана дель Тозо, который впоследствии стал директором нашей гимназии. Его запомнили все поколения учеников, кому он преподавал и кому был директором.

Помню еще несколько преподавателей. Учитель Мило Ципра, дирижер хора «Зора» в Карловацком народном театре, преподавал нам пение. В 1940 году он перешел на работу в Пятую мужскую гимназию в Загребе. Алка Рачич преподавала нам немецкий язык, учительница Леви преподавала французский, а профессор Саболов обучал нас премудростям латыни.

Вообще атмосфера в гимназии во время моего обучения была очень благоприятной. Мы получили отличное образование и с полученными знаниями могли поступить на любой факультет по нашему выбору.

Как видно из моего рассказа, мое воспитание и образование сначала в начальной школе в Карловаце, затем в Мариинском Донском институте в Белой Церкви и снова в Карловаце, уже в Королевский женской гимназии, было весьма основательным и обширным. Я хорошо училась, а преподаватели, о которых я писала, были настоящим даром для всех, кто имел счастье у них учиться.

Эти чудесные годы моей школьной жизни остались далеко позади, в далеком прошлом, но оставили восхитительные воспоминания.

ДИВНАЯ ЮНОСТЬ В КАРЛОВАЦЕ

В новой школе все быстро наладилось. Мне было хорошо в Карловаце. Мама нашла хорошую работу – преподавателя французского языка в «Cercle francais», французском культурном центре в Карловаце, а по вечерам выступала с музыкальным ансамблем. Ансамбль выступал в ресторанах, а мама им аккомпанировала на фортепиано. Членами группы были студенты из Карловаца,

фамилия руководителя была Хорачки, а еще в группу входили Безарич, Фабековац, Лончарич и мама.

К этому времени я уже повзрослела и училась в старших классах гимназии. Благодаря тому, что мама много работала и хорошо зарабатывала, мы переехали в хорошую квартиру на Ягичевой улице, и наши условия жизни улучшились. Плохо было только то, что папа никак не мог привыкнуть к новой жизни. У него была депрессия, и он был постоянно в подавленном настроении. Он очень тосковал по России, по навсегда потерянной родине. Часто с грустью вспоминал отца, оставшегося в большевистской России, грустил за всем, что его связывало с детством, с любимой Кавалихой, где он родился и где навсегда осталась похоронена его молодость. Папа очень тосковал по годам, проведенным на службе в царской армии, в Добровольческом белом движении. Его можно было понять. Ему, кадровому офицеру, штабс-ротмистру царской армии на чужбине пришлось заниматься торговлей спиртным и книгами в окрестностях небольшого городка. Все это, судя по всему, папу очень мучило и навевало самые черные мысли. Он никак не мог предать забвению пусть и сложные, но лихие и привычные годы, проведенные на родине, и стал понемногу выпивать.

Я была еще маленькой, но хорошо помню, что папа никак не мог, подобно другим эмигрантам, преодолеть свою грусть и разъедающую его душу и сердце ностальгию по родине. Он часто рассказывал нам о своем беззаботном детстве в имении Кавалиха, недалеко от Киева, о ранней молодости в Киеве. Сколько я его помню, он говорил только о России. О своей собачке и маленьком пони в Кавалихе, о годах военной службы в царской армии. Любимой темой был его идол, любимый и незабвенный командир генерал Врангель. Он безгранично гордился, что ему посчастливилось служить и бороться с большевизмом под командованием такой выдающейся личности. Это был, пожалуй, единственный светлый момент в папиной жизни.

Естественно, папино всегда печальное настроение влияло на жизнь нашей семьи не самым лучшим образом, но, несмотря на папины беды, мы, моя сестра Оля и я, были молоды, уже гимназистки, почти взрослые девушки и радовались жизни как это может лишь беззаботная молодость.

Переезд в новую хорошую квартиру был радостным событием. Мама хорошо зарабатывала, и мы могли позволить себе небольшие удовольствия. Мы наслаждались удобством и комфортом новой квартиры, расположенной в тихом зеленом районе города. Этот период времени, проведенный в квартире на Ягичевой улице, я всегда вспоминаю с радостью. Самое главное, что у нас с мамой и сестрой были замечательные доверительные взаимоотношения. Наша неразлучная троица понимала друг друга с полуслова, мы всегда были вместе, в горе и радости. Если, например, у одной из нас были неприятности или просто сложный период, мы могли с доверием обратиться друг к другу. Проблему мы всегда решали сообща и относились к ней как к своей собственной. Это была общая боль и общая проблема, но зато, когда неприятная ситуация благополучно разрешалась, мы радовались и веселились тоже вместе. Помню, когда случались неприятности, мы говорили одна другой: «Все будет хорошо», утешали и помогали как могли, делали все, что было в наших силах. К счастью, все наши неприятности не были слишком сложными, а наша молодость и веселый характер помогали решать любые проблемы, и все у нас шло, как по маслу. Наши глаза лучились, а улыбка непрестанно озаряла наши лица, как это бывает только в счастливой молодости.

Мама, Оля и я – мы были настоящими неразлучными подругами, доверяли друг другу свои тайны, делились самым сокровенным, вместе переживали любые неудачи и радовались успехам. Верили друг другу безоговорочно. Такие взаимоотношения с мамой и сестрой для меня много значили, я их очень и очень ценила.

Мама нам с Олей всегда приходила на помощь в нашей юности. В благодарность за ее заботу и прекрасное воспитание, я всегда старалась ей помочь и сделать что-то приятное. Например, я всегда ждала ее, когда она вечером возвращалась уставшая с работы. Она очень много работала, чтобы нам обеспечить удобную жизнь, и мне было ее очень жалко. Я всеми силами старалась облегчить ей жизнь, хорошо училась и была послушной дочерью.

Вообще, в этот период жизни, моей юности и ранней молодости, мне было очень хорошо в школе, в обществе подруг и сверстников.

МОЙ ПЕРВЫЙ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ТАНЕЦ

Мы, гимназистки, составляли в то время большую и дружную компанию. Вместе ходили на прогулки, в парк или на реку Корану.

Однажды Анна Павловна Бабенко, мама нашей подруги Сани, повела нас вечером на прогулку на берег Кораны, где находился наш живописный пляж. Прогулявшись, мы сели в кафе перед гостиницей. На эстраде играла музыка, а мы наслаждались вкусным газированным напитком «шабессо», который мне очень нравился. Мы, девушки, я, Оля и Саня, с удовольствием пили напиток, разговаривали и смеялись.

Неожиданно, к моему большому удивлению, ко мне подошел незнакомый молодой человек, поклонился и пригласил на танец. Поскольку Анна Петровна нас сопровождала, она учтиво поздоровалась с молодым человеком, приняла его предложение и отпустила меня на танцплощадку. Я танцевала первый раз в жизни!

Мне исполнилось пятнадцать лет, это было очень неожиданно и походило на чудесный подарок. Я почувствовала себя взрослой девушкой, мне ужасно понравилось танцевать с кавалером. Оказалось, что мой первый партнер по танцплощадке тоже гимназист, на несколько лет старше меня, по фамилии Бакса.

Хотя я, совершенно неожиданно для юной девушки, с партнером и без подготовки оказалась на танцплощадке, я не очень смутилась. Я немного училась танцам в Мариинском институте, но нельзя сказать, что я умела танцевать. В такте вальса я вступила в очаровательный мир музыки и движения. Партнер вел меня уверенно и бережно, а я с удовольствием подхватила и присоединилась к нему в прекрасном танце, упоительной музыке и ритмическом скольжении.

Соединение чудесной музыки с плавностью и легкостью танцевального движения в водовороте вальсов и танго меня окончательно очаровало и покорило. Мне всегда нравились классические танцы – особенный вид искусства, в котором в качестве инструментов выражения чувств, эмоций и образов выступают движения тела человека под музыку. Теперь, когда я попробовала

танцевать в паре с молодым человеком, я решила заняться танцами всерьез, чтобы научиться хорошо танцевать.

Первый в моей жизни танец оставил на меня неизгладимое впечатление. Я начала заниматься танцами и посещать с подругами танцевальные вечера и молодежные вечеринки. Естественно, обучение в гимназии всегда было на первом месте, но нашлось свободное время и для танцев. Мы с сестрой Олей и подругами ходили на танцевальные вечера в Зорин дом и в Хорватский дом, а летом на открытые танцплощадки перед гостиницей на Коране, на подиумы Фогинова пляжа или перед Хорватским домом.

В то время Карловац был настоящим маленьким промышленным городом, в котором жило много трудолюбивых людей, а также это был академический центр, где жило много студентов и гимназистов, ведь университетский Загреб находился недалеко от Карловаца. Студенты и гимназисты образовывали одно большое сообщество. Молодежь активно общалась между собой в чудесной атмосфере взаимопонимания и дружбы.

В гимназии мы, одноклассники, девушки и юноши, дружили все вместе. У меня было очень много хороших друзей и подруг, а один мой одноклассник Драго Бернардич очень любил приходить на танцы и всегда меня приглашал на танец. Кроме того, он начал писать стихи и часто их мне декламировал. В гимназии у нас была большая компания. Мы дружили не только с ребятами из класса, но и с гимназистами из старших классов. После занятий мы любили прогуливаться все вместе по очаровательным аллеям парка, под кронами старых каштанов. По вечерам здесь раздавались звонкие голоса веселых гимназистов и гимназисток. Так мы гуляли по нашему любимому «променаду» и заводили более тесные знакомства не только с гимназистами, но и со студентами, которых тоже было немало в нашем обществе. Нам было интересно на прогулках и на танцевальных вечеринках. В те времена нам, гимназистам, было разрешено гулять по вечерам только до половины восьмого вечера. Когда мы расходились по домам, шум и веселье в парке стихали. Мы спешили вернуться домой вовремя, так как если бы мы опоздали, родители могли наказать и не пустить гулять на следующий день. А

прогулки и общество наших сверстников мы с сестрой просто обожали.

Так, в учении, прогулках и общении проходила наша чудесная молодость в Карловаце, в семье, когда папа и мама, мы с сестрой и нашими любимыми подругами еще были все вместе.

Как оказалось, на танцах я стала пользоваться успехом у молодых людей, на академических вечерах и молодежных вечеринках. Параллельно я посещала танцевальный кружок «Венок» и научилась хорошо танцевать. Этот вид искусства мне особо импонировал, у меня очень хорошо получалось. Так хорошо, что когда наш руководитель устраивал показательные выступления, он брал меня в качестве своей партнерши. Я даже стала обучать молодежь, которая приходила танцевать в кружок. Искусство танца я довела практически до совершенства. Это превзошло все мои ожидания, и я с удовольствием демонстрировала на танцплощадках свое умение двигаться в такте музыки. Мой стиль танца, легкий и даже иногда с использованием балетных движений на носочках, пользовался большим успехом. Случалось, что молодые люди ждали своей очереди, чтобы со мной вальсировать.

ЗНАКОМСТВО С БУДУЩИМ МУЖЕМ СТЕПАНОМ

В то время, когда я познакомилась со Степаном, я уже была выпускницей гимназии, совсем взрослой девушкой. Однажды, когда мы пришли на танцы с моей сестрой Олей и подругами, одна из моих подруг Власта Стакич познакомила меня со Степаном Микшичем. Он, тогда молодой студент, галантно представился и пригласил меня на танец. Тогда на танцплощадке весенним вечером, в облаке упоительного запаха сирени, мы первый раз танцевали вместе.

Степан был высоким и стройным, с мечтательными голубыми глазами, очень красивый молодой человек. Он мне сразу очень понравился. Он был уже совсем взрослый, студент, в модном бежевом костюме. Он жил в Шварче, районе Карловаца. У него была очень большая семья и многочисленные родственники, которые все жили на горе Шварче, там, где я провела свое детство.

Степан и я танцевали и разговаривали. Мы сразу же нашли общий язык, и нам было очень интересно и хорошо друг с другом. Мы подружились. Уже через несколько дней Степан пригласил меня на прогулку по «променаду», и теперь мы гуляли вместе. Так у меня появился кавалер. Степан, как и я, очень любил вечерние прогулки вместе со всей молодежью, и это нас очень сблизило. Я уже с нетерпением ждала вечера и нашей следующей встречи. Если мы вдруг случайно встречались на улице, он всегда с улыбкой шел мне навстречу, и это было мне очень приятно.

Наши свидания в то время еще нельзя назвать любовными, но мы очень любили гулять и подолгу разговаривать друг с другом.

Особенно я любила вальсировать со Степаном на танцплощадках. И хотя я принимала приглашения и других партнеров, и мне даже доставляло удовольствие кружиться с ними в танце, Степан был особенный, и мы все чаще танцевали только вдвоем. Степан ко мне проявлял большой интерес и уважение. Приходя на свидание, он приносил мне книги. Он очень любил читать, и ему хотелось, чтобы классики, которых он постоянно покупал и читал, понравились и мне тоже. Мне нравились книги, которые мне приносил Степан, ведь я и сама с юности увлекалась литературой и очень любила стихи.

Одним из самых любимых было стихотворение Пушкина:

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

Поэтическое вступление к поэме-сказке «Руслан и Людмила» мы знали наизусть, и гармония этих волшебных строк навсегда оставила в моей памяти и моем сердце светлые, яркие чувства.

Степан был весьма интеллигентным и начитанным молодым человеком, приносил мне книги, которые часто становились предметом нашего разговора, и мы полюбили наши разговоры и

общение. Мы стали встречаться все чаще, и он неизменно провожал меня после прогулки домой.

Это было так замечательно. Как сейчас помню, после прогулки в нашей новой, уютной светлой квартире меня встречали мама, папа и сестричка Оля. Вижу, как они ждут меня и с улыбкой спешат мне навстречу со словами: «Нина, наша Нина, ты тут, дома...»

Начало 1941 года

В 1941 году я заканчивала гимназию. Мы, выпускники, готовились к торжественному выпускному балу.

Этот вечер был, пожалуй, одним из первых самых ярких и незабываемых событий в моей жизни. Из тех событий, которые остаются в памяти навсегда. Праздничный финал перед тем как сказать «прощай!» школе и среднему образованию. Финал и, можно сказать, окончание беззаботной жизни и переход к следующему этапу, к этапу зрелости, когда человек становится самостоятельной личностью в стремлении развить свои способности и состояться в жизни.

Настал день нашего бала, день, который мы так долго ждали и тщательно к нему готовились. Как сейчас помню волнение и возбуждение, с которым мы, гимназисты, готовились к выпускному вечеру. Дома, вместе с мамами, мы готовили разные закуски, печенье и другие сладости, собирали благотворительные пожертвования на оплату нашей выпускной экскурсии на Адриатическое море.

По мере приближения бала наше возбуждение росло, а приготовления вступили в последнюю фазу. На вечер пришло много гостей, наши родители, родственники и знакомые, наши преподаватели, гимназисты и студенты. Пришли, чтобы с нами отпраздновать это знаменательное для нас событие.

Мы, восьмиклассники, со всей ответственностью подошли к подготовке бала. В программе были и угощение, и юмористическая почта, и шуточные письма-послания от парней девушкам, которые им нравились. Я получила целую пачку посланий.

Подготовленная программа состояла из множества номеров. Наша группа по ролям декламировала стихотворение Владимира Назора «Сверчок», в котором выражена жизненная позиция поэта.

Мы долго и старательно репетировали под руководством нашего преподавателя Узелаца, и в тот вечер за свое выступление были награждены бурными аплодисментами публики. Я была в восторге от аплодисментов, которые действительно заслужили мы и наш руководитель за нашу необычную интерпретацию «Сверчка».

Наконец заиграла музыка, и раздались звуки моего любимого вальса «На голубом Дунае». Это был наш выпускной танец.

Менялись партнеры, с которыми я без устали кружилась в вальсе, отплясывала польку или вращалась в ритме танго до упаду. Целый вечер я порхала, как бабочка, и, казалось, ничуть не уставала. Уже после окончания бала я почувствовала, как болят ноги, и едва добралась домой.

Все на нашем балу было чудесно и незабываемо, а впечатлений было так много, что многие годы они грели нам душу и оставили свой след на всю жизнь.

Мы, выпускницы, собрали небольшую сумму денег на нашу экскурсию, на которую планировали поехать весной... Однако последний звонок еще не прозвенел, и учеба еще не закончилась, нам еще предстояло вновь сесть за парты. Впереди были выпускные экзамены.

Это было начало 1941 года. Я, семнадцатилетняя выпускница, воспринимала заключительные экзамены очень серьезно. Я очень много занималась и тщательно готовилась. Я стремилась окончить школу с хорошим успехом и продолжить учебу. Поэтому к заключительной проверке знаний готовилась со всей ответственностью. Мной руководил внутренний порыв, и я с головой окунулась в приобретение новых знаний. В то время такая молодая, я еще не постигла всю глубину и истинность мудрого изречения греческого философа Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю».

Я очень старалась много читать, хорошо учиться, быть прилежной ученицей и облегчить тяжелую жизнь моим малообеспеченным родителям. Возможно, во время выпускного экзамена я

не постигла мудрость Сократа, но я хорошо знала русские народные пословицы и высказывания, в которых сконцентрировалась многовековая мудрость моего народа.

«Бережёного Бог бережёт», «Учение – свет, а неученье – тьма», «Знание – сила», «Не гордись званием, а гордись знанием», «Красна птица перьем, а человек – уменьем».

Этим знанием, пришедшим вместе с моими родителями из России, я и руководствовалась. Огромное количество мудрых народных пословиц и поговорок создал великий русский народ. Одни пришли к нам из глубины веков, другие образовались сравнительно недавно, но бережно хранятся в каждой русской семье. Ведь жизнь быстро проходит, а наследие народа – вечно.

Навсегда я запомнила блестящее выражение, которое нам повторяли наши родители. «Поживи для людей, проживут и люди для тебя!» Служить людям, жить, остро сопереживая и сочувствуя другим, не ожидая сиюминутной награды. Не нужно думать о «наградах», делая добро людям.

Эта пословица говорит о том, что, стремление делать добро людям, не желая ничего взамен, обязательно обернется добром. Это как закон бумеранга: сделай добро человеку, и оно обязательно к тебе вернется. Что посеешь, то и пожнешь.

Примеров подобных пословиц можно приводить очень много. Примером может послужить и наша жизнь. Наши родители когда-то отдавали все за наше будущее, недосыпали ночами у наших кроваток, переживали за нас, заботились о нас. Но, к сожалению, время не стоит на одном месте, оно очень быстро летит, и вот наши, когда-то полные сил и здоровья, родители стали слабыми и беззащитными. Вот и получается, что они пожилы для нас, теперь наша очередь пожить для них.

Я стараюсь поступать в жизни, согласно этой пословице. Мои родители и другие русские эмигранты когда-то принесли ее с собой из России. Мы выросли с русскими пословицами, сроднились с ними.

Забавно, но у нас было много примет и суеверий.

Мама всегда говорила, когда речь шла о чем-то важном: «Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить». Рассыпалась соль – жди неприятностей, если черный кот перейдет дорогу – быть беде.

Мы, дети, это воспринимали очень серьезно, так что я до сих пор боюсь черного кота и рассыпавшейся соли.

Наши родители учили нас жить в мире и дружбе со всеми людьми. Воспитывали нас в вере и любви.

Они никогда не перестали надеяться на встречу с родственниками, оставшимися в России, и постоянно искали их через газеты.

Моя мама, которая, как я уже говорила, очутилась в эмиграции со Смольным институтом и потеряла связь с родными, всеми силами пыталась получить информацию о своей семье. В поисках папы, мамы и братьев она обращалась в многочисленные гуманитарные организации, писала в газеты, расспрашивала в эмигрантских кругах. Она не знала, что с ними случилось в большевистской России, не могла получить от них весточки. Мама никогда не теряла надежды, и в конце концов ее настойчивые усилия дали результаты. Я это запомнила с ее слов, так как Оля и я были еще маленькими, а об этом событии она нам рассказывала, когда мы уже подросли.

Маме удалось вступить в контакт с семьей в России и послать фотографию.

В 1926 году маме посчастливилось послать письмо в Россию. На снимке 26-летняя мама с нами, своими маленькими дочками. Последовал ответ из России от маминой мамы, а нашей бабушки. Мама в Карловаце все еще была очень худенькая и стройная. Бабушка из России обратила на это внимание и написала: «без кровинки в лице». Ей показалось, что мама очень худая и ей очень плохо за рубежом.

Больше они не переписывались, так как Советский Союз прервал отношения с Югославией и письма не доходили. Однако мама и папа не теряли надежды и продолжали упорно разыскивать родственников на родине и ждать от них весточки.

Упорность моей мамы была награждена. Вдруг, перед самым началом Второй мировой войны, когда маме было уже сорок лет, еще раз удалось получить весточку из России. Тогда я уже была достаточно большая и это радостное событие для всей нашей семьи я хорошо запомнила, тем более что мама о нем часто вспоминала.

Маминого отчима, который работал инженером в Санкт-Петербурге, послали в заграничную командировку в Европу, и ему

удалось как-то связаться с мамой, рассказать ей, что дома все хорошо, все живы-здоровы. Однако отчим сказал маме, что он очень скоро возвращается домой в СССР, и у него больше не будет возможности с ней связаться. Кроме того, он ей посоветовал их больше не искать и не писать, так как в Советском Союзе у людей могут быть большие неприятности, если власти узнают, что у них есть родственники за границей. Он еще с грустью добавил, что пока он нужен и его используют, его не тронут, а что будет дальше, никто не знает.

Мама получила такие хорошие известия, очень обрадовалась, успокоилась и благодарила Бога, что все ее родные живы.

Тем временем дыхание войны неумолимо приближалось. В воздухе висело ощущение приближающейся грозы – мировой войны. Папа внимательно следил за развитием событий, и ему как кадровому военному, не понаслышке знавшему, каковы последствия массовой борьбы между народами, было очень тревожно.

Я же пока не подозревала, какие страшные события неумолимо надвигаются на всех нас, заканчивала гимназию и усердно готовилась к выпускному экзамену.

Фатальные события начала сорок первого года принесли перемены, которые кардинально изменили нашу жизнь и повлияли на нормальное течение жизни многих народов.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. 1941 год

Итак, папа изучал все, что было связано с надвигающимися событиями. Следил за происходящим в Королевстве Югославия, в СССР, в Европе и мире.

Уже в 1938 году папа был обеспокоен событиями в Европе. Он уже тогда предсказал большую войну. Папа знал мощь и трагические последствия войны. Он на своей коже испытал, что война и ее последствия делает как с отдельными людьми, так и с целыми народами. Мой папа пережил восстание и революцию в России, боролся на стороне Белогвардейского движения, прошел тяжкий путь изгнанника и, оказавшись за рубежом, внимательно следил за тем, что происходит в Советском Союзе после Октября,

и имел большой опыт и сознание о том, сколько бед может натворить война.

Я папе верила и стала очень бояться войны, хотя как восемнадцатилетняя девушка никогда не испытала тягот войны и не могла знать, что она несет с собой. Папа был опытен в этих вопросах, и, как оказалось впоследствии, наш страх был оправдан. Папины самые ужасные предсказания полностью сбылись.

Вторая мировая война началась в тот момент, когда мы были на пороге взрослой жизни. Наша беззаботная юность закончилась. Наш выпуск был единственным в своем роде, так как мы не успели сдать выпускных экзаменов. Аттестаты зрелости мы получили на основании текущих оценок.

Уже в апреле 1941 года для нас началась Вторая мировая война. Все изменилось внезапно, и я тосковала по той чудесной жизни, которая уже никогда не вернется. Наша молодость закончилась слишком рано, и мы не знали, что нас ждет впереди. Было, как у Пушкина в поэме «Евгений Онегин», когда Ленский предается размышлениям перед дуэлью:

*Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.*

Я чувствовала, что грядут очень большие перемены. Нами завладели страх и неизвестность, а предсказания моего папы тем временем начали сбываться.

В апреле 1941 года было провозглашено Независимое государство Хорватия (НГХ). В Карловаце все очень обрадовались, что Хорватия наконец-то стала независимой страной. Однако война, как известно, всем приносит лишь страдания и боль, не важно на какой стороне ты оказался.

Началась мобилизация. Наши друзья уходили в армию и на военные курсы. Я поступила на философский факультет Загребского университета и каждый день вместе с подругами из гимназии ездила в Загреб на лекции. Вечеринки и танцевальные вечера

устраивались все реже, а вскоре вообще прекратились. Хотя нам и так было не до развлечений.

Степана Микшича, своего будущего мужа (хотя об этом я тогда даже не догадывалась), я встретила в Карловаце в первый год НГХ. Он уже был хорватский офицер авиации. Когда он приходил с фронта в отпуск, мы снова гуляли по нашему «променаду», пока война не приобрела большой размах. Тогда наши дороги временно разошлись.

Мой папа в начале 1943 года, как и многие русские эмигранты, записался добровольцем в Русский корпус, в составе немецких единиц, и ушел на фронт.

Думается, что ситуация в стране, с одной стороны, стала причиной того, что многие русские мужчины пошли воевать на стороне захватчика. С другой стороны, если вы помните, я писала, что папа эвакуировался с армией генерала Врангеля и прошел так называемое «Галлиполийское сидение». В эмиграции галлиполийцы отличались особой непримиримостью к большевизму.

Еще до начала военных действий в печати и по радио шли открытые выступления против «русов», которые якобы кормились за счет бедного местного населения, занимали места, предназначенные для коренных жителей, особенно это было в Сербии. Русские все больше и больше чувствовали себя нежелательными иностранцами или людьми второго сорта.

Русский корпус был организован в 1941 году после оккупации нацистами Югославии. В то время в Югославии жило много белых офицеров. Летом 1941 года, когда по Югославии прокатилась волна убийств сербскими партизанами русских эмигрантов и их семей, генерал-майор Михаил Федорович Скородумов выступил с инициативой организовать русское военное подразделение для защиты эмигрантского населения. 12 сентября 1941 года он отдал приказ о формировании **Русского охранного корпуса**, получив на это согласие немецкого командования. Скородумов пытался добиться максимальной автономности корпуса от немецкого командования. Приказ о формировании корпуса заканчивался словами: *«С Божьей помощью, при общем единодушии и выполнении наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию»*. Это вызвало конфликт, и уже 14 сентября он был на три

недели арестован немцами. Формирование корпуса, однако, продолжилось под командованием другого русского эмигранта Бориса Александровича Штейфона.

Солдатами и офицерами корпуса были белоэмигранты, придерживавшиеся монархических убеждений и осуждавшие коммунизм и советскую власть. Генерал-майор Скородумов расценивал Германию как временного союзника, ожидая, что немцы будут воевать против Красной армии, а не против гражданского населения. Однако после первых известий о военных преступлениях солдат Вермахта и СС против гражданского населения СССР в корпусе начался рост антигерманских настроений.

В апреле 1945 года во время отступления в Словению корпус понес в боях колоссальные потери, а 12 мая корпус сдался британским войскам на территории Австрии. Советские власти хотели, чтобы британцы выдали им пленных из Русского корпуса, однако британские власти не выдали их, так как большинство служивших в корпусе никогда не были советскими гражданами. Мой папа вступил в Русский охранный корпус в начале 1943 года, когда подразделение занималось охранной деятельностью.

После окончания Второй мировой войны многие русские, служившие в корпусе, эмигрировали в США, Канаду, Бразилию, Аргентину и другие страны.

Тем временем, все больше и больше парней уходили к партизанам, и в Карловаце начались диверсии. Особенно нас напугало нападение на больницу.

В городе не хватало еды. Помню, как во время холодной военной зимы нашей основной едой была мороженая картошка. Мама пекла из этой картошки оладьи, которые нас не могли насытить, но надо было хоть чем-то наполнить желудок, хотя после такой еды часто болел живот. Лекарств в городе тоже не было. Хлеб мы получали по карточкам, и паек постоянно уменьшался.

Партизаны регулярно бомбардировали Карловац. Один такой обстрел, под который я попала на нашем прогулочном бульваре, я пережила чудом. Успела юркнуть в соседний дом и отделалась царапиной на ноге. Все чаще и чаще взлетали в воздух поезда. Если в начале войны я еще могла ездить в Загреб на учебу, то это становилось все труднее и труднее.

Из военного периода в память врезался ужасающий голод. Поэтому так ярко запомнился один эпизод. В Загребе я однажды наелась в семье русского эмигранта полковника Перекрестова, который работал на военном складе и регулярно получал зарплату. Говорили, что его супруга Мери – грузинская княжна. Он ее увез от родителей и женился на ней. У них не было своих детей, и они подкармливали меня, голодную студентку. Мери прекрасно готовила, и я хорошо наелась, а так как мой желудок уже сжался от постоянного голода, то приятное чувство сытости сменилось ужасными спазмами и болями.

Вскоре поезда вообще перестали ходить, и я больше не посещала занятия в университете.

Среди моих друзей было много тех, кто ушел в партизаны. Один из них, Драго Бернардич, потом мне рассказывал, что надеялся встретить меня в каком-нибудь партизанском отряде. Но меня воспитывали в духе совсем другой идеологии, и мы оказались по разные стороны баррикад.

Одноклассник из гимназии Франьо Брезарич, который играл с моей мамой в ансамбле, тоже сразу же ушел к партизанам. Во время войны мне не довелось его повстречать, и только потом я узнала, что он погиб.

Нам было очень тяжело в военные годы, мы едва сводили концы с концами. Папа был на войне, а мама больше не давала уроки игры на пианино, так как людям было не до музыки. Мы с Олей нашли работу, и кое-как зарабатывали на еду себе и маме.

Мне как отличнице дали рекомендацию, и я получила работу переводчицы в отделе снабжения военно-передвижного госпиталя-лазарета. В следующем году Оля закончила Торговый техникум и устроилась на работу в больницу в зубоврачебном кабинете как зубной техник. Моя двоюродная сестра Таня, дочка тети Нины, как и Оля, закончила Торговый техникум и работала на заводе по производству посуды «Мустад».

Муж тети Нины, у которого был маленький молокозавод, разорился, так как с приходом НГХ и введением куны как валюты его динары пропали.

Молодость и упорство помогают преодолевать трудности, и мы, как когда-то и наши родители, научились решать проблемы

и справляться с трудностями. Тем временем война входила в завершающую фазу. Мы были счастливы, что выжили, а приобретенный тяжелый житейский опыт нас закалил и подготовил к неизвестному будущему.

Как известно, в мае 1945 года Германия капитулировала, к власти пришли партизаны, а Хорватия стала федеративной республикой в составе новой Югославии.

Папа вернулся в Карловац. Все беды и невзгоды, которые выпали на его долю: голгофа Гражданской войны в России, эмиграция, жизнь на чужбине, ранняя смерть матери и опять война – сильно подорвали его здоровье. Можно сказать, что война стала его судьбой. В Белую гвардию он вступил из любви к родине – России, в Русский охранный корпус вступил не столько потому, что хотел воевать, сколько потому, что этого ожидали его соратники по Белому движению.

По возвращении его судьба была предreshена. Коммунистическая власть без суда и следствия приговорила моего отца и еще троих русских эмигрантов к смерти за пособничество фашистам. В июле 1945 года четверо русских эмигрантов, трое наших друзей из русской колонии в Карловаце: Федор Фадеев, Евгений Борделиус, Юрий Городецкий – и мой папа Сергей Генрихсен были объявлены врагами народа и расстреляны. Этот приговор я прочитала рядом с тюрьмой, на листе бумаги. Было это сообщение о расстреле четырех русских эмигрантов. Момент, когда я прочитала имя своего отца на этом клочке бумаги, навсегда осел холодной глыбой в моей душе.

Нам не выдали его тело, чтобы похоронить по христианскому обычаю. Мы никогда не узнали, где находится его безымянная могила. Надеялись, что в суверенной Хорватии начнутся раскопки в Шамаце, где в общей могиле партизаны закопали расстрелянных, но этого не произошло.

В то же время расстреляли и других русских эмигрантов: священников, отца Аристотеля, отца Бориса и отца Михаила, которые служили в селах в Кордуне, а в Карловац приезжали по пятницам, когда здесь была ярмарка. Всех троих убили партизаны.

Доктор Бабенко, как и мой отец, воевал в составе Русского охранного корпуса. Вместе с корпусом сдался союзникам в Австрии

и после войны не вернулся в Югославию. В Хорватии остались его жена и дочь, а сын Петя эмигрировал в Америку. Таким образом семья, как и после революции, была трагически разбита.

Закончилась моя жизнь в Карловаце, которую я всегда вспоминаю с весельем и улыбкой. И пусть тот период моей жизни начался с тоски и грусти в семье русских эмигрантов и закончился ужасами Второй мировой войны, я все равно вспоминаю, как беззаботны были мои детство и юность в городе на четырех реках. Карловац и все дивные люди, с которыми меня свела жизнь, мой теплый уютный родительский дом и первый танец навсегда останутся в моем сердце, они навеки связаны с моей малой родиной. Все это живет во мне.

После войны и капитуляции НГХ мама, Оля и я переехали в Загреб. В Карловаце нам после расстрела отца и знакомых оставаться было опасно, и нас в своей скромной квартире на Илице приняла пожилая русская эмигрантка Мария Петровна. Она держала небольшую столовую, а так как в городе был недостаток продуктов, а больше всего недоставало соли, мы с сестрой Олей были счастливы, когда старый русский эмигрант приходил на обед к Марии Петровне. Помню как сейчас, он бы открыл свою волшебную коробочку и угостил нас этим деликатесом. Мы могли немного посолить свою еду, и она приобретала восхитительный вкус. Мария Петровна была мастерица готовить вкусные блюда из тех скудных продуктов, которые удавалось достать, а подсолненные, эти блюда приобретали божественный вкус.

Помню, когда мы уже жили на Савской улице, возле театра были разбросаны мешки с солью. Налетевшая толпа вмиг схватала соль, мне тоже удалось немного собрать и принести домой.

Я снова поступила на философский факультет Загребского университета и встретила там мою подругу из Мариинского Донского института Наташу Нагорную. Она окончила институт, приехала в Загреб и поступила на тот же факультет, что и я. К сожалению, детская дружба уже не могла возобновиться. Помню только, что Наташа жила у хозяйки и очень часто плакала. Все закончилось трагически. Она покончила жизнь самоубийством, открыла газ и отравилась. Я была на ее похоронах.

МОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Мой будущий муж Степан вместе с хорватскими войсками должен был отступать в Блайбург, однако его вовремя предупредили, и он остался, а один из его братьев, который держал лавку в Карловаце, обратился за помощью к одному из партийных начальников и спас брата от верной смерти. Степан отработал свое наказание на принудительных работах в Македонии. Ему, можно сказать, повезло. Перед войной он поступил на медицинский факультет и работал в медпункте.

Наша встреча в Загребе была настоящим чудом. Он увидел меня из трамвая, выскочил и неожиданно вырос передо мной. Было это, как в знаменитом пушкинском стихотворении, которое мы оба очень любили:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твой небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,*

*И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.*

1946 год мы со Степаном встретили в нашей большой компании, а как новогоднее желание оба загадали, что хотим поскорее пожениться. Из дружбы и приязни родилась большая любовь. Мы хотели остаться вместе, пока нас смерть не разлучит. Так и получилось. В апреле, 25 числа, 1946 года мы поженились, а в 1948 году у нас родился сын Борис.

Это был самый чудесный год в моей жизни. Борис был первым мальчиком, который родился в нашей русской семье в эмиграции в Хорватии. Моя мама, сестра и тетя очень радовались, так как ничего не знали о судьбе остальных мужчин, которые остались в России.

До брака у меня, как и у моих родителей, был статус апатрида, человека без гражданства. После того как мы со Степаном поженились, я получила гражданство и теперь могла трудоустроиться, а моя мама мне очень помогла с ребенком. По окончании философского факультета я получила диплом преподавателя русского, немецкого и французского языков.

Несмотря на все беды и невзгоды, которые нам довелось вынести на своих плечах, мы прожили долгую и счастливую жизнь. Но это уже другая история, которую я подробно описала в своей книге на хорватском языке «Мой жизненный путь» (*Moja životna priča*).

МАМА И СЕСТРА РЕШИЛИ УЕХАТЬ ИЗ ХОРВАТИИ

Мое счастье в дружной семье с мужем и ребенком омрачило мамино и Олино решение эмигрировать из Хорватии. В 1950 году власти Югославии поставили условие: либо принимать гражданство, либо уезжать из страны. Мама, помня о событиях в России после прихода к власти большевиков, решила уезжать, а моя сестра не могла ее оставить одну.

Для меня отъезд мамы и сестры был сильным ударом. Мы были очень связаны между собой, и я одновременно потеряла не только маму и сестру, но и двух самых близких друзей.

После их отъезда у меня из семьи осталась только тетя Нина, которая по-прежнему жила в Карловаце. К счастью, родственники моего мужа тоже жили в Карловаце, и я посещала свою тетю, которая мне очень помогла своими советами. Она закончила медицинский факультет в России и практически заменила мне маму. Помогала советами, что касается ребенка, ведь я как молодая мама многого не знала, а ее поддержка и любовь мне много значили.

Помню, что мама мне сообщила об отъезде, когда я лежала в больнице. Я заболела корью, и меня положили в больницу, чтобы я не заразила ребенка. Мама принесла мне мой любимый пирог и рассказывала о семейных новостях. Я догадывалась, что мама и сестра решают уезжать или оставаться, и очень боялась, что они все-таки уедут. Мама пришла ко мне в больницу, чтобы сообщить это ужасное для меня известие. Я так горько плакала, после того что мне сказала мама, что меня выписали из больницы домой к мужу и сыну.

Пока мама с Олей еще жили в Загребе, они водили Бориса купаться на реку Саву, которая тогда еще была пригодна для купания. А когда наши друзья пригласили нас со Степаном к себе в гости на остров Крк, мы оставили Бориса моей маме, которая называла его «Боренька, мое золотко». С папиной сестрой Ниной моя мама были, как близкие подруги. Они вместе водили моего сына на реку Корану, где выросли и мы с сестрой, и дочери тети Нины. До двух лет Борис говорил на русском языке, а после отъезда мамы и Оли у меня не было ни времени, ни сил заниматься с ним русским, о чем я до сих пор жалею. Это была моя большая ошибка.

Мне очень не хватало маминой помощи. Тем более что я заканчивала философский факультет, германистику, русский язык, хорватский язык и литературу, а защитить диплом мне удалось уже после рождения сына. Доверить ребенка я никому не могла, кроме мамы, поэтому после ее отъезда зарабатывала репетиторством, а когда Борис немного подрос, устроилась в среднюю школу преподавать немецкий и французский языки. Сначала на полставки, а потом и на полный рабочий день.

МАМА И СЕСТРА УЕХАЛИ

Гораздо позже, уже в один из приездов в гости к сыну в Америку, в 2011 году я случайно встречу на Флориде Агату Гобац с Малого Лошиня. Мы подружились, и она мне рассказала, как они бежали из Югославии. Ей было всего четыре года, но она хорошо помнит, как ее мама сказала, что не хочет воспитывать детей при коммунистах, поэтому целая семья решила на опасное путешествие в неизвестность. Они в тайне от соседей собирались в дорогу и на маленькой лодке добрались до Италии, где их поместили в лагерь для беженцев. Только через два года им удалось уехать в Америку, сначала в Нью-Йорк, а затем на Флориду, где они устроились и стали успешными бизнесменами.

Ее рассказ мне напомнил о судьбе моей собственной семьи.

Сначала моя мама в страхе вынуждена была бежать от большевистского террора, а потом, после расстрела отца, теперь уже от югославского режима, решила бежать еще дальше от своей любимой России, как только представилась такая возможность. В 1950 году Югославия подняла железный занавес – открыла границы.

После отъезда из Югославии все эмигранты должны были пройти через сборный лагерь Опичина, который находился в Италии, рядом с Триестом. В лагере для эмигрантов моя сестра познакомилась со своим будущим мужем Виктором Имбришей, который окончил строительный факультет в Хорватии. Его отец, хорват, во время Первой мировой войны оказался в русском плену, а потом женился на русской девушке по имени Зоя.

Предполагалось, что эмигранты из лагеря поедут в Америку, но мама, еще будучи в Хорватии, переписывалась со своей лучшей подругой из Смольного института Даной Зиновьевой, которая эмигрировала в Бразилию, в Сан-Паулу. Было решено, что вся семья поедет в Бразилию.

В Бразилии муж моей сестры организовал успешное строительное предприятие, и семья, наконец, могла себе позволить нормальную жизнь в нормальных условиях. У них был большой дом и яхта, на которой все очень любили отдыхать.

Мама и сестра звали нас, чтобы мы переехали жить в Бразилию, но мы не могли уехать. Наша жизнь только-только начала налаживаться, и ехать в неизвестность с маленьким ребенком мы не решились. Кроме того, здоровье моего мужа было сильно подорвано, после войны ему пришлось многое пережить и выстоять. Я боялась, что он не перенесет тяготы переселения, обустройства на новом месте и субтропический климат, поэтому не настаивала на том, чтобы уехать в Бразилию, несмотря на то, что многие, кто поддерживал режим НГХ, как мой муж, опасаясь мести, в страхе за свою жизнь, уезжали из страны. Однако у Степана в Хорватии была большая семья, и было бы эгоистично с моей стороны думать только о себе. Тем более что тогда уже он при помощи своей сестры устроился на работу в министерство лесного хозяйства.

В то время не было интернета, разговаривать по телефону было очень дорого, поэтому я с нетерпением ждала каждого письма из Бразилии, каждой весточки от мамы и сестры. Когда почтальон приносил очередное письмо, меня захлестывали противоречивые чувства. Я горько сожалела, что они не рядом со мной, а одновременно радовалась, что нам в какой-то мере удалось преодолеть огромное расстояние, разделяющее нас. Помню, однажды мой муж на лестнице встретил двух женщин, которые расспрашивали, здесь ли живет Нина Микшич. Он их привел в нашу квартиру, и первое, что они сделали, это меня обняли и расцеловали. Мои мама и сестра попросили это сделать вместо них. Потом они мне передали подарок – ожерелье и браслет из полудрагоценных камней, которые мама и сестра послали мне в подарок. Эти украшения не стоили дорого, но для меня они имели огромную ценность, так как это был подарок от дорогих мне людей, свидетельство их любви и внимания.

На свадьбу моего сына сестра Оля послала открытку с поздравлением и прекрасный букет цветов. Это был ее последний подарок. В 1973 году в Бразилии Оля и ее муж Виктор погибли в автомобильной катастрофе. Поскольку мой муж и сын знали, как на меня подействует это известие, они попытались скрыть это от меня. Несколько месяцев от сестры не было писем, и я начала догадываться, что случилось что-то страшное. Так и оказалось. Однажды во время уборки в стопке белья я нашла два письма, в которых было

написано, что моей сестры больше нет. Не знаю, как мое сердце выдержало такой удар. Я читала письма и никак не могла осознать всю необратимость случившегося, не могла понять, что в письмах пишется, что они погибли в автомобильной катастрофе. Когда сын и муж вернулись домой, по моему выражению лица они сразу поняли, что я все знаю, и только их любовь и поддержка помогли мне пережить эту потерю. Долго еще я никак не могла осознать, что моей любимой сестры в действительности больше нет в живых, что я ее больше никогда не увижу, не обниму и не расскажу, как когда-то, свои секреты. В душе осталась глубокая рана, которая так никогда и не затянулась. Воистину человек рождается один, живет один и умирает один, и лишь любовь и взаимопонимание создают иллюзию, что мы не одиноки. Когда мама и сестра уехали, эта иллюзия исказилась, а когда я узнала о смерти сестры – иллюзия исчезла.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОСКВУ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Я видела много стран, но мне всегда очень хотелось посетить Россию, страну моих родителей и мою историческую родину.

В 1979 году мне представилась возможность посетить тогда еще Советский Союз в составе экскурсии, которую организовало предприятие, на котором работал мой муж. Он знал, что меня эта поездка сильно обрадует, и взял меня с собой.

Во время этого короткого пребывания в России я многое узнала и поняла, почему мои родители так были связаны с Россией, так любили ее и так тосковали по своей родине. Все свое детство, юность и молодость я была свидетелем их ностальгии и видела, насколько глубоко были их страдания, как им не хватало их семьи, друзья и знакомые, эти прекрасные русские люди.

Первым городом в России, который я увидела, была Москва. Зная русский язык, я могла разговаривать с незнакомыми людьми и могла узнать больше, чем мои коллеги из Хорватии.

Знакомство с Москвой мы начали с Красной площади и Московского Кремля, где находятся самые значимые памятники русской культуры. На Красной площади меня поразили Храм Василия Блаженного, а особое восхищение вызвал Успенский собор.

Поражало богатое убранство церквей, впрочем как и другие византийско-восточные особенности русской культуры.

Русское слово для замка или крепости – кремль, а первые укрепленные здания в Киевской Руси стали строиться уже в 11 веке. Однако самый знаменитый из них – именно Московский Кремль, который оставил на меня незабываемое впечатление.

Я не могла надивиться красоте и роскоши храмов и церквей на территории Кремля. Не менее величественны дворцы и мощные стены, которые окружают Кремль. Меня восхитило, что несмотря на то, что русские люди выросли в режиме, который отрицает Бога, иконы играют большую роль в их жизни.

Русские эмигранты во время революции, в своем скудном багаже, привезли с собой иконы, которые представляли для них духовную ценность и связь с родиной и церковью. Часто это была единственная ценность, которую как благословение Руси, беженцы несли с собой в неизвестность. Две такие иконы в серебряном окладе, бережно закутанные в наволочку, привезла с собой из России и моя тетя Нина. Глубокая религиозность моих родителей объясняется и тем, что они родились и выросли в среде, которая культивировала христианский образ жизни и была центром распространения веры, как, например, Киев, в котором родились и выросли папа и тетя Нина. Несмотря на то, что предки отца были лютеранами, по приезду в Россию они приняли исконно русскую православную веру и передали ее следующим поколениям.

Во время нашего пребывания в Москве мы видели много монументальных зданий, но меня особенно впечатлило огромное здание Государственного университета, который носит имя Михаила Васильевича Ломоносова. Стоя перед этим величественным храмом науки, человек ощущает, насколько он мал и незначителен.

Мы посетили и храм русского искусства – Большой театр, гордость страны и ее культуры. Восхитили нас богатство и роскошь Третьяковской галереи и другие знаменитые памятники искусства. По сравнению с этой роскошью быт обычных людей меня поразил и расстроил. В магазинах было очень мало продуктов, кафе и ресторанов тоже было очень мало, люди были очень плохо одеты. Но, несмотря на угрюмые и мрачные картины советской

действительности, я видела чудесных людей, которые научились даже в таких условиях жить и радоваться.

После Москвы мы отправились в Санкт-Петербург (тогда еще Ленинград). Я с замиранием сердца ждала встречи с городом, в котором моя мама Александра фон Радецкая родилась, жила и училась в Смольном институте, вплоть до начала революции, откуда уехала в эмиграцию и оказалась в Хорватии.

Прекрасный город на Неве, «северная Венеция», как его называют, шедевр русской архитектуры покорила меня с первого взгляда. Невский проспект на левом берегу Невы, расположенные вдоль набережной многочисленные дворцы и торговые центры. Между Невой и Невским проспектом расположилось много знаменитых зданий: храм Спас-на-Крови, Михайловский замок, в котором находится Русский музей, Летний сад, Таврический дворец, Смольный институт и Смольный монастырь.

На Сенатской площади мы увидели один из самых узнаваемых символов Петербурга – Медный всадник, памятник Петру Великому. Здесь, у подножия памятника, я декламировала пушкинские строки из «Медного всадника».

В Петербурге мы со Степаном были летом, когда этот волшебный город до глубокой ночи был освещен тусклым дневным светом, известным как феномен «Белых ночей». Когда мы по вечерам долго гуляли по набережной Невы, я думала о том, что по этому проспекту когда-то ходила моя мама и члены моей семьи, которых я никогда не увидела и не узнала. Я могла представить себе маму, тогда еще совсем молодую девушку, как она чинно прохаживается здесь со своей гувернанткой.

Этот прекрасный город с монументальными зданиями и величественными мостами на Неве глубоко врезался в мою память.

К моему большому сожалению, поездка не предполагала посещение Киева. И хотя в Киеве я так и не побывала, я много читала об этом городе, о котором мне много рассказывали папа и тетя Нина. Они всегда с грустью вспоминали о прогулках вдоль Днепра и о своем чудесном удобном доме недалеко от Городского театра.

Из рассказов моего отца и тети Нины я запомнила, что в Киеве, городе, который с начала пятого века являлся важным торговым

центром славян, очень много исторических достопримечательностей и что этот город буквально утопает в зелени. Здесь есть два ботанических сада и огромное количество парков и скверов. Вспомнила я, как папа и тетя Нина с восхищением рассказывали о столетних каштанах и прогулках вдоль берегов могучего Днепра. Каштаны – это символ Киева. Говорят, что летом вы можете прогуляться с одного конца города на другой в тени киевских каштанов, а я представляла, как вдоль каштановой аллеи неспешно прогуливаются мой папа, его брат Ника и сестра Нина.

Мои мама и папа, тетя, а также другие русские эмигранты из моего окружения всегда рассказывали о истории и культуре моей исторической родины. С этой удивительной и богатой культурой я познакомилась и как ученица Мариинского Донского института в Белой Церкви. Мои родители считали себя русскими. Отец, хоть и родился в Киеве, не говорил на украинском языке и считал Украину неотъемлемой частью Российской империи.

Мой папа был большим патриотом и, как и моя мама, глубоко верующим человеком. Получив уже в юности военное образование, он как кадровый офицер царской армии посвятил себя защите царя и отечества.

Познакомившись с историей России, которую он так любил, я начала понимать его глубокую искреннюю любовь к стране и городу Киеву, в котором он воспитывался, городе, который сильно повлиял на его патриотизм, который ему прививали с детства. Со всем жаром своего молодого сердца он любил Россию, любил свой родной город Киев.

Мой отец был очень молод, когда уже в начале Октябрьской революции как офицер Белогвардейского движения под командованием генерала Врангеля участвовал в боях в надежде защитить от ужасов большевизма царскую Россию и свой Киев. После отступления и эвакуации, в изгнании, как русский эмигрант очень тяжело выносил жизнь на чужбине и так и не смог до конца помириться с реальностью и приспособиться к новым условиям. Всю оставшуюся жизнь он тосковал по своей России.

Его жизнь была недолгой и трагической. После страшной Голгофы революции и разрушенных надежд во Второй мировой войне он был заключен в тюрьму, а затем убит.

Путешествуя по России, я все время вспоминала своих родителей, и мне хотелось как можно больше познакомиться со страной моих предков. Поездка в Киев так и осталась несбывшимся желанием, но я рада, что мы побывали в Петербурге и Москве.

Здесь все напоминало мне о моих родителях и моей семье. Я остро ощущала связь со своими корнями, гордость за то, что мои предки участвовали в строительстве и жизни удивительного города Петербурга.

Наряду со всеми достопримечательностями, которые я видела в Москве и Петербурге, я помню тот момент, когда я наконец-то увидела Смольный институт, стояла перед зданием, о котором мне так много рассказывала мама, которое она под старость видела в своих снах, видела в них дни своей чудесной молодости в России. Под влиянием эмоций и воспоминаний о маме на глаза мне навернулись слезы, и я расплакалась, вспоминая мамины рассказы и ее тоску по дням беззаботной юности.

На память об этой поездке я в своем саду посадила березку, которая является символом России и которая напоминает мне о родине моих родителей.

У мамы в Бразилии

После моего выхода на пенсию мы с мужем решились на путешествие через океан. В Бразилию.

Я давно хотела посетить маму, особенно после смерти сестры. Ведь маме в момент ее гибели было уже за семьдесят, и хотя дети Оли уже были подростками, все равно им нужны была помощь и забота. Тем более что они находились в той же машине, в которой ехали вместе с родителями, были свидетелями их смерти и получили тяжелую психологическую травму. Если бы я сразу узнала о смерти сестры, я бы наверняка поехала в Бразилию, чтобы помочь маме, но, так как от меня это долгое время скрывали, ехать уже было поздно.

С другой стороны, я не могла много помочь маме, так как еще работала в школе, а на каникулах ездила в Америку, к сыну и его семье, помочь Борису и его жене Ольге справиться с двумя с

малышами. В Бразилии же жили и родители Виктора, которых он привез туда из Хорватии, и они все вместе сумели вырастить и поставить на ноги детей Оли и Виктора.

Возможность увидеться с мамой и племянниками представилась в 1987 году. Мы узнали, что судно «Кралевица» отправляется из Риэки в Бразилию за грузом кофе и порт назначения именно Сан-Паулу.

На судне несколько кабин было оборудовано для пассажиров, и мы оплатили путешествие в одной из таких кабин.

Тем не менее, путешествие на грузовом судне – это не то же самое, что путешествие на круизном корабле. Предполагалось, что судно выйдет из Риэки в конце 1986 года, но из-за погодных условий мы отчалили только в начале 1987.

С нетерпением я ждала дня, когда наконец «Кралевица» отправится в путь и я, наконец, после 36 лет разлуки увижу маму. Я знала, что в Бразилии моя нестигаемая мама продолжила заниматься музыкой. Она играла на пианино, пела, дирижировала церковным хором в русской церкви в Сан-Паулу и даже сочиняла музыку. Муж сестры нашел применение своему образованию строителя, вскоре стал успешным бизнесменом и основал свое предприятие, которое занималось малоэтажным строительством.

Как я уже писала, у Вити и Оли родились двое детей: моя тезка дочь Нина и сын Миша. Оля занималась детьми, а ее муж Виктор, благодаря своему знанию, упорству и трудолюбию, стал успешным бизнесменом.

Позже многие эмигранты получили возможность уехать в Америку, но у Виктора было хорошо отлаженное предприятие, большой дом, вилла на берегу океана в Сантусе, яхта, в Бразилию приехали и его родители, так что они решили остаться в Сан-Паулу.

Думая о предстоящей встрече с мамой, я ощущала острую боль от самого сознания, что не увижу свою любимую сестру и душевную подругу. Сознание, что я путешествую в страну, которая у меня отняла Олю, переполняло меня тоской и жалостью.

«Кралевица» стала на рейд в порту города Сантуса, так как в Сан-Паулу большие суда не могут войти в порт. В Сантусе нас встретила моя племянница Нина, дочка моей сестры, которую все домашние звали Манюсей.

Интересно, что муж Манюси Аркадий Зиновьев тоже сын русских эмигрантов. Его родители эмигрировали в Австралию по так называемому «китайскому пути» и обосновались в Сиднее, который также был прибежищем многих русских беженцев. Аркадий закончил факультет в Оксфорде и приехал работать в Бразилию. Манюся и Аркадий до смерти моей мамы в 1989 году с дочкой Наташей жили в Сан-Паулу, а после уехали в Австралию к родителям Аркадия.

Моя мама во время моего приезда жила с внуком, сыном покойной сестры Мишей. Встречу с мамой после стольких лет разлуки невозможно описать словами. К сожалению, наша встреча и радость от того, что мы наконец вместе, омрачилась болью утраты и тоской по сестре.

После смерти сестры и ее мужа мама заботилась о ее детях, своих внуках, и пыталась как могла заменить им родителей. Ее любовь и забота помогли им перенести горечь утраты.

Нет слов, чтобы описать момент, когда я наконец смогла обнять своих племянников. И тот эпизод, когда Миша увидел на моем лице синяки от удара машиной (во время прогулки в порту Аргентины меня ударил автомобиль) и сказал «Тетя, Нина, берегите себя...» Думаю, что это ему напомнило автомобильную катастрофу, в которой погибли родители, и он побоялся, что то же самое может случиться и со мной.

Питательная еда, которую приготовила моя мать, помогла мне полностью выздороветь после автомобильной аварии. В Бразилии много вкусной рыбы, которую я покупала в большом рыбном магазине Сан-Паулу. В городе нам особенно понравились ананасы, бананы и многие другие фруктовые деревья, которые дают урожай два раза в год. С восторгом я наблюдала пышность природы, которая окружает этот большой красивый город, а особенно я запомнила попугаев на развесистых ветвях высоких деревьев, которые запросто болтают с прохожими.

Мама мне рассказывала, что в Бразилии всегда тепло, и, смеясь, показала легкую кофточку, которую надевала в редких случаях, если немного похолодает.

Мне понравилось, что кухня в маминой квартире была больше похожа на открытую лоджию, где всегда было много воздуха,

которым разносились упоительные запахи. Здесь мы с мамой готовили еду для целой семьи.

Сестра мне периодически посылала фотографии, но теперь я могла посмотреть их семейный альбом. Город Сантус, в котором стояло наше судно, был любимым курортом жителей Бразилии, с роскошными апартаментами и виллами. Мне рассказали, что моя сестра с мужем и детьми любила здесь отдыхать. С фотографий на меня смотрели счастливые лица Оли, Вити, Манюси и Миши. У них была яхта, на которой они любили бороздить просторы Атлантического океана. К сожалению, и погибли они по дороге к своему любимому месту отдыха.

Наш визит подошел к концу, так как нужно было возвращаться с другим судном, которое с грузом кофе возвращалось в Хорватию.

Тогда я в последний раз обняла маму. Через два года она умерла. Нина с Аркадием и Наташей после ее смерти уехали в Австралию, а с Мишей мы потеряли связь, и я ничего не знаю о его дальнейшей судьбе.

В Хорватии у меня оставались двоюродные сестры Инночка и Таня. Я часто приезжала к ним в гости в Карловац, а они навещали меня в Загребе. Инночка по воскресеньям, когда я готовила обед и убиралась, чтобы мне немного помочь, брала Бореньку и отводила в зоопарк. Двоюродные сестры покупали ему конфеты и другие сладости, ведь после войны этого всего еще было очень мало.

Так получилось, что ни Инночка, ни Таня не вышли замуж, и у них не было своих детей. Инночку, которая закончила восьмилетку и устроилась на работу в банк, очень ценили на работе. У нее был покладистый характер, она всегда улыбалась и была в хорошем настроении. Таня после окончания Торговой академии устроилась на завод по производству посуды и проработала там до выхода на пенсию.

Инночке уже в молодом возрасте поставили диагноз стенокардия, наверняка сказалась тяжелая болезнь во время эвакуации. Она умерла в 74 года. Таня дожила до 92 лет, а я ей всегда старалась помогать и устроила ее в дом престарелых.

На православном кладбище Дубовац похоронены бабушка Евгения Золотницкая, тетя Нина Марацкевич, Инночка и Таня Поповы. Их папа дядя Дима Попов похоронен в Делнице, моя мама

похоронена в Сан-Паулу в Бразилии, а могила папы осталась неизвестной.

Моя племянница Нина вместе с мужем, также внуком русских эмигрантов, Аркадием Зиновьевым и дочкой Наташей уехали к родителям Аркадия в Австралию. Борис посетил двоюродную сестру в Австралии, и она даже собиралась приехать ко мне в Хорватию, но так и не приехала, так как очень боялась лететь самолетом. Мануся мне писала, что Миша остался в Бразилии и после смерти мамы женился, но постепенно они перестали поддерживать связь. Манусина дочка Наташа тоже вышла замуж за русского инженера и живет в Сиднее. Так что русские корни в семье Генрихсен сохраняются и приумножаются.

Мой сын Борис – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ МОЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

После рождения Бориса незамужняя сестра Степана Марица отдала нам маленькую комнатку в своей квартире на загребской Трешневке. Это было послевоенное время дефицита, и продолжалось оно довольно долго. Но наша маленькая семья была неприязнительна, и мы преодолевали все трудности. И хотя мы реально осознавали и оценивали сложившуюся ситуацию, мы усердно трудились и радовались, как хорошо развивается наш ребенок. Мы воспитывали сына в согласии, с большой любовью, а он отвечал нам взаимностью, и мы были счастливы.

Как утверждал великий философ Эрих Фромм, «**Счастье** — это не какой-то **божий дар**, а достижение, какого человек добивается своей внутренней плодотворностью».

Наш сын Борис рос милым и веселым ребенком, всегда улыбался, был подвижным и любознательным, любил резвиться, и у него всегда было хорошее настроение. Когда он начал ходить самостоятельно, я водила его на лужайку, расположенную по соседству, где он с удовольствием играл со своими сверстниками. Но, даже когда он оставался один, ему никогда не было скучно. Он всегда мог найти себе занятие. Всегда был очень пытливым ребенком, полным энтузиазма, и всегда задавал много вопросов.

Впоследствии, уже учась в начальной школе, он был настойчив в достижении отличных результатов. В гимназии искренне радовался каждой пятерке, заработанной своим трудом, а в институте на отлично сдавал все экзамены.

Во времена его детства мы жили скромно, но старались сделать все возможное, чтобы он этого не замечал, старались, чтобы его детство было счастливым и беззаботным. Летом мы купались в загребской реке Саве или гуляли в прекрасном парке Максимир. Зимой Борис любил кататься на санках на горе Цмрок, а когда уже подрос, мы ездили на загребскую гору Слеме, откуда можно было спускаться на лыжах. Таким образом наш сын с раннего детства полюбил природу и спорт.

Мне очень не хватало мамы и сестры, которые бы мне могли помочь с ребенком, а я бы могла выйти на работу. Я посвятила себя воспитанию сына, но и вносила свою лепту в семейный бюджет – давала частные уроки.

Нам стало легче в плане финансов, когда я устроилась на работу на полставки. Мы с мужем не хотели отдавать в чужие руки такого маленького ребенка и воспитывали его сами. Естественно, Степан должен был работать, чтобы прокормить семью, и воспитанием Бориса в основном занималась я, пока он не подрос и я смогла трудоустроиться на полный рабочий день. Я начала преподавать немецкий и русский языки в Стоматологическом техникуме и до выхода на пенсию преподавала в медицинских училищах.

Я была счастлива, когда получила работу, потому что теперь, с двумя зарплатами, мы могли осуществить свою мечту – приобрести собственную квартиру и отдыхать на море.

Наше хорватское Адриатическое море мы полюбили с первых же мгновений, когда нам представилась возможность отдохнуть на побережье. С новыми финансовыми возможностями мы могли доставить ребенку радость и удовольствие хоть и скромно, но побывать на море.

Наверное, нет ребенка, который не любил бы эти радости, но Борис был особенный, он буквально с первого момента влюбился в море и лодки. Забегая вперед, скажу, что эту любовь он пронес через всю жизнь и сейчас, уже будучи солидным бизнесменом и живя в Америке, любит отдыхать на своей яхте на Адриатике.

Мы были одними из первых туристов, которые приехали на остров Лошинь в середине 1950-х годов. Борис был в восторге, когда впервые увидел корабль. Он на некоторое время буквально застыл от удивления и молча с неверием наблюдал за ним, а затем крикам радости и удивлению не было конца. Это произвело на него глубокое впечатление. Он был в восторге, когда впервые увидел локомотив на железнодорожном вокзале, но первый пароход для него было нечто особенное. Он не мог налюбоваться на корабль и буквально дрожал от счастья у меня на руках, когда наблюдал за ним.

На остров Лошинь мы попали, можно сказать, случайно, так как крестная Бориса Ивка Сауха и моя двоюродная сестра Таня рассказывали, что там очень красиво. Город Мали-Лошинь был известен не только как курорт, но и как центр судоремонта и судостроения, а также славился своими моряками и своими лечебницами, специализировавшимися на болезнях дыхательных путей и туберкулезе костей. Ароматный воздух этого острова уже давно известен как полезный и лечебный.

Пока мы отдыхали на Лошине, Борис наслаждался поездками на близлежащий малонаселенный остров Уние на катере, который несколько раз в неделю возил туда питьевую воду.

Моего мальчика с детства привлекали все виды морских судов, поэтому он вертелся возле капитана, пока тот его не заметил. Капитану понравилось, насколько мой сын любит корабли, и, с моего разрешения, он каждый раз брал его с собой на остров. Счастью ребенка не было конца, а особенно ему нравилась маленькая шлюпка, которая была на борту катера. Борис даже пытался помочь капитану справляться со штурвалом, навигацией или во время швартовки.

На обратном пути я всегда ждала его на пристани, и он горячо и взволнованно рассказывал о своем большом друге капитане Нацию, о всем, что происходило на борту во время плавания и обо всех морских историях, которые услышал от бывалых моряков о тех временах, когда они бороздили морские просторы на больших кораблях. Все это его восхищало и привлекало.

Капитан порта в Малом Лошине тоже обратил внимание на то, что Борис, которому тогда было одиннадцать лет, влюблен в

корабли и морскую романтику. Он повел Бориса на верфь, чтобы тот своими глазами увидел, как строятся корабли, и рассказал подробно о каждом из них.

Когда они вернулись, капитан мне сказал: «Вы даже не представляете, насколько ваш сын любит море!»

В то время мы еще жили в маленькой комнате на загребской Трешневке у сестры Степана, и Лошинь стал для нас летним убежищем от городской суеты и прекрасным местом отдыха от работы.

Хотя нам было трудно, для нас троих это был жизненный урок, который укрепил и научил нас преодолевать невзгоды. Несмотря на тесноту, мы были счастливы на нашей Трешневке, а Борис до сих пор говорит, что у него было прекрасное детство. Мы, родители, стремились устроить жизнь ребенка как можно удобнее. Борис много общался с родственниками, у него было много школьных друзей и отличные учителя.

Под защитой нашей родительской любви, в общении с друзьями и в занятиях спортом проводил Борис свое счастливое детство, которое он с радостью вспоминает.

Мы со Степаном очень переживали, как на развитие нашего ребенка повлияют тесные жилищные условия, но мы, с помощью нашего молодого оптимизма и бодрости духа, преодолели все трудности, так что наш сын практически их не почувствовал.

Возможно мы и не научились бы мужеству и терпению, если бы нам не пришлось преодолевать жизненные трудности, вызванные нехваткой средств, в борьбе за лучшие условия и за счастливую жизнь нашей маленькой семьи.

Такая школа жизни закаляет людей, дает им силу в достижении счастливой жизни, когда каждый небольшой успех доставляет большую радость. Если бы мы не пережили тяжелые моменты, мы бы не смогли по достоинству оценить мгновения радости, которые нас окрыляют и вдохновляют, придают силы, укрепляют веру и всегда ведут нас вперед. Без надежды, твердой веры и оптимизма нет счастливой и полноценной жизни.

Со временем мы переехали в свою квартиру. Борьба за квартиру была тяжелая и мучительная, но это был настоящий жизненный урок, который научил нас терпению, скромности и вере в свои силы.

В течение года мы с мужем работали, Борис учился и занимался спортом. И хотя наша жизнь был наполнена интенсивной работой, мы находили время для семейной и общественной жизни. Так проходили дни за днями, и драгоценные моменты с молниеносной скоростью канули безвозвратно. В прошлом остались дни, которые нельзя вернуть или удержать, которые так мимолетны. От прекрасной жизни остаются только чудесные воспоминания, и по мере того как вы идете вперед, все это становится прошлым, лишь тем, что когда-то было и что больше никогда не повторится. Счастливые моменты жизни ты не можешь задержать – они длятся мгновение по сравнению с вечностью.

Дни за днями проходят быстро, и только когда они пройдут, человек тоскует по ним и осознает скоротечность нашей жизни на этой планете. Пока они длятся, вы не осознаете, как необратимо уходит все прекрасное, и лишь когда оглянешься, осознаешь недолговечность своего собственного существования на этой земле и понимаешь, как драгоценны были эти дни. Пока ты молод и пока тебя окружают счастливые лица твоих родных и друзей, у тебя нет времени и желания задумываться о таких вещах. Ты просто живешь и смело шагаешь вперед в полной уверенности, что все лучшее тебя ожидает впереди. Пока наша маленькая семья была вместе, наша жизнь действительно была радостная и содержательная и мы были по-настоящему счастливы.

Мы со Степаном старались сделать детство Бориса максимально беззаботным, но вместе с тем мы воспитывали его в духе трудолюбия и творческого начала и отдали на обучение в лучшие школы Загреба. На протяжении всех периодов обучения мой сын был отличным учеником. Подобно тому как в детстве он все начатые игры доводил до конца, так же и в школьные годы он старался последовательно и ответственно выполнять задачи, которые были перед ним поставлены.

Летние школьные каникулы он проводил на море, а во время зимних любил заниматься спортом. Борис с ранних лет проявлял исключительную склонность к спорту. Теннисом он начал заниматься еще до школы и в шесть лет играл в Академическом теннисном клубе для детей. Его тренер мне однажды сказал:

«Ваш сын может с ракеткой в руках объехать весь мир». Еще в начальной школе Борис выступал на соревнованиях и достиг значительных успехов, а позже выступал в составе сборной V Гимназии.

Он очень рано начал кататься на лыжах, полюбил этот спорт и часто выступал на соревнованиях в начальной школе. Добился отличных результатов на лыжных соревнованиях, получил многочисленные награды и дипломы.

Спорт, которым он занимался с детства, повлиял на его успешное развитие, а путешествия, которые мы все трое очень любили, расширили его горизонты. Тем не менее, школа всегда была для него на первом месте, особенно хорошо ему давалась математика, которую преподавала замечательный педагог. Когда мы наконец с Трешневки переехали в собственную квартиру в центре города на Крайшковой улице, мы отдали Бориса в престижную V Гимназию, где был очень сильный преподавательский состав. Вскоре наш сын стал одним из лучших учеников гимназии.

В гимназии Борис писал стихи, а когда читал их в классе, ученики аплодировали ему стоя. Преподавательница хорватского языка заметила его писательский талант, но я ее попросила не поощрять его в этом, так как при тогдашнем режиме писать то, что ты думаешь, было невозможно, поэтому нет смысла тратить на это время. Кроме того, его многое интересовало, во всем, чем бы он ни занялся, его всегда ждал успех. И все же писательский талант у него остался и позже в жизни пригодился.

В дополнение к школе и спорту Борис успешно занимался и другими видами деятельности. Со своим фильмом он представлял V Гимназию на фестивале и выиграл приз – поездку в Италию, на озеро Комо. Кроме того, Борис был старостой класса, основателем школьной фотосекции, лауреатом премии кинофестиваля в городе Пуле и членом теннисной команды V Гимназии.

Как и предсказывал директор гимназии, с такой успеваемостью и приобретенными в гимназии отличными знаниями Борис легко поступил на факультет машиностроения и судостроения Загребского университета, был в первой десятке абитуриентов. Там он получил прекрасное высшее образование.

Отец предлагал ему пойти на медицинский и стать врачом, но Борис не мог видеть кровь. Он выбрал машиностроение, и это был удачный выбор, хотя мы были убеждены, что он сможет постигнуть успех в любой области, которую для себя выберет.

В школе он всегда был внимателен на занятиях и активен в школьных кружках. Был общительным, коммуникативным и всегда полон идей. Он действительно наслаждался общением с детьми, позже со своими одноклассниками в школе и сокурсниками в университете, где как отличный студент стал демонстратором на кафедре математики. Борис любил работать в качестве демонстратора математики и других предметов. Помогал другим студентам, а также давал частные уроки гимназистам.

Он мог бы остаться работать в университете ассистентом, но мы хорошо знали, что для молодых образованных людей перспектив на родине практически нет, особенно трудно в те времена было получить квартиру. Поэтому мы поддерживали его решение уехать из Югославии, хотя и понимали, что расставание с ним будет для нас очень болезненным.

Он думал сначала поехать в Германию, а также получил предложение работать в Южной Америке, в Бразилии, где муж моей сестры Оли имел успешное строительное предприятие, но Бориса привлекали и Соединенные Штаты Америки.

Ничто в этом мире не вечно, и даже жизнь нашей маленькой семьи, которая долгое время была нам опорой и источником радости.

После детства на Трешневке, школьных дней, студенческой жизни и диплома в университете, Борис женился, а затем уехал попытать счастья в неизведанном мире. Но даже там, пока жил и успешно работал в далекой Америке, никогда не забывал свой дом, детство в Загребе, любимую Хорватию и прекрасную Адриатику.

Это было трудное время для Бориса, время расставания с родной. После беззаботного детства и насыщенной событиями молодости в Хорватии, в тепле родительского дома, полного любви и заботы, в окружении родственников: дядей, двоюродных братьев и сестер многочисленной семьи Микшич, в обществе задушевных друзей, требовались силы, чтобы оставить все это позади и отправиться в неизвестное.

После Хорватской весны 1971 года, активным участником которой был и мой сын Борис, он, как и многие, понял, что лучшее будущее он должен искать в другом месте. В 1974 году как инженер-механик он уезжает в Северную Америку.

1971 год мы помним как год, который вселил надежду в сердца студентов и патриотов, веру в скорую свободу Хорватии. Однако последовало глубокое разочарование для молодежи, студентов и истинных патриотов, когда на главной площади Загреба милиция начала избивать молодежь. Демонстрантов разогнали, многие были арестованы и брошены в тюрьмы, а студенческое движение было подавлено. Последствия слома Хорватской весны ощущались еще долго.

Организаторы Хорватской весны дали надежду и веру молодежи и даже нам, старшему поколению. Это дало толчок демонстрациям, но хорватское руководство предало и обмануло молодежь, которая им доверяла и хотела создать свой собственный дом в Хорватии. Не только студенты, но и мы, старшее поколение, хотели верить, что всем нам в Хорватии будет лучше. Однако Хорватская весна была задушена. Ее вожди Савка Дабчевич-Кучар и Мико Трипало извинились перед Тито и Центральным комитетом партии Югославии, и все осталось по-старому. Многие в Хорватии были обмануты и разочарованы. Естественно, молодые люди начали массово уезжать из страны. И наш сын был глубоко разочарован, поэтому поражение Хорватской весны стало дополнительным стимулом покинуть свою родину Хорватию вместе с женой.

В начале семидесятых годов прошлого века молодые специалисты уезжали в основном в европейские страны и в США, так как там они были востребованы. Молодые, образованные, талантливые специалисты приезжали туда в основном из Европы. В результате так называемая утечка мозгов привела к огромной конкуренции высокообразованных специалистов.

Мой сын Борис, инженер с отличными знаниями и рекомендациями высококвалифицированных преподавателей, получил предложение от господина Сингера из США и получил работу на химическом заводе. И, хотя химия на факультете машиностроения не являлась основным предметом, глубокие знания из

естественных наук из гимназии и университета очень пригодились ему в начале карьеры инженера за рубежом.

По прибытии в Сент-Пол, столицу штата Миннесота, мой сын сразу же начал работать инженером, а параллельно занялся повышением квалификации на электрохимическом факультете исследовательского Университета Святого Томаса, изучал химию и менеджмент.

В те годы на Западе было благоприятное время для продвижения бизнеса, были созданы все условия и возможности для карьерного роста и совершенствования, в то время как на родине пробиться и достичь чего-либо было очень трудно. Но отъезд в чужую страну требовал от молодых, способных и амбициозных специалистов много мужества, решимости и отказ от привычной жизни. Покидая свой дом и свою страну Хорватию, молодые люди хорошо понимали, что в Америке, как говорится, «бесплатных завтраков не бывает», все должно быть заработано своим трудом. Нужно было приложить много усилий, много и тяжело трудиться, чтобы выжить в чужой стране.

В своей биографии «Американская мечта парня с Трешневки» Борис написал: «Нужно было пролить много слез, крови и пота, чтобы выдержать огромную конкуренцию молодых специалистов со всего мира, которые съехались в Америку в надежде заработать на хлеб насущный». Как и другие, он должен был в условиях жесткой конкуренции много работать, чтобы создать условия для жизни своей семьи. Нужно было доказывать каждый день, чего ты стоишь.

Нам со Степаном было очень тяжело, когда Борис уехал так далеко. На другой конец света уехал наш единственный ребенок, который со дня своего рождения был центром нашей маленькой Вселенной. В один момент наша жизнь больше не была прежней.

Наш сын Борис уехал с женой в неизвестный мир, в далекую страну за американской мечтой, но с ностальгией по своей родине. У молодого инженера с отличным образованием был шанс, благодаря приобретенным знаниям, энергии и энтузиазму, включиться в борьбу за создание материальной базы, но и осуществление своей мечты на американской земле. Однако потребовалось много сил, мужества и упорной работы.

Мы со Степаном были большой поддержкой друг другу, вдвоем было легче переносить разлуку с сыном. Конечно, я всем сердцем стремилась как можно скорее увидеть Бориса и его семью, обнять их и помочь, насколько это было в моих силах. Поэтому я была счастлива, когда в июне 1974 года мне удалось поехать в Америку. Когда Борис в марте 1974 года уезжал, я пообещал ему: «Мы еще увидимся этим летом». Так и получилось, хотя директор школы, в которой я тогда работала, не очень охотно подписал заявление на отпуск, так как у преподавателей и в летний период, когда нет занятий, в школе хватает обязанностей. Вскоре самолет югославских авиалиний уносил меня к моему дорогому сыну и его жене в город Сент-Пол в Миннесоту.

Я почувствовала большое облегчение, когда своими глазами увидела, где и как он устроился. Радость и покой овладели моим сердцем. Хотя я понимала, что теперь мы со Степаном будем одни жить в Загребе, мне стало легче, потому что теперь я знала, в каком окружении будет жить наш сын. Я верила в его способности, и я знала, что в этой прекрасной стране он преуспеет в своих начинаниях, сможет упорным трудом и знаниями создать фундамент для профессионального роста и благополучия своей семьи. Меня обрадовало, что он был хорошо принят в коллективе, сразу завел новых друзей и сошелся с коллегами, которые отдали должное его профессиональным качествам и человеческим достоинствам, что особенно важно. Я была рада, что он вошел как в профессиональные круги, так и в круги хорватских эмигрантов.

Незаметно подошел конец моему пребыванию в Америке. Надо было возвращаться на работу. Прощание было тем тяжелее, что со дня на день на свет должен был появиться их первенец. Невестка Ольга уже приготовила вещи для роддома, а мне из-за начала занятий не довелось тогда увидеть внучку. Но делать нечего, надо возвращаться. Борису тоже было очень тяжело, что мы не можем остаться еще немного, наш отъезд усилил ностальгию и тоску по родному дому.

Прошло не так много времени, мы со Степаном вышли на пенсию и теперь уже могли проводить больше времени с сыном и его семьей, которая выросла до четырех человек, вслед за внучкой в 1977 году родился и внук.

Борис осуществил свою детскую мечту и купил небольшую яхту, на которой мы провели много времени и увидели множество прекрасных мест.

Затем на Флориде Борис купил и отремонтировал дом, который превратил в настоящую маленькую виллу, рядом с которой в гавани покачивалась на волнах его яхта «Сага». На Флориде мы отпраздновали большое достижение Бориса – награду, которую он получил в Новом Орлеане.

Я хорошо помню, как мы со Степаном гордились нашим сыном, когда престижный американский институт НАСЕ наградил его за большой вклад в развитие химической промышленности: изобретение органического ингибитора коррозии и создание биоразлагаемого пластика. Мы приехали в Новый Орлеан, чтобы присутствовать на церемонии вручения Борису этой важной награды. Приехало и загребское телевидение, и другие хорватские СМИ, а также хорватские офицеры, друзья и консул. Все гордились научными достижениями нашего сына и хотели присутствовать на этом торжестве.

Война

Хорватская весна 1971 года вселила хорватам надежду на возможность создания собственного государства, но эти ожидания, к сожалению, тогда не оправдались.

Однако это не погасило надежду, не остановило дальнейшую борьбу и стремление к отделению и созданию суверенного хорватского государства, что было возможно лишь после выхода из состава Югославии. К сожалению, нам не удалось отделиться мирным путем. В 1990 году был провозглашен выход из Югославии, а многие европейские и другие государства признали нашу молодую республику. Меж тем, югославская армия пошла в наступление на нас, безоружных.

Борис с первых дней противостояния оказывал всестороннюю поддержку и помощь Хорватии, от начала войны за независимость в 1991 году вплоть до ее окончания в 1995. Мы с мужем тоже помогали как могли.

Уже в самом начале Борис связался с президентом Туджманом и поддержал его действия. Он хотел вернуться в Хорватию и принять участие в защите страны, но президент считал, что лучше, если он останется в США и поможет защите Хорватии, если правду о гражданской войне на родине будет распространять из Америки, Миннесоты, государства, в котором он живет. Борис приложил к этому максимум усилий и много сделал для блага Хорватии, за что президент Туджман назначил его почетным консулом. Борис организовал отправку гуманитарной помощи и заручился поддержкой Национальной гвардии Миннесоты.

Хорватское почетное консульство много лет работало на благо Хорватии. Борис также основал Партнерство во имя мира, а на его заводе Кортек в штате Висконсин и в консульстве мы проводили встречи и митинги для хорватской диаспоры с участием американских генералов, офицеров, бизнесменов и политиков из Хорватии. Все это сопровождалось политическими митингами и вечерами культуры с участием наших хорватских артистов.

Наши эмигранты сообща помогали своей родине во время гражданской войны, и когда война закончилась, помогали восстанавливать то, что было разрушено.

Мы с мужем с энтузиазмом делали все, что могли, на благо Хорватии. Встречали военные группы и делегации наших офицеров, прибывающих на обучение в Америку, которые по прибытии в Миннесоту посещали хорватский консульский отдел.

КОРПОРАЦИЯ КОРТЕК

В Америку Борис приехал в благоприятное для бизнеса время, но не каждому, у кого есть возможность, дано ее и реализовать. Для этого нужны знания, упорство, реальная оценка собственных сил и возможностей и желание идти на риск.

Работая на химическом предприятии, мой сын воочию видел, как химическая индустрия влияет на природу и жизнь людей. С детства он любил спорт и природу, а его увлеченность машинами и агрегатами в комбинации с приобретенными знаниями и

прирожденной предприимчивостью позволили ему начать собственное производство.

Идею, в каком направлении он мог бы работать, Борис получил, изучая работы Иосифа Розенфельда, советского физикохимика, который одним из первых начал заниматься вопросами теоретических и прикладных проблем коррозии и защиты металлов от коррозии. Розенфельд был директором кафедры электрохимии советской Академии наук и одним из основателей технологии летучих ингибиторов коррозии.

Кстати, сын рассказывал, что с профессором Розенфельдом связана интересная история. Как президент первого симпозиума по технологии летучих ингибиторов коррозии, который состоялся в Хьюстоне в 1976 году под эгидой NACE International (Ассоциации инженеров-коррозионистов), он лично пригласил профессора выступить с лекцией на пленарном заседании. Это была эпоха холодной войны между Советским Союзом и США, поэтому было очень сложно получить визы для въезда в Америку. Борис обратился напрямую к Уолтеру Мондейлу, который тогда был вице-президентом правительства от Миннесоты, где находился и Кортек. Мондейл лично попросил американского посла в Москве помочь получить визу Розенфельду и его «помощникам». Когда Розенфельд приехал на симпозиум, рядом с ним были его «помощники», которые на самом деле были агентами КГБ. На протяжении работы симпозиума в Хьюстоне у Бориса не было возможности поговорить с Розенфельдом с глазу на глаз, потому что у него было много вопросов относительно его исследовательской работы. Рядом с ним всегда были два агента КГБ, которые неотлучно следили за ним и даже вместе с ним ходили в туалет. На прощание Борис пригласил всех троих на ужин в знаменитый ресторан «Don the Beachcomber» в гавайском стиле. Этим двум агентам так понравилось, что они выпили «слишком много» коктейлей Май-Тай и оба уснули за столом после обеда. Борис этим воспользовался и смог получить ответы на вопросы о коррозии, которые его интересовали.

Второй и последний раз у Бориса была возможность встретиться с профессором на симпозиуме в Атланте в 1979 году. Как руководитель лаборатории коррозии и защиты конструкций

Института физической химии Академии наук СССР профессор Розенфельд обладал превосходными знаниями о процессе производства урана и атомного оружия. Этим-то и объяснялось неусыпное наблюдение со стороны КГБ. К сожалению, в 1981 году ученый умер, и Борису не удалось продемонстрировать ему результаты своей работы.

Путь от идеи до ее реализации был непростым. Несколько лет ушло на то, чтобы получить нужные документы. Кортек основан 1 октября 1977 года и первых три месяца работал на обыкновенной ферме, которую Борис взял в аренду. После Нового года он взял в аренду помещение в центре Сент-Пола, и тогда уже началось серьезное производство.

Сейчас в корпорацию входят четыре завода в Соединенных Штатах, один в Канаде и один в Хорватии. Представительства по дистрибуции продукции корпорации Кортек работают в 96 странах мира. У Бориса больше 40 американских и зарубежных патентов в области коррозии, на основе которых производится более 500 экологических химических продуктов и технологий.

Все это время, начиная с 1977 года, не останавливалась работа по пуску новых заводов из Кортек группы. Помню, как в конце прошлого столетия мы присутствовали при закладке фундамента нового завода в Миннесоте. Гордость переполняет мое сердце при воспоминании о том, как мой сын бросил первую лопату в фундамент будущего здания. В скором времени мы с сотрудниками праздновали расширение этого завода, работающего на основе зеленых технологий. Мы были счастливы и радовались не только тому, что наш сын достиг таких успехов в бизнесе, но и тому, что для независимой Хорватии наступают лучшие времена.

Годы шли, производство расширялось, росли новые заводы. В 2001 году Борис купил завод по производству бумаги в О-Клэре, втором по величине городе штата Висконсин.

Первый завод Бориса в Сент-Поле, тем временем, благодаря его неутомимому труду развивался, новый завод вырос в White Bear, городе, который в конце прошлого века стал промышленным центром, где в одночасье выросли новые компании и предприятия. Корпорация Кортек играет здесь значительную роль и регулярно получает награды как одна из самых быстрорастущих

экспортных компаний в Миннесоте, а также за охрану окружающей среды.

Будучи провидцем, Борис окружил себя профессионалами и нанимал на работу в свою корпорацию хороших работников. Степану и мне повезло, мы познакомились и пообщались с этими замечательными людьми, работающими в корпорации сына. В Сент-Поле у меня появилось много друзей, среди которых Рита и Аля, известные химики, которые переехали в Миннесоту из России и как опытные эксперты работают в лаборатории Кортека.

Работая почетным консулом, у Бориса возникла идея помочь Хорватии. Он решил открыть европейское предприятие в Хорватии. Выбор пал на Белый Манастир, город в Славонии, где был и заложен фундамент первого хорватского завода по производству биоразлагаемого пластика.

Я никогда не забуду свой первый приезд в Баранью и путешествие через Славонию, которая произвела на меня глубокое впечатление. Это было, как в стихах знаменитого русского писателя Тургенева:

*... И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой...
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами.
И падает тяжелый желтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч;
Там хорошо...*

Строительство и закладка фундамента первого завода в Хорватии стало для нас троих, меня, моего мужа и Бориса, большим

событием и большой честью. Мы познакомились с местными жителями, которые были весьма доброжелательны и вместе с нами с нетерпением ждали пуска завода, радовались перспективе трудоустройства и надеялись на лучшую жизнь в этом промышленно отсталом районе.

Я узнала из рассказов этих людей о том, насколько велика безработица и насколько им было важно, когда они увидели, как строители закладывают прочный фундамент для завода, который использует инновационную экологическую технологию. Люди подчеркивали, сколько веры и надежды они вкладывают в открытие зеленого завода американского предпринимателя хорватского происхождения Бориса Микшича в этом районе. По людям было видно, что они доверяют ему, поддерживают его и его новое видение экологического производства упаковки и насколько ценят, что выбор пал на их город. Однако потребовалось много времени и усилий, чтобы проект Бориса получил свое воплощение.

К несчастью, мой муж, который ко времени открытия «ЭкоКортека» в Белом Манастире перенес уже несколько операций на сердце, не был в состоянии присутствовать на торжественном открытии нашей первой хорватской фабрики, производящей биоразлагаемый пластик.

На церемонию, которая состоялась 11 октября 2007 года, в день рождения Бориса, мы поехали с сыном одни.

После многих лет борьбы за получение необходимых документов, после многих лет строительства и установки самого современного оборудования, необходимого для запуска завода в эксплуатацию, после приложенных огромных усилий Борису, наконец, удалось реализовать свою хорватскую мечту. В центре чудесной бараньской равнины выросло мощное предприятие по производству биоразлагаемого пластика, который планировалось экспортировать и на зарубежный рынок. Предприятие, которое во всех отношениях должно было повысить уровень жизни этого края и его замечательных жителей.

На церемонии нас встретили толпы людей. На открытие завода приехали хорватские бизнесмены и специалисты, университетские преподаватели из Европы и других стран мира, потенциальные покупатели биоразлагаемых технологий «ЭкоКортека»,

которые основываются на патентах Бориса, признанных во всем мире. Завод как дочерняя компания американской корпорации *Boris Cortec Corporation*, построенная в Хорватии, стал гордостью всех присутствующих на церемонии открытия.

К моему удивлению, торжественный акт открытия завода сын доверил мне. Дрожа от волнения и восторга, с помощью Бориса, я перерезала ленту, желая всем сердцем, чтобы проект Бориса осуществился в полной мере, веря, что он вернет улыбку на лица многих людей в Баранье, тех, кто нашел на заводе работу.

Сегодня корпорация моего сына является мировым лидером в области инновационных, экологически приемлемых технологий контроля коррозии для упаковочной, металлообрабатывающей, строительной, электронной, водоочистной, нефтегазовой и других отраслей промышленности. В течение сорока пяти лет, начиная с 1975 года, Борис вносит свой вклад в организацию многочисленных конференций NACE и участвует во всех национальных совещаниях. С 1976 года участвует от имени корпорации Кортек на всех выставках NACE Expo с 1976, посещает многие региональные совещания и конференции, включая Индию, Ближний Восток, Австралию, Китай, Латинскую Америку, а также Европейскую конференцию по коррозии и Экспо, где у него появилось много друзей и единомышленников.

С одним из предприятий на родине моих родителей, в России, Борис тесно сотрудничает. Оно так и называется «LLC Cortec RUS» и находится в Москве.

«Cortec RUS» – один из самых успешных дистрибьюторов продукции корпорации в мире. Их исключительная работа и опыт позиционируют технологию, которую разработал мой сын, как ведущее решение в области защиты от коррозии. Продукция Кортек используется на крупных инфраструктурных, нефтяных и промышленных проектах по всей России, от строительства арктических СПГ-терминалов до защиты оборудования на ядерных объектах.

За десятилетия совместной работы у директора и владельца компании «Cortec RUS» Антона Шемякина установились не только деловые, но и дружеские отношения с Борисом и Хорватией. Большой поклонник хорватской Адриатики, в течение многих лет

он с семьей приезжает на отдых в Хорватию. Я очень рада, что он был моим гостем в Нерезине, где в обществе его жены Ксении и дочери Полины у меня появилась редкая возможность вспомнить свои русские корни и разговаривать на русском языке. Россия – один из лучших покупателей технологий, которые разработал мой сын, внук русских эмигрантов, которых сто лет назад приютила Хорватия. История сделала полный круг и привела Бориса в землю исхода его предков.

Интересно, что применение продукции, которую выпускают заводы моего сына, возможно и в быту. Например, иконы, которые моя тетя Нина в наволочке привезла из России во время эвакуации, после ее смерти остались у меня. Во время войны мои двоюродные сестры, пока Карловац бомбардировали, приехали ко мне в Нерезине. С собой, как когда-то их мама, они привезли все самое ценное, что у них было, – две русские иконы: «Христа Вседержителя» и икону «Казанской Божией Матери» в серебряных окаладах. Иконы, которым уже свыше ста лет, мы дали на реставрацию, а оклады очистили и защитили составом, который изобрел мой сын.

Говоря о сыне, я не могу не сказать о моих внуках, в которых есть частичка меня, моей русской души.

МОИ ВНУКИ

Внучка Иванка (Evonne) и внук Пол (Paul) – моя большая радость, а время общения с ними для меня весьма драгоценно.

По происхождению они хорваты, как и их родители, мой сын Борис и его первая жена Ольга. Но они родились и выросли в Америке, поэтому чувствуют себя американцами, гражданами Америки, страны многочисленных возможностей и бурной истории.

Дети в американских семьях, когда вырастают и заканчивают обучение, идут своей дорогой. Так и мои внуки рано стали самостоятельными людьми и образовали свои семьи. Но, как и прежде, они любят приезжать в Хорватию, которую полюбили всем сердцем, посетить Загреб, где родился их отец, отдохнуть на нашей даче в Нерезине или поехать в Славонию, откуда родом их мама.

Иванка и Паул очень любят Хорватию и всегда с радостью вспоминают о поездках на родину своих родителей. Мы с мужем много гуляли с ними по Загребу, но особенно им запомнилась часовня Матери Божией у Каменных ворот в старом городе.

Оба, и внук и внучка, тяготеют к искусству; Иванка выбрала изобразительное искусство, а Пол – музыку и художественную фотографию. Их мама Ольга также увлекалась искусством и даже занималась живописью, пока училась в университете. Вместе с ней мы часто бывали в музеях, и я очень ценила ее художественный вкус. Я до сих пор храню ее фотографию францисканского монастыря в Нерезине, который она очень любила.

Внуки и после окончания института активно занимались самосовершенствованием, оба учили итальянский и французский языки. Борис и Ольга научили их хорватскому языку, чтобы они могли общаться на языке своих родителей, языке своей исторической родины. Они были воспитаны в духе любви к Хорватии и очень любят нашу страну, хотя и родились в Америке, которую они также очень любят, потому что это тоже их родина, страна, в которой они провели детство, получили образование и основали семьи.

Иванчица с трех с половиной лет занималась балетом. Когда мы со Степаном приезжали в Америку, мы с радостью водили ее на занятия и с удовольствием наблюдали, как она танцует.

Борис отлично катался на лыжах, научил этому дочь и сына, всегда поощряя в них склонность к спорту. И Иванка, и Пол хорошо играют в теннис.

Пол с детства увлекался музыкой. Вначале играл на скрипке, а потом достиг больших успехов в игре на гитаре. Внук закончил факультет в Миннесоте и сейчас работает в Канаде учителем, параллельно работает в качестве официального фотографа в нескольких школах, а также инструктором тенниса и лыжного спорта. Кроме того, Пол в Канаде основал вокально-инструментальный ансамбль и увлекается фотографией дикой природы в Онтарио.

Иванка окончила факультет истории искусств. Стажировалась во Франции и долгое время работала в Музее русского искусства в городе Миннеаполис, в Миннесоте, а наряду с основной работой занималась волонтерской работой в церквях. Теперь она

переехала на Флориду, поближе к отцу, и устроилась на работу в музей Дали.

Дипломную работу на факультете истории искусств Иванка защитила по теме «Иван Мештрович - художник и гуманист», где исследовала его жизнь и деятельность, писала о том, как этот великий гений преуспел в художественных достижениях и каковы особенности его искусства, связанные с родиной Хорватией.

Пол и Иванка часто приезжали к нам, когда мы были в Америке. Прогулки около моря всегда придавали мне сил, а общение с сыном и внуками помогли мне преодолеть трудные времена.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Историю моих родителей в какой-то мере повторил их внук, а мой сын Борис. Поскольку в семье, еще со времен моего папы, а затем и мужа, всегда были сильны антикоммунистические настроения, не удивительно, что Борис стал активным участником Хорватской весны 1971 года. После подавления студенческих демонстраций и демократического начинания прогрессивной молодежи и членов партии, стало ясно, что в Югославии у него особых перспектив нет.

Начало всему, что создал мой сын Борис, было положено в 1974 году. Сегодня продукция Кортека, которая основывается на принципах активного сохранения природы, известна всему миру.

Я с нетерпением жду каждой встречи и общения с сыном, он часто приезжает в Хорватию. Пока я летом 2020 года заканчивала писать эту книгу в своем любимом летнем пристанище в Нерезине, я с нетерпением ждала его приезда. Ждала, когда увижу его яхту неподалеку от нашего любимого острова Лошиня, острова, который он полюбил с детства.

Мой сын любит родной город Загреб и гордится своей первой хорватской фабрикой биопластики в Белом Манастире, которая, к радости и гордости всех нас, создана благодаря труду и преданности его команды и людьми в Белом Манастире, в Славонии. Все это его любимые места на его родине, где он любит отдыхать и работать.

Двенадцать лет назад, после смерти любимого мужа, с которым мы были знакомы 70 лет, а из них 62 года были в браке, мне пришлось начать новый жизненный этап. Я оплакивала Степана и нашу совместную жизнь, но моя энергия не увядала, энергия, которую мне давала сама жизнь и моя дорогая семья, с благословения Божиего. Сдерживая слезы, я не позволила им утопить меня в печали, так как всегда жизненную силу черпала в активной деятельности. Созидание и действие были для меня символом выживания на земле.

Из одиночества родилось мое желание работать, порыв, благодаря которому мне всегда удавалось выстоять в этой жизни. И сама не знаю, как в моей руке оказалось перо и я, не долго думая, услышала этот порыв и последовала ему. Ясно осознавая скоротечность жизни и сочувствуя страданиям людей в этом мире, я начал писать историю моей жизни с самого начала, так чтобы наши корни и история моей семьи не исчезли с моим переходом в мир иной.

Я хотела, чтобы у моего сына была подлинная информация о его предках, написанная моей рукой, чтобы он мог более спокойно плыть стезей своей жизни и творчества, зная, кто он и откуда и откуда его корни.

После ухода Степана я начала писать с самого начала, потому что почувствовала непреодолимое желание написать о своих предках, о моем Степане, о нашей жизни втроем с сыном Борисом, о наших многочисленных путешествиях. Я хотела вырвать из забвения все, о чем стоит помнить.

Хотя я прожила счастливую и долгую жизнь вдвоем с мужем и знаю, как это прекрасно, когда есть на кого опереться, я поняла, что могу найти красоту и смысл и в этой жизни, которой живу сейчас.

Я не хочу позволить себе скорбеть о прошлом, потому что могу быть счастлива благодаря любви моего сына, из-за тепла Земли, сияющего неба и завораживающей красоты, которую дарит нам природа. Мне нужно сосредоточиться на всем хорошем и красивом, что окружает меня, быть благодарной за то, что Бог дает мне в нынешней жизни, чтобы чего-то не упустить, чтобы это не кануло в небытие.

Первую книгу я написала на хорватском языке. Туда вошли все события, связанные с моей семьей, замужеством, рождением сына, его достижениями и честлюбивыми целями, связанными с Хорватией.

Эту книгу я пишу на русском языке и подробно рассказываю в ней о своей русской части семьи, о тех, кто пережил революцию, обрел новую родину в Хорватии, но и вынужден был покинуть ее после Второй мировой войны.

Подобно моим родителям, которые очень любили и уважали Хорватию, но своей настоящей родиной считали Россию, мой сын, как и я, родиной уже считал Хорватию, а этому учил и своих детей. Несмотря на то, что они родились в Америке, они хорошо говорят на хорватском языке, а вот на русском, к сожалению, в семье уже никто не разговаривает.

Ничего не поделаешь, такова жизнь.

На этом завершается мой русский рассказ, моя русская история, история последней ветви в семье Генрихсен, из тех ее членов, которые оказались в Хорватии. Поскольку у моего папы родились только девочки, а у его дяди не было детей, фамилию Генрихсен в Хорватии уже никто не носит.

После смерти мужа я предпринимала попытки разузнать что-либо о моих родственниках в России. Все мои попытки закончились неудачей, но я очень надеюсь, что в России наш род не исчез бесследно и наверняка есть люди, гордо носящие эту фамилию.

Я горжусь роинами моих предков, как Швецией, откуда пошел наш род Генрихсен, так и Россией, где родились мои папа и мама. Я люблю свою родину – Хорватию, где я родилась, выросла, вышла замуж, родила сына и благословила его на самостоятельное плавание. Я люблю свою приобретенную родину Америку за то, что она дала неограниченные возможности моему сыну развить свои способности и применить приобретенные знания, а также доставила нам со Степаном много дивных моментов в нашем золотом возрасте.

Россия гордится потомками русской эмиграции, людьми, которые оставили родину, но из поколения в поколение передавали любовь к России, находили свое истинное призвание, становились

успешными людьми, личностями мирового масштаба, как мой сын Борис, и приумножали русский мир во всем мире.

Бог задержал меня в этой жизни до 98 лет, чтобы у меня была возможность издать эту книгу, в которую я вложила много сил и здоровья, ведь я стараюсь идти по пути моих предков, моих родителей, с большой благодарностью Матушке России.

Нина Микшич

Славя

русская история в фотографиях

Здание Смольного института благородных девиц в Санкт-Петербурге до революции

Группа преподавателей и классных дам Смольного института

| Урок рисования в Смольном институте

| Урок географии в Смольном институте

Группа воспитанниц Смольного института на занятиях по ручному труду

Урок хорового пения в Смольном институте

Урок гимнастики

Уроки танцев

| *Воспитанницы за обедом*

| *На прогулке*

Торжественный выпускной бал в Смольном институте

Бела Црква : Руски Донски
Марин. Институт

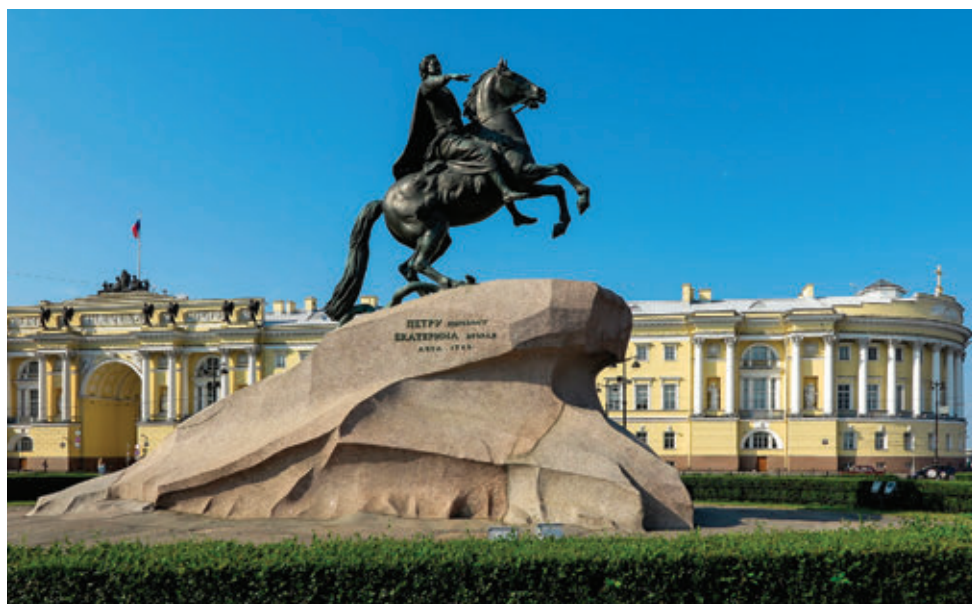
Мариинский Донской институт в Белой Церкви

Мариинский Донской институт в Новочеркасске

*Воспитанницы Мариинского Донского института в
Королевстве Югославия*

Медный всадник

Московский Кремль

Соборы Кремля

Собор Василия Блаженного

Московский университет

Здание Смольного во время моей поездки в Ленинград

Здание Смольного института, 1917 год

Смольный институт, 1917 год. Последний выпуск воспитанниц Смольного института в Санкт-Петербурге. Моя мама, Александра фон Радецкая, стоит первая слева в третьем ряду

Семейная фотография, сделанная в России до революции. В центре сидит тетя Нина, папина сестра, в честь которой мне дали имя

Детство в России; слева направо: папин брат
Николай, мой папа Сергей и их сестра Нина

*Медицинские сестры в военном госпитале;
Тетя Нина третья слева*

Папин брат Николай. 1909 год. Свидетельство
об окончании Воронежского училища

*Тетя Нина (стоит первая справа) и ее муж
доктор Дмитрий Попов (стоит второй слева)
с персоналом военного госпиталя*

*Тетя Нина, медицинская сестра, и ее
муж доктор Попов. Фотография сделана
приблизительно в 1917 году*

Персонал передвижного военного госпиталя; второй слева доктор Попов

Военный госпиталь; доктор Попов четвертый справа (сидит), а за ним стоит моя тетя Нина

*Мой отец Сергей Владимирович Генрихсен,
офицер Русской императорской армии*

*Брат отца Николай
Владимирович Генрихсен;
Фотография сделана до
революции*

*В Карловаце 1926 год. Слева направо:
моя сестра Оля и я*

*Папин отец, мой дед Владимир Густавович
Генрихсен до революции в России.*

В России до революции. Справа налево: брат деда Алексей Густавович Генрихсен, его жена Клавдия Георгиевна, родственница Оксана и другие родственники

В Делнице 1925 год. Слева направо: мой отец, моя мама с сестрой Олей, бабушка со мной на руках, тетя Нина с Таней, отчим Михаил Марасевич, а сзади стоит Инночка

Брат деда Алексей с собаками Лордом и Леди

Так сегодня выглядит домик в Гедеровцах, где я родилась

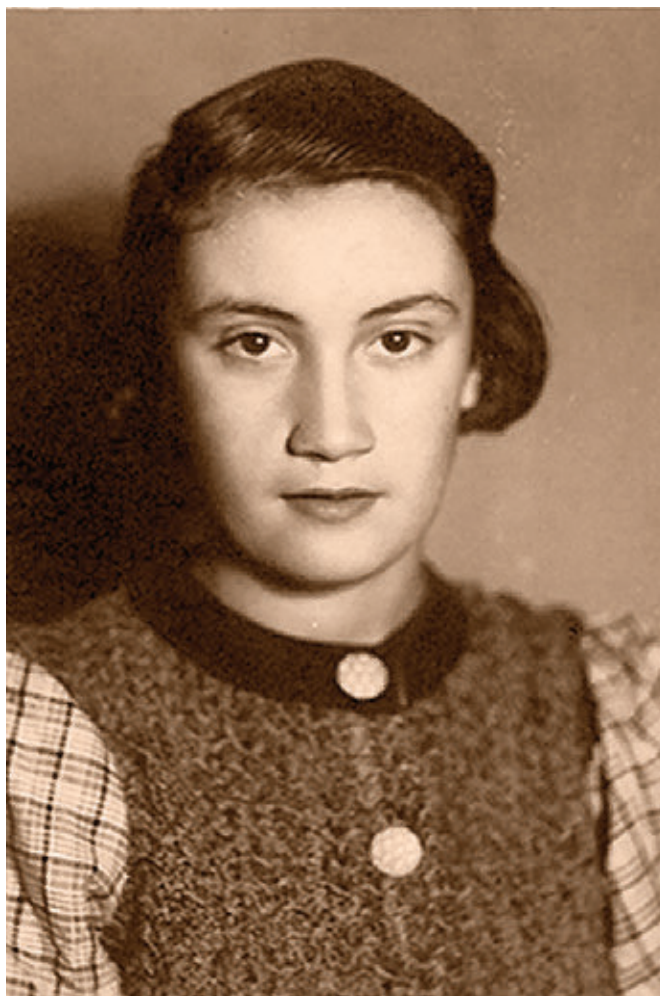
*Белая Церковь. Я в Донском институте,
1933 год.*

*Я у бабушки Клавдии и деда Алексея в Биeline.
Перед поступлением в Донской институт,
1933 год*

Первый курс филологического факультета

*В гимназии в Карловаце, 1938 год перед
выпускными экзаменами*

На реке Корана, 19 июля 1940 года. Слева направо: моя сестра Оля, подруга Надя и я

После школьного выпуска. Поездка в Дуга-Ресу, 1941 год. Слева направо: я, Юрий Борделиус и Оля

*Выпускницы Женской реальной гимназии в Карловаце, 1941 год.
Я в третьем ряду первая справа*

На реке Коране. Оля и я

Фотография из зачетной книжки

В Загребе 1941 год. Я первокурсница

Загреб, 1942 год

*Я студентка. Перед зданием тогдашнего
философского факультета*

Загреб, 24 июня 1943 год. Я студентка

| Студентка

| На Коране у водопада. 31 июля 1941 года. Я и Оля

Карловац, 1942 год. У окна в новой квартире на улице Ягича

Мы со Степаном во время встречи в 1943 году

*Мой муж Степан во время рождения сына
Бориса*

1943 год

*Счастье материнства. С сыном Борисом,
1950 год*

Мой сын Борис с книгой, 1950 год

Борису три года. Мы отдыхаем в Опатии

Борис с игрушечным грузовиком

Мой сын в 1950 году, на Трешневке

| Я с Борисом, 1956 год

Мой сын Борис в детстве, 1952 год

*Я, Борис и Степан в Загребе перед памятником
королю Томиславу, 1959 год*

Борис первоклассник, 1957 год

Мой муж Степан, приблизительно 1970 год

*Борис с нашими друзьями из Австрии.
Я первая справа*

Экскурсия в Грецию с учениками Зубоврачебного техникума

Экскурсия в Истрию с учениками медицинского училища
«Андрія Штампар»

| Я на даче в Нерезинах. Сначала мы посадили растения,
а потом строили дом

| Я в Нерезинах в конце 1960-х годов

| Борис на матче по большому теннису

| Я на даче в Нерезинах, в 1970-х

Мы со Степаном в Нерезинах в 1970-х

Мы со Степаном перед недостроенным домом в 1980-х

Первая фотография Бориса, сделанная в США

*Симпозиум по технологии летучих
ингибиторов коррозии, Хьюстон, 1976 год.
Слева направо: профессор Иосиф Розенфельд,
Борис Микшич и Док Сингер*

Мы с Борисом на озере Миннесоты, 1974 год

*Первый барбекю в Америке, 1974 год,
в Коло парке*

Борис с детьми в Миннесоте

Август 1977 года. Я с внуками. Иванчице два с половиной года, а Паулю три месяца

| Мы с Борисом, Паулем и собакой Енки, 1983 год

| Борис перед своей первой яхтой, Флорида

На судне в Буенос-Айресе, устѣе реки Ла-Плата, февраль 1987 года

Степан на корабле «Кралевица», март 1987 года

Моя первая фотография в Бразилии,
март 1987 года. Риу-Гранди-ду-Сул

После больницы в Буенос-Айресе

| Я в Сан-Паулу, март 1987 года

| Сан-Паулу. Слева направо: Степан, я, Манюсина дочка
Наташа, моя мама и Олин сын Миша

Рыбные ряды на базаре в Сан-Паулу, Бразилия

Степан на фоне панорамы Сан-Паулу, Бразилия

На яхте Бориса «Саншайн», Саратога, Флорида

В просторной гостиной на яхте

| Мы с Борисом и Степаном в 1990-х, старый добрый Роллс-Ройс

| Мы с Борисом перед его домом в Норт-Оксе, апрель 1993 года

Яхта на причале в Лонгборд-Кей

Я перед виллой Бориса в Голф-Линкс-Лейне, здесь же в бухте стоит яхта

Борис Микшич, почетный консул в Миннесоте. На открытии Почетного Консульства

Борис и тогдашний посол Хорватии в Америке Шарчевич на открытии Почетного Консульства

В хорватском Почетном Консульстве в Америке. Слева направо: Генеральный консул в Чикаго Марина Маткович, военный чин из Посольства, Степан, я и посол Грдешич

Борис и Джо Рукавина на праздновании первого Рождества в консульстве в Миннесоте. Блюда к столу я готовила сама.

Хорватская военная делегация во главе с генералом Маринко Крешичем в рамках программы «Партнерство за мир» в гостях у Бориса в его резиденции в Норт-Оксе.

Я в Новом Орлеане в 2004 году, когда Борис получил награду НАСЕ

*Закладка первого камня в фундамент завода в Барании.
Степан, я и Борис*

*Первый завод биопластика в Белом Манастире. Борис и я на
торжественной церемонии перерезания ленты*

*Празднование дня рождения Бориса на открытии завода
в Белом Манастире, 2007 год*

Борис в Мустанге с рабочими перед заводом в Белом Манастире

| Мы с невесткой Инес

| Я в Нерезинах уже без Степана

| С помощью Бориса я перерезала ленту и открыла новый завод

| Первая продукция нового завода

| Мы с моим дорогим сыном Борисом, которому я посвящаю эту книгу

| Мы с сыном перед нашим Мустангом

Мой день рождения

*Обработанная составом, который изобрел мой сын,
икона, которой больше ста лет*

Иконы Христа Вседержителя и Матери Божьей Казанской, которые тетя Нина привезла из России

В одной части здания находится представительство Cortec Rus – Москва

Мне 97 лет.

*Я очень рада, что мне удалось
в моей глубокой старости написать
эту книгу для всех дорогих людей на чтение.*

| *Закладка первого камня в фундамент завода в Барании.
Степан, я и Борис*

*Первый завод биопластика в Белом Манастире.
Борис и я на торжественной церемонии
перерезания ленты*

ISBN 978-953-58556-1-3

9 789535 855613

100,00 kn